ЧАРЛИ ЧАПЛИН

ПИТЕР АКРОЙД

Чарли Чаплин
Питер Акройд

Аннотация
Питер Акройд. Чарли Чаплин
1. Детство в Лондоне
2. Выход на сцену
3. Сохранять серьезность
4. «Зарабатывая на жизнь»
5. Ритм
6. Неугомонный бесенок
7. Чарли! Чарли!
8. За камерой и перед ней
9 Маленький мышонок
10. Свобода и слава
11. Снова дома
12. «Почему бы тебе не прыгнуть?»
13. На грани безумия
14. Красота молчания
15. Бродяга уходит
16. Новый персонаж
17. «Давайте работать и сражаться!»
18. «Начинайте избиение»
19 Без возврата
20. Тени

Библиография

Аннотация

Вот уже сто лет фильмы Чарли Чаплина вызывают восторг зрителей и критиков. За это время взошли и погасли тысячи других звезд, а он остается любимцем публики. Биография великого актера, созданная Питером Акройдом, раскрывает секрет невероятной популярности Чаплина. Это огромное актерское мастерство, безукоризненное владение искусством смешного, умение соединять комическое с трагическим, а главное – любовь к людям, получившая зримое воплощение в созданном им образе маленького нищего человечка с большим сердцем и добрыми грустными глазами.

Питер Акройд
Чарли Чаплин

Peter Ackroyd
CHARLIE CHAPLIN

Перевод с английского Ю. Гольдберга
Дизайн обложки В. Матвеевой

© Peter Ackroyd, 2014
© Гольдберг Ю., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014
КоЛибри®

1. Детство в Лондоне

Добро пожаловать в мир Южного Лондона в последнее десятилетие XIX века! Правда, он жалкий и убогий, с маленькими и, как правило, грязными магазинчиками… В нем нет величия и энергии главной части города на другом берегу Темзы. Жизнь здесь течет медленнее. По свидетельствам современников, в конце XIX и начале XX столетия это был особый район, который вряд ли кто-либо назвал гостеприимным. Южный Лондон был словно отрезан от жизни всей остальной столицы, и именно этим объясняется атмосфера усталости и оцепенения, которая на неподготовленного человека могла произвести тяжелое впечатление. Здесь располагались мелкие, отравляющие воздух мастерские — шляпные и кожевенные. Многочисленные фабрики выпускали печенье, джем и пикули — мелкие маринованные овощи, подаваемые как гарнир или закуска. Небольшие заводики по производству клея соседствовали со складами пиломатериалов и скотобойнями. Воздух был зловонным — пахло уксусом, собачьими экскрементами, дымом, дешевым пивом.

Это был характерный запах бедности… В конце XIX века Кеннингтон — район, где был первый дом Чарльза Чаплина, — имел все основания называться трущобным.

Районы к югу от реки на протяжении столетий были местом развлечений сомнительного характера. В XIX веке эта традиция продолжилась публичными домами, питейными заведениями и салонами мюзик-холла, где за плату за вход или за более высокие цены в баре проходили выступления с танцами и пением. Один из первых мюзик-холлов — Winchester — открылся в 1840 году именно в Южном Лондоне. Через восемь лет появился Surrey. Два самых больших мюзик-холла, Canterbury и Gattis-in-the-Road, располагались вдоль Вестминстер-бридж-роуд, а маленькие можно было найти повсюду. Воскресным утром артисты мюзик-холлов собирались в пабах White Horse, Queen's Head, Horns или Tankard (юный Чаплин их хорошо знал). Антрепренеры предпочитали Lambeth.

Южный Лондон был отделен от остальной части столицы, поэтому тут сформировалась особая атмосфера общности. Эта часть города была перенаселена, и женщины, а также дети много времени проводили на улицах рядом со своими

жилищами. Они сидели на стульях у дверей или высовывались из окон, опираясь на подоконники. Их настоящим домом была улица, а не квартира: домохозяйки судачили друг с другом, дети играли. Одним из этих детей был Чарльз Чаплин. «Они мне родные, эти кокни, — писал он в 1933 году в журнальной статье. — Я один из них». Южный Лондон навсегда останется источником и средоточием его вдохновения.

Происхождение Чарльза Чаплина так и осталось загадкой. Не было найдено ни свидетельства о его рождении, ни записи о крещении. Однажды он специально приехал в Сомерсет-хаус[1], пытаясь отыскать документ о своем рождении, но там ничего не было. Он искал себя и тут, и там — везде, но нигде не находил. Он появился словно из ниоткуда. Не меньшая загадка и место его рождения. Сам Чаплин считал, что родился на Ист-лейн рядом с Уолворт-роуд. Эта узкая улица называлась Ист-стрит, но местные жители называли ее Ист-лейн. В воскресенье утром тут шумел оживленный рынок — толпились

[1] Примечания: 1

С о м е р с е т-х а у с — общественное здание, занимающее целый квартал между Стрэндом и Темзой, где размещаются различные государственные учреждения, в том числе Управление записи актов гражданского состояния.

лоточники, торгующие овощами и фруктами, старьевщики и разъездные продавцы. Возможно, Чаплин появился на свет именно на Ист-лейн, а может, и нет. Тут есть еще один нюанс, намного более важный. Чаплин признавался, что не знает точно, кто его биологический отец. Тем не менее он был Чарльз Чаплин-младший. Когда родился Чарли, его мать Ханна (по сцене Лили Харлей) была замужем за Чарльзом Спенсером Чаплином-старшим. И все-таки Чарли говорил друзьям, в частности своему ассистенту Эдди Сазерленду: «Я не знаю, кто на самом деле был моим отцом…» Вполне возможно, что Чаплин был, как тогда выражались, дитя любви.

С личностью его матери вопросов нет. В середине апреля 1889 года в восемь часов вечера Ханна Чаплин родила мальчика. Соответствующее объявление появилось в театральной газете The Magnet. «15-го числа супруга мистера Чарльза Чаплина родила чудесного мальчика. Мать и сын чувствуют себя хорошо». The Magnet ошиблась на один день: чудесный мальчик родился 16 апреля.

Семья Ханны, Хиллы, была, как сказали бы сейчас, проблемной. Многие ее члены, жившие в окрестностях Ист-стрит, считались беспутными.

Тяготы нищенского существования наложили на некоторых свой отпечаток, плюс по женской линии в семье передавалось безумие. Ханна взяла себе псевдоним Лили Харлей и в начале 1884 года вышла на подмостки в качестве певицы. Она добилась определенного успеха, но затем ее сценическая карьера пошла на спад.

Нет никаких сомнений, что мать Чарли познакомилась с мистером Чаплином, когда тот снимал комнату у семьи Хилл в Уолворте, на Брэндон-стрит. Ханне исполнилось 19 лет, и она была беременна. Как говорила сама Ханна, она тайно бежала в Южную Африку с богатым букмекером по имени Сидни Хоукс, но была вынуждена вернуться. Результатом этого бегства стал мальчик, которого тоже назвали Сидни. Как бы то ни было, в июне 1885 года Чарльз Чаплин женился на мисс Хилл и дал ее сыну свою фамилию. Второй сын Ханны тоже получил одинаковое с отцом имя.

Через год после рождения Чарли мистер Чаплин ушел от Ханны. Скорее всего, причиной была неверность жены. Он догадывался или подозревал, что ребенок не его. Впоследствии Чаплин признавался, что у его матери было много любовных интрижек. Кроме того, бедность и отчаяние вполне могли толкнуть ее на панель. В книге

«Моя биография» (My Autobiography) Чаплин говорит: «Судить о морали нашей семьи по общепринятым нормам было бы так же неостроумно, как совать термометр в кипяток». В фильмах, которые он снимет, среди персонажей постоянно будут встречаться проститутки…

Это сложная и запутанная история, хотя и не такая уж необычная в рабочем районе, где мужья часто расставались с женами, а женщинам частенько приходилось торговать собой, чтобы прокормить детей. В то, что семейные узы оказались некрепкими, свой вклад внесло и пьянство. Чаплин-старший стал пить.

Первое официально задокументированное появление Чарльза Чаплина-старшего на сцене состоялось в 1887 году. Его изображение в цилиндре и фраке можно увидеть на обложке к нотам песни «Дружба, которую не разрушит время» (Pals Time Cannot Alter). Чаплин-старший с успехом исполнял такие песни, как «Да, парни?» (Eh, Boys?), «Церковные колокола» (As the Church Bells Chime) и «Все отлично!» (Oui! Tray Bong!). Он обладал приятным баритоном и непринужденно держался на сцене, изображал щеголя, прожигателя жизни, обходительные манеры которого соответствовали элегантным визитке, галстуку и

головному убору. Говорили и о любви к благородным напиткам, в частности к шампанскому, но от алкоголизма это не спасло.

Часто — и повсеместно! — высказывались предположения, что в жилах Чаплина течет еврейская кровь. Сам он это отрицал, но были случаи, когда он намекал на свое еврейское происхождение или по крайней мере не исключал его. А поскольку точно не известно, кто на самом деле был его отцом, это оставляло место для разного рода спекуляций. Тем не менее можно достаточно уверенно утверждать, что в роду Чарли Чаплина имелись цыгане. Он не раз говорил, что бабушка его матери была наполовину цыганкой. В письме, которое было обнаружено после его смерти, упоминается о том, что он родился в цыганском таборе в Сметвике в окрестностях Бирмингема, а поскольку отправителя звали Джек Хилл, в этой истории вполне могла быть доля истины.

Друзья Чаплина считали, что его мать — цыганка, и говорили, что сам он немного знал английский вариант цыганского языка, в частности, свободно владел жаргоном цыган. Старший сын Чаплина, Чарльз-младший, в своих мемуарах писал: «…Отец всегда необыкновенно гордился этой буйной цыганской кровью», — другой его

сын, Сидни, на склоне лет женился на цыганке.

Ханна и двое ее маленьких сыновей недолго прожили на Ист-стрит. Записи о регистрации учащихся школы, в которую ходил Сидни, свидетельствуют, что семья часто меняла адрес, хотя и в пределах одного района. Переезды продолжались все детство Чарли. Когда ему было два или три года, у Ханны появился новый любовник. На этот раз ее избранником стал Лео Драйден, популярный актер варьете. Он сочинял патриотические песни, восхваляющие страну и королеву. Одну из самых известных его баллад, «Мечта шахтера о доме» (The Miner's Dream of Home), исполняют до сих пор. Лео хорошо зарабатывал. Вероятно, благодаря этому Ханна с детьми перебрались с шумной и перенаселенной Ист-стрит на относительно тихий и благополучный Уэст-сквер. Районы разделяло всего полмили, но впечатление было такое, что они переехали в другую страну.

В семье появилась горничная. Чаплин всю жизнь помнил воскресные прогулки по Кеннингтон-роуд. На нем был бархатный костюмчик синего цвета и синие, в тон, перчатки. Он вспоминал Вестминстер-бридж-роуд с фруктовыми лавками, пабами и мюзик-холлами, вспоминал,

как сидел на втором этаже конки и тянул вверх руки, чтобы дотронуться до веток витекса — цветущего древовидного кустарника, которым была обсажена улица. Эти мгновения чистой радости остались с ним навсегда. Он также вспоминал запах только что сбрызнутых водой роз, которые продавала цветочница на углу Вестминстер-бридж. В его фильмах цветы часто служили символом хрупкости бытия или обреченной любви.

Эти картины совсем не похожи на суровую действительность раннего детства, прошедшего в Южном Лондоне. Тем не менее они не выдуманы, и эти воспоминания свидетельствуют о первых всплесках воображения Чаплина. Совершенно ясно, что речь идет о коротком периоде — два или три года, — когда семья не пребывала в бедности. Вероятно, это важное обстоятельство, поскольку герой Чаплина на экране, Бродяга, производит впечатление человека, который в прошлом жил значительно лучше.

В этот счастливый период Ханна Чаплин родила от Лео ребенка, опять мальчика. Уилер Драйден появился на свет в конце августа 1892-го, а весной следующего года отношения Ханны и Лео подошли к концу. Драйден оставил ее, а сына

забрал с собой. Драйден считал Ханну плохой матерью. Именно тогда начались все ее несчастья. Несколькими неделями раньше мать Ханны, Мэри Энн Хилл, поместили в психиатрическую больницу. Врачи диагностировали у нее «бессвязность мысли».

Ханне, на попечении которой было двое сыновей, пришлось самой заботиться о себе — семья не могла оказать ей никакой поддержки. Неизвестно, на что она жила. Вполне возможно, нашла себе нового любовника… Или нескольких…

Впоследствии Чаплин в книге «Моя биография» упоминал о том, что в 1894 году его мать получила ангажемент певицы в театре Canteen в Олдершоте. Аудитория там состояла в основном из солдат, грубых и шумных. Во время одного из выступлений у Ханны сорвался голос, и ее освистали, заставив уйти со сцены. Тогда директор Canteen вывел на сцену маленького Чарльза. Мальчик спел какую-то популярную песенку. Зрители стали бросать монетки, и Чарли прервался, чтобы поднять их. Это рассмешило публику. Собрав деньги, мальчик снова запел, подражая тем, кого слышал раньше. В какой-то момент он даже сымитировал сорванный голос матери. Ханну, которая еще раз появилась перед зрителями,

чтобы увести сына, встретили аплодисментами. Чаплин писал, что голос у матери так и не восстановился, хотя ей еще один раз удалось получить ангажемент в Hatcham Liberal Club. Ее представляли как мисс Лили Чаплин, певицу и танцовщицу.

Эта любопытная история вполне может быть правдой, хотя среди многочисленных объявлений о спектаклях мюзик-холлов, публиковавшихся в газете The Era, упоминания о представлении в Canteen нет. Чаплин рассказывал и другой вариант этой байки: на сцену его вытащил отец, а причиной провала матери был не кратковременный ларингит, а то, что она стала заглядывать в бутылку. Не стоит слишком строго судить Чаплина, утверждая, что он лгал о своем детстве, — Чарли просто придумывал разные истории из прошлого, в зависимости от своего настроения и обстоятельств, в которых он эти истории рассказывал. По официальной версии, Чаплин был защитником и даже спасителем матери — эту роль в отношении молодых женщин брал на себя и Бродяга в его фильмах.

Ханна Чаплин, по всей видимости, продолжала навещать антрепренеров, и на какое-то время ей удалось устроиться танцовщицей в балет Кэтти

Ланнер в театре Empire на Лестер-сквер — одном из самых оживленных и популярных мест английской столицы. Другая артистка из Empire вспоминала, как маленький Чарли останавливался за боковыми декорациями и тихонько пел ее партию на полстрочки впереди… «Чем сильнее я хмурилась, глядя на него, тем шире он улыбался», — говорила она. Эта женщина также рассказывала, что уже тогда у Чарли был превосходный музыкальный слух и он запоминал почти все, что она пела. Директор начальной школы на Виктори-плейс в Уолворте, которую недолго посещал Чаплин, вспоминал о мальчике так: «У него были большие глаза, копна черных вьющихся волос и красивые руки… Он был очень милым и застенчивым».

Как бы то ни было, артистическая карьера Ханны Чаплин закончилась. Она подрабатывала швеей, чинила старую одежду, но это был тяжелый и низкооплачиваемый труд. За поддержкой и утешением Ханна обратилась к Господу. В 1895 году она стала прихожанкой церкви Христа на Вестминстер-бридж-роуд, записавшись так: «Актриса, которая живет отдельно от мужа». Дополнительным заработком было шитье одежды для членов общины, однако физическое напря-

жение подточило ее здоровье.

29 июня 1895 года Ханну поместили в Ламбетскую больницу, где она пробыла месяц. Мать Чарли страдала от сильнейшего стресса, который, по всей видимости, проявлялся в виде мигреней. Ее старшего сына Сидни отправили в местный работный дом, но через какое-то время перевели в школу для бедных в Вест-Нортвуде. Чарли взял к себе родственник бабушки по отцовской линии, Джон Джордж Ходжес, живший в том же районе.

В начале весны 1896 года мальчики снова стали жить с матерью, но их адрес неизвестен. Они переезжали из одной дешевой съемной комнаты в другую и за три месяца сменили шесть разных чердаков и подвалов. У Чаплина сохранились в основном грустные воспоминания об этом периоде жизни. Сидни вырос из своего пальто, и Ханна смастерила ему новое из своего бархатного жакета. Ему также приходилось носить старые материны ботинки, с которых спилили высокие каблуки. Мальчики воровали еду у уличных лоточников. Семья жила на благотворительные пожертвования прихожан — «посылки для бедных». Они посещали бесплатные столовые при церкви. В детстве Чаплин ни разу не пробовал сливочное масло и сливки, а став взрослым и

очень хорошо обеспеченным человеком, ел их жадно, иногда просто не мог остановиться. Джон Даблдэй, автор памятника Чаплину, установленного в 1981 году на Лестер-сквер, напротив кинотеатра Odeon, говорил, что у Чарли была плохо развитая грудная клетка недоедающего ребенка. Кстати, похожий памятник этого же скульптора, изображающий Чаплина в образе Бродяги, который и сделал его знаменитым, установлен на берегу Женевского озера.

Безусловно, были и счастливые моменты. Как-то маленький Чарли заработал несколько пенсов, танцуя у дверей пабов под доносившиеся оттуда звуки аккордеона. Однажды Сидни, продававший газеты, нашел в автобусе кошелек с золотыми монетами. Впрочем, не исключено, что он его вовсе не нашел… На эти деньги вся семья отправилась в Саутенд, где Чаплин впервые увидел море. Раньше они купались только в кеннингтонских банях, когда могли себе это позволить. Мать водила мальчиков на представления с волшебным фонарем в Baxter Hall, где вход стоил пенни. Ханна, когда была здорова и в хорошем настроении, развлекала детей тем, что копировала выражения лиц и движения проходящих по улице людей. Возможно, именно от нее

младший сын унаследовал этот талант.

В очерке для журнала Photoplay, написанном в 1915 году, Чаплин утверждал: «…мать была самой удивительной женщиной из всех, которых я знал. Помню, какой она была очаровательной и хорошо воспитанной. Она бегло говорила на четырех языках и получила хорошее образование… Я никогда не встречал такой утонченной женщины, как моя мать». Конечно, скорее всего он переоценивал ее таланты и достоинства. Один из соседей вспоминал: «Он думал, что из живших на земле людей нет никого, кто сравнился бы с его матерью. Парень считал ее лучшей актрисой в мире, потрясающей леди, своим идеалом». Она же называла младшего сына «король». Скорее всего, подобная любовь обречена на разочарование.

Вскоре матери и сыну суждено было расстаться. Весной 1896 года швейную машинку Ханны пришлось вернуть из-за невозможности вносить арендную плату, и она уже не могла заниматься прежним ремеслом. Ханна снова заболела и попала в больницу. Выхода не было… Детей пришлось отдать в работный дом — место, которого больше всего боялись бедняки. «Ты попадешь в работный дом!» — это было самое страшное предупреждение. В мае того же года мальчики

оказались в Сатеркском работном доме — судя по записи в книге регистрации «по причине отсутствия отца, а также нищеты и болезни матери». Можно представить себе их растерянность… Тем не менее в той же статье в Photoplay Чаплин заявлял: «Англичане очень боятся работного дома, но я не помню никаких особенных ужасов». Больше всего ему запомнилось, как он потихоньку выбирался из здания, гулял и воображал себя очень богатым и знатным человеком… «Я был мечтателем и фантазером. Я всегда представлял себя кем-то другим…»

Дети пробыли в работном доме около трех недель, пока Ламбетский опекунский совет разыскивал их предполагаемого отца, Чарльза Чаплина-старшего. В конечном счете его нашли. Представ перед опекунским советом, он согласился забрать Чарльза, но не Сидни — на том основании, что старший мальчик несомненно незаконнорожденный. Члены совета придерживались мнения, что братьям будет лучше вместе, и Чаплин согласился платить 15 шиллингов в неделю на содержание детей в Хэнуэллском приюте для сирот и бедных детей. Там их все-таки разлучили — 11-летнего Сидни отправили в отделение для старших, а 7-летнего Чарльза к

малышам. Впоследствии он сказал кому-то из журналистов: «Мое детство закончилось в возрасте семи лет. Маленькие обитатели приюта строем ходили из класса в класс и из спальни в столовую». Чаплину присвоили номер 151. Конечно, в бытовом плане детям там жилось гораздо лучше, чем их сверстникам на улицах или в трущобах. Им выдавали теплую одежду, прочные ботинки, кормили просто, но сытно.

Для маленького Чарльза приют стал местом, где он страдал и часто чувствовал себя униженным. Впоследствии он называл проведенное там время своим тюремным заключением. Его разлучили с матерью и братом — Сидни отправили на учебное судно военно-морского флота. Во всем мире у него больше никого не было. Маленький, беспомощный, лишенный надежды… Возможно, он подглядывал за девочкой в замочную скважину. Возможно, он устроил пожар в туалете. Говорят разное… Но независимо от преступления наказание было известно заранее: мальчик получал один или два удара розгами. Однажды он занемог, и ему прописали слабительное, следствием чего стала замаранная постель. Два дня спустя его лишили апельсина и леденцов, которые детям раздавали на Рождество… Однако, несмотря на

все страдания, это был единственный период в жизни Чаплина, когда он получал формальное образование. Чарльз научился писать свое имя, а также читать по слогам.

Ханна не навещала его почти год. По всей видимости, мальчик думал, что его предали. Когда наконец летом 1897 года мать приехала к нему, маленький Чаплин испытал ужас и унижение. Своему близкому другу Гарри Крокеру он признался, что мать вызвала у него мучительную неловкость. Возможно, Ханна несла на себе печать безумия, которое передавалось в семье из поколения в поколение. Чаплин рассказывал Крокеру, что она почему-то пришла с масленкой в руках. «Зачем ты это принесла, мама? — спросил он. — Зачем ты вообще пришла? Они все тебя увидят. Они все тебя увидят!» В книге «Моя биография» Чаплин рассказывает совсем другую историю — свежая, благоухающая красавица пришла навестить своего одинокого ребенка. Где правда?

В одном из ранних фильмов Чаплина есть сцена, в которой пожилая женщина тащится вверх по лестнице с ведром воды. На четвертом или пятом этаже неожиданно открывается дверь, и мужчина бьет ее по лицу. «О! — в ужасе вскри-

кивает он, увидев незнакомку. — Я думал, вы моя мать!» — «У вас есть мать?» — спрашивает женщина. «Да, — плача, отвечает он. — У меня есть мать». Смешного тут мало…

Чаплин никогда до конца не верил женщинам. Он боялся утраты и одиночества, равнодушия и душевных травм, а малейшая провокация вызывала у него приступы ревности. С любовницами он был подозрительным, неуступчивым и сердитым.

Выжить в Хэнуэлле ему помогло то, что он сделал себя неуязвимым. «Даже когда я был в приюте… — рассказывал Чаплин впоследствии старшему сыну, — даже тогда я считал себя величайшим актером в мире. Я должен был ощущать власть, которую дает абсолютная уверенность в себе. Без нее ты обречен на поражение». Эта неуязвимость станет характерной чертой его экранного персонажа. Бродяга всегда остается невозмутимым. И непобедимым. Он оправляется от неудачи и с небрежным достоинством уходит прочь. В этом он проявляет неукротимую энергию и упорство. И редко становится объектом жалости.

Таким образом, в жизни мальчика мы можем увидеть истоки будущего экранного персонажа,

Бродяги. В первых картинах Чарли он зачастую бывает злым, жестоким, хочет любой ценой взять реванш, особенно в отношении власть имущих. Ему очень нужны еда и чувство безопасности. Он отчаянно ищет любви, но нигде ее не находит. У него нет ни семьи, ни дома. Он научился справляться с превратностями судьбы, изображая безразличие. Большинство более поздних фильмов Чаплина также связано с искусством выживания в этом враждебном или безразличном мире…

18 января 1898 года Чаплин, которому было 8 лет, покинул Хэну-элл и вернулся к матери. Два дня спустя домой с учебного судна Exmouth приехал Сидни. Семья снова была вместе. Как они тогда жили, неизвестно. Возможно, именно этот период вспоминал Чаплин, когда сказал своей любовнице Мэй Ривз, что каждые четыре недели их выгоняли из дома, потому что они не могли платить арендную плату. Каждый раз им приходилось собирать вещи и тащить на себе матрасы и стулья на новую квартиру. Во время одного из ностальгических визитов Чаплина в район своего детства они с Мэй гуляли в Кеннингтоне. Он показал ей обшарпанный продуктовый магазин: «Как я радовался, когда можно было прибежать

сюда и купить что-нибудь на два пенса! — Затем он указал ей на навес: — Я часто ночевал здесь, когда нас выгоняли из квартиры. Хотя предпочитал спать на лавочке в парке».

Вероятно, водворение в Ламбетский работный дом — 22 июля — было неизбежным. У семьи не получалось выжить в большом мире. Через неделю мальчиков перевели в приют Вест-Норвуд, в котором Сидни уже один раз побывал. Затем произошло нечто странное. 12 августа Ханна Чаплин смогла убедить администрацию, что она здорова и ей можно доверить детей. Мальчиков отпустили из приюта на ее попечение. Мать с сыновьями провели целый день в Кеннингтонском парке, где лакомились вишнями и играли в мяч, сделанный из скомканной газеты. Это была краткая иллюзия благополучия, побег от окружавшей их реальности. В конце дня Ханна весело сказала, что пора пить чай. Она имела в виду чай в Ламбетском работном доме, куда они и явились, вызвав неудовольствие администрации, которой заново пришлось заполнять документы. Три дня спустя мальчиков вернули в приют Вест-Норвуд. Жестокий мир снова обступил их со всех сторон… Став взрослым, Чаплин говорил, что пребывание в любом сквере всегда вызывает у него грусть. В

1932 году в журнальной статье он писал о том, какое гнетущее впечатление производит на него Кеннингтонский парк.

В начале сентября Ханну Чаплин привезли из работного дома в Ламбетскую больницу. Все ее тело было покрыто гематомами. Кроме того, врачи предположили, что она больна сифилисом — в третьей стадии эта болезнь может поражать мозг. Правда, впоследствии диагноз не подтвердился. Через девять дней Ханну снова перевели, на этот раз в психиатрическую лечебницу Кейн-хилл в Саррее. Тамошние специалисты описывают ее поведение так: «Ведет себя очень странно — то кричит и ругается, то чрезвычайно ласкова. Неоднократно помещалась в палату с обитыми войлоком стенами вследствие внезапных вспышек агрессии — швыряла кружку в других пациентов. Кричит, поет, бессвязно разговаривает. Сегодня утром жалуется на голову, пребывает в подавленном состоянии, плачет — плохо соображает и не может предоставить достоверную информацию». Ханна спрашивала врачей, не умирает ли она. Говорила им, что послана на землю с небес. Затем заявила, что хочет покинуть этот мир.

В Вест-Норвуд приехали две медсестры, чтобы

сообщить мальчикам о состоянии матери. Сидни доиграл футбольный матч, а потом заплакал. Чарльз не плакал, но стал винить мать в том, что она его предала. На самом деле Ханну поразило наследственное безумие.

Теперь ответственность за двух мальчиков должен был нести Чарльз Чаплин-старший. Сидни и Чарли посадили в фургон, принадлежавший Ламбетскому работному дому, куда их вновь перевели, и привезли на Кеннингтон-роуд, 287, где мистер Чаплин жил со своей любовницей Луизой, которая совсем не обрадовалась появлению нежеланных детей. Довольно часто, будучи в подпитии, она горько жаловалась, какие неудобства ей причиняет присутствие мальчиков. Особенно Луиза невзлюбила Сидни, который, впрочем, избегал ее, — его не было в доме с раннего утра до полуночи.

Карьера Чаплина-старшего близилась к закату. Популярность его падала, и по мере того, как число ангажементов уменьшалось, он все чаще утешал себя выпивкой. В те вечера, когда мистер Чаплин выступал, он мог быть милым и оживленным, а перед выходом из дома на концерт непременно выпивал стакан портвейна с шестью сырыми яйцами — по его словам, для голоса. До-

вольно часто Чаплин-старший весь день и вечер переходил из одного паба в другой — в районе им счету не было — и пытался утопить в спиртном свою тревогу и отчаяние. Младший сын все это видел — в будущем умение изображать пьяного принесет Чарли славу.

Такое времяпрепровождение Чаплина-старшего сильно раздражало Луизу, которая срывала зло на мальчиках. Как-то раз в субботу утром Чарльз вернулся домой из школы и обнаружил, что в квартире никого нет и есть совсем нечего. Он ждал, но никто так и не пришел. Отчаявшись, мальчик до самого вечера слонялся по окрестным рынкам. Денег у него не было. Чарли бродил по улицам до темноты, потом вернулся на Кеннингтон-парк-роуд, но свет в квартире не горел. Пройдя несколько ярдов до Кеннингтон-кросс, он сел на обочину тротуара и стал ждать. У двери паба White Hart два музыканта, один с аккордеоном, другой с кларнетом, играли песню «Жимолость и пчела» (The Honeysuckle and the Bee). Музыка настолько очаровала мальчика, что он перешел через дорогу, поближе к ним. Эту песенку Чаплин будет помнить всю жизнь.

Вернувшись, Чарли увидел Луизу, которая шла к дому. Женщина была пьяна и все время спо-

тыкалась. Мальчик подождал, пока она закроет дверь, а затем проскользнул внутрь с кем-то из жильцов и поднялся на темную лестничную площадку. Луиза вышла и сказала, чтобы он убирался. Это не его дом. В другой раз полицейский сообщил, что видел Сидни и его младшего брата в три часа ночи — они спали у костра ночного сторожа. Такую жизнь приходилось вести маленькому Чарльзу.

12 ноября в дверь постучала Ханна Чаплин. Ее выпустили из Кейн-хилл, и она пришла забрать детей. Мать и сыновья поселились в маленькой квартирке за углом, на Метли-стрит. Ханна стала зарабатывать шитьем блузок. Запахи с консервной фабрики Хей-уорда, расположенной позади дома, смешивались с вонью расположенной по соседству скотобойни. Впрочем, жители Южного Лондона привыкли к таким запахам.

Хозяйка дома на Метли-стрит вспоминала: «Чарльз был хрупким ребенком с копной темных волос, бледным лицом и яркими голубыми глазами. Из тех, что я называю «маленький бесенок», — с утра до вечера на улице. Я помню, что он регулярно находил человека с шарманкой и танцевал под его музыку. Помогал заработать шарманщику и сам получал несколько медяков.

Думаю, так он и начал превращаться в артиста. Чарли отдали в школу в Кеннингтоне, но он был ужасным прогульщиком».

Вообще-то дни его учебы подходили к концу. Судя по записям в журнале, последний раз Чаплин приходил в школу 25 ноября 1898 года, после чего его можно было найти не в классе, а на сцене мюзик-холла. Он стал профессиональным танцором.

2. Выход на сцену

В конце 1898 года юный Чаплин присоединился к труппе исполнителей клогданса[2] под названием «Восемь ланкаширских парней» (The Eight Lancashire Lads). Возможно, он получил работу благодаря Чарльзу Чаплину-старшему, поскольку основатель труппы Уильям Джексон жил неподалеку, тоже на Кеннингтон-роуд. Свою роль мог сыграть и опыт мальчика как уличного артиста… На время гастролей ему предоставлялись еда и жилье, а Ханне Чаплин причиталось полкроны в неделю. Наверное, она не считала эту работу идеальной для младшего сына, но так семья хотя бы получала стабильный дополнительный доход.

Одна из театральных газет описывала выступление «Ланкаширских парней» как яркий и веселый номер, имеющий настоящую изюминку. Он длился 10 минут и представлял собой, по словам автора, один из самых лучших танцев клогданса, которые только можно увидеть на сцене. Все мальчики были одеты в белые льня-

[2] Примечания: 2

К л о г д а н с — танец, похожий на чечетку, исполняется в башмаках на деревянной подошве.

ные рубашки с кружевным воротником, бриджи и красные башмаки на деревянной подошве. Эти башмаки предназначались для тяжелой работы в шахтах и на фабриках на севере Англии, а танцы в них, веселые и изящные, словно служили символом свободы, победы над несчастьями и рабским трудом. Возможно, клогданс был отражением бунтарского духа маленького Чарли. Он репетировал в течение шести недель, пока труппа гастролировала в Манчестере, а первый раз его выпустили на публику в Портсмуте. Чаплин испытывал страх перед выходом на сцену, и прошло еще несколько недель, прежде чем он смог исполнить сольный номер.

Сын Уильяма Джексона вспоминает, что Чаплин поначалу был очень тихим мальчиком… и неплохим танцором. Наряду с этим он добавляет: «Первым делом мне пришлось заставить его постричь до приемлемой длины волосы, которые спутанными кудрями падали на плечи». Он также говорит, что младший Чаплин уже тогда был потрясающим мимом. Из Портсмута «Ланкаширские парни» вернулись в Лондон, затем отправились в Мидлсбро, Кардифф, Суонси и Блэкпул. Они редко сидели без работы. В столице и других городах труппа металась из театра в театр

в кэбе или на подводе, нередко с криком: «Мы должны спешить в следующий зал!» Это была изнурительная работа. В театрах пахло пивом, немытыми телами и табаком. Публика в этих шумных и грубых местах могла пуститься в пляс или подраться. Зрители бывали жестокими, но понравиться им было просто — они подпевали песням, которые знали, и выкрикивали популярные фразы любимых комиков.

Для Чаплина все это стало самой лучшей школой в таких дисциплинах, как песня и танец. Кроме того, он пользовался возможностью учиться у клоунов и комиков, которые участвовали в тех же концертах. В 1917 году Чарли рассказывал репортеру: «Каждое движение отпечатывалось в моем юном мозгу, как фотография. Я обычно повторял их все, когда приходил домой… Мои самые первые наблюдения за клоунами в лондонских пантомимах оказались необыкновенно полезными». Он даже мечтал вместе с другим мальчиком из труппы, Бристолем, организовать дуэт под названием «Бристоль и Чаплин — бродяги-миллионеры». Сценический образ бродяги был в то время очень популярен — среди представителей разных жанров встречались бродяги-жонглеры и бродяги-велосипедисты.

Жизнь артиста мюзик-холла была суровой. Каждое выступление длилось недолго, от 5 до 15 минут, перед буйной аудиторией, обычно подогретой алкоголем. Гипнотизеры и маги, акробаты и комики соревновались друг с другом за аплодисменты и внимание зрителей. Безразличие публики — смертный приговор для исполнителя. Песни, которые пели в мюзик-холлах, зачастую рассказывали о горестях рабочего класса, о подробностях общественной и семейной жизни, о трудностях существования на грани полной нищеты. Они были исполнены грубоватого юмора или более тонких сексуальных намеков.

Местом действия скетчей комиков и мимов нередко становились ломбарды и дешевые доходные дома или рестораны, а среди персонажей встречались официанты, бродяги, а также неудачники, пытающиеся замаскировать свою нищету. Некоторые нелепо одевались, имитировали смешную походку или опирались при ходьбе на зонтик либо трость. Именно они вдохновили Чаплина на создание персонажей его первых фильмов. Самые успешные артисты исполняли один и тот же номер на протяжении нескольких лет, но были и такие, кто предпочитал разнообразие и вариации. Важно то, что, как писали в то

время газеты: «Оригинальность имеет большое значение для успеха артиста. Но из чего состоит оригинальность? В значительной степени из личности». Чаплин будет творить искусство из личности.

Величайшим из этих оригинальных артистов был, наверное, Дэн Лино, с которым Чаплин 15 недель выступал в одном представлении в лондонском Tivoli. Чарли не потребовалось много времени, чтобы усвоить основы искусства комика. Макс Бирбом описывал Лино так: «…бедный маленький потрепанный персонаж, такой «затюканный», но в то же время отважный, со скрипучим голосом и размашистыми жестами, слабый, но упорный, воплощение воли к жизни в мире, в котором не стоит жить. Естественно, все симпатии были на стороне Лино». Лицо его покрывал белый грим. Он часто надевал мешковатые брюки и ботинки с необыкновенно длинными носами. У него были большие глаза и изогнутые дугой брови, и он мог мгновенно изобразить на лице печаль. Мэри Ллойд, еще одна прима мюзик-холла, с которой выступал Чаплин, как-то спросила его: «Ты видел эти глаза? Таких грустных глаз нет в целом мире. Потому что если бы мы не смеялись, то плакали бы до изнеможе-

ния. Понимаешь, мне кажется, что настоящая комедия — это почти плач». В свою очередь, Стэн Лорел однажды сказал Чаплину о Лино: «У него такие глаза, что они просто притягивают взгляд». То же самое можно сказать о Бродяге — его внешности, поведении, манерах.

Энергия буквально била в Лино через край. Он мог очень далеко прыгнуть назад и приземлиться на носки ботинок. В нем жила душа настоящего кокни, воплощением которой скоро станет сам Чаплин. В 1915 году в начале карьеры как киноартиста журнал Bioscope назвал Чарли Дэном Лино экрана. Впоследствии Чаплин очень любил изображать звезд мюзик-холла былых времен, чьи песни он прекрасно помнил.

Об этом периоде Чарли говорил, что терпел жизнь исполнителя клогданса потому, что верил: это шанс, который позволит ему достигнуть чего-то большего и лучшего. У него были большие амбиции. Один из современников, сын директора театра Canterbury, вспоминал его холодные голубые глаза, которые свидетельствовали о чем-то серьезном и не сломленном в его душе. Это была сила воли.

Ханна и Сидни Чаплин по-прежнему жили на Метли-стрит, теперь вместе с отцом Ханны. Отту-

да Чарльза Хилла увезли в Ламбетскую больницу, а через месяц поместили в работный дом. Знакомые стадии падения для обедневших обитателей Южного Лондона, проходивших путь от нищеты к смерти. Может быть, семья Чаплина однажды тоже окажется в их числе?

Пока Чарли был в турне с «Ланкаширскими парнями», Чарльз Чаплин-старший начал сдавать. Последний раз он выступал 31 декабря 1900 года в театре Empire в Портсмуте. В это время его сын играл в пантомиме «Золушка» (Cinderella). Чаплин вспоминал, что в представлении он работал со знаменитым французским клоуном Марселином. Марселин садился у большого бассейна, доставал удочку и пытался ловить на драгоценности плавающих в воде танцовщиц. В конечном счете ему с большим трудом — и уморительными ужимками — удавалось вытащить маленького пуделя. Собачка оказывалась умелым подражателем. Если Марселин вставал на голову, пудель делал то же самое. Об этом «рыжем» клоуне, который никогда не разговаривал, а изъяснялся только языком жестов, говорили, что он обладает потрясающим умением рассмешить и одновременно вызвать к себе симпатию. Юный артист внимательно наблюдал.

В одной из сценок с участием Марселина Чаплин, игравший роль кошки, не удержался от небольшой импровизации. Во время представления он принялся обнюхивать собачку, а затем у арки просцениума поднял лапку в совсем не кошачьем жесте и удалился… под гром аплодисментов. Его озорная выходка развеселила зрителей, но вызвала гнев импресарио, не терпевшего даже намека на непристойности. Это, возможно, первое свидетельство желания Чаплина чем-то выделиться, отличиться от других.

13 апреля 1901 года, после того как «Золушку» закрыли, Чарли ушел из «Ланкаширских парней». Он страдал от астмы, и Ханна была уверена, что именно тяжелая работа артиста подорвала здоровье ее сына. Она забрала Чарли домой. Сидни только что получил место помощника стюарда и оркестранта на пароходе Norman, и мать решила, что младшего сына теперь можно держать дома. Чаплину в прямом смысле слова не хватало воздуха, он буквально задыхался — возможно, отчасти из-за того, что комната, которую ему приходилось делить с матерью, оказалась очень тесной. Обратились за консультацией к врачу. Он сказал, что с возрастом астма должна пройти. К счастью, доктор не ошибся.

Весной этого же года Чарльз Чаплин-старший оказался на пороге смерти. У него развился цирроз печени. Друзья отвезли его — пьяного — в госпиталь Святого Фомы. Немного протрезвев и осознав, где он находится, мистер Чаплин попытался… сбежать. Однако сил на это у него уже не было — тело чудовищно раздулось от водянки, а из его колена врачи откачали несколько литров жидкости. Что лукавить? Чарльз Чаплин-старший спился и умер от пьянства. Похороны, состоявшиеся 9 мая, организовал благотворительный фонд помощи артистам варьете, а похоронили Чарльза С. Чаплина на кладбище в Тутинге. В некрологе, напечатанном в журнале The Stage, говорилось, что усопшего преследовали неудачи и несчастья сильно подорвали его здоровье.

Вскоре пришла пора искать работу юному Чарльзу. Они с матерью снова скитались, меняя жилье: Честер-стрит, Парадайз-стрит, Мунтон-роуд. Чаплин разыграл и трагическую карту — смерть отца. Повязав на руку траурную креповую повязку, он продавал нарциссы в местных пабах, жалобным голосом рассказывая о кончине родителя. Кто останется равнодушным к убитому горем мальчику? Торговля шла успешно до тех пор, пока Ханна не увидела, как сын выходит из

паба с букетиками цветов.

Тем не менее она была тверда — в мюзик-холл, ставший источником несчастий для его отца, Чарльз не вернется. Он стал пробовать другие занятия. Когда речь шла о том, чтобы выжить, Чаплин умел проявить практическую сметку и предприимчивость. Он работал рассыльным в мелочной лавке. Потом стал регистратором в приемной врача — это место в свое время занимал Сидни. Говорили, что Чарли служил посыльным в отеле, хотя в данном случае реальные события могли перепутать с одной из сыгранных им ролей. Чаплин был клерком, помощником парикмахера, продавал газеты у станции метро «Клэпхэм-Коммон». Давал уроки танцев. Даже торговал одеждой на уличном рынке «Ньюингтон-Баттс».

Чарли ненавидел и презирал бедность. Она была унизительной. Она не отпускала. Вне всяких сомнений, в детстве Чаплин часто плакал от беспомощности и жалости к себе, однако, по словам мальчика, он злился на мир. «Посмотрите на них, — говорит персонаж его последнего фильма «Графиня из Гонконга» (A Countess from Hong Kong). — Спрессованы, как сардины. Вот что мне не нравится в бедных. У них нет вкуса. Они вы-

бирают худшие районы, чтобы жить, едят самую плохую пищу и ужасно одеваются». Разумеется, это гротеск, однако в этой фразе отразились чувства самого Чаплина.

Чарли вспоминал, как в этот период мать столкнулась на улице со знакомой артисткой, которая совсем обнищала. Над оборванной женщиной издевались уличные мальчишки, пока Ханна не вмешалась и не прогнала их. Тогда женщина заговорила. «Лили, ты меня не узнаешь? Я Ева Лесток!» Когда-то ее называли лихой Евой Лесток, и газета The Era писала о ней как об одной из самых красивых и популярных исполнительниц трагикомических песен, которые когда-либо пели в Англии. Теперь Ева спала под мостами или в ночлежках Армии спасения. Таковы превратности судьбы. Ханна повела бывшую подругу к себе домой. Чарли чувствовал себя неловко и злился — для него эта женщина была просто грязной бродяжкой. Ханна заставила Еву сходить в общественные бани, а затем бывшая звезда мюзик-холла, к большому неудовольствию Чарльза, провела три дня в их тесной квартирке. Чаплин не испытывал сочувствия к бедным и одиноким.

Жить стало немного легче, когда они с матерью сняли комнату в доме миссис Тэйлор, приятель-

ницы Ханны и весьма набожной женщины. Но эта передышка скоро закончилась — мать Чаплина поссорилась с дочерью миссис Тэйлор и назвала ее, по словам самого Чарли, «леди дерьмо». Как тут не вспомнить его утверждение, что Ханна была одной из самых утонченных женщин, каких он когда-либо встречал, и не задуматься о том, так ли это?

Одна из последних лондонских квартир, в которых Чаплин жил с матерью, находилась на Поунэлл-террас. Во время Второй мировой войны, в 1943 году, в одной из радиопередач он сказал, что всегда будет помнить комнату на верхнем этаже дома на Поунэлл-террас, помнить, как преодолевал вверх и вниз три пролета узкой лестницы, чтобы вылить дурацкие помои. Чаплин вспоминал зеленщика Хили, мясника Уэгорна и бакалейщика Эша. Воздух в самом доме был пропитан зловонием от старой одежды, утвари и гниющих отбросов, а они с матерью жили в крохотной комнате с заставленным грязными тарелками и чайными чашками столом у стены и маленькой белой железной кроватью в углу. Рядом с кроватью стояло кресло, которое на ночь раскладывали для Чарли.

Именно в этой комнатке произошли некоторые

важные для него события. Однажды, весной 1903 года, он вечером вернулся домой и от соседской девочки узнал, что его мать сошла с ума. Она ходила от двери к двери с кусочками угля и объясняла другим жильцам, что это подарки для детей. Раздача угля в качестве подарков имеет простое объяснение. Дело в том, что в самом первом словаре сленга слово *cole*[3] на цыганском жаргоне имело значение «деньги».

Соседи уже позвали врача. Он пришел и тут же поставил диагноз: безумие. Плюс сильное истощение. Доктор сказал Чарли, что его мать нужно отвести в больницу. По всей видимости, Ханна и сама туда хотела. Для нее это было убежище. Через много лет Чаплин рассказывал журналисту: «Я видел себя, напуганного, маленького и тощего мальчика, который вел мать за руку, тащил ее сквозь туман, вонь и холод».

Когда они пришли в больницу, Ханна бросила на сына долгий прощальный взгляд, и ее увели медсестры. Записи Ламбетского опекунского совета свидетельствуют о том, что маленький Чаплин поведал врачу, что его мать говорила о людях, которые умерли, но их можно увидеть,

---

[3] Примечания: 3
Слово *coal* (уголь) произносится так же, как *cole*.

выглянув из окна. Мальчик объяснял, что она разговаривала с воображаемыми людьми, а раньше все время «заходила в комнаты незнакомцев». Сам врач сообщает, что пациентка очень громко и бессвязно разговаривает, то молится, то сквернословит, поет и кричит, говорит, что пол — это река Иордан и она не может через нее перейти. Далее он добавляет, что больная жестока и деструктивна. Должно быть, это оказался не первый эпизод безумия — Чаплин уже видел свою мать такой.

Врач стал расспрашивать мальчика об их семейных обстоятельствах, и тот, подчиняясь инстинкту самосохранения, быстро ответил, что будет жить с теткой. У него не было никакого желания снова оказаться в казенном заведении. Он вернулся в комнату на Поунэлл-террас. Хозяйка разрешила ему остаться до тех пор, пока не найдется новый жилец. Чарли избегал людей и все время проводил на улицах, где как-то ухитрялся выпрашивать или воровать еду. Потом он познакомился с рубщиками дров, работавшими в глухом переулке за Кеннингтон-роуд, стал помогать им и в конце недели получил за труды шесть пенсов.

Чарли с нетерпением ждал, когда вернется из

плавания Сидни. 9 мая, через несколько дней после того, как Ханну поместили в больницу, судно, на котором плавал его брат, встало на якорь в Саутгемптоне. «Если бы Сидни не вернулся в Лондон, — впоследствии признавался Чаплин, — я, наверное, начал бы воровать на улицах… Меня похоронили бы в общей могиле». Сидни известил о своем прибытии телеграммой. Когда он приехал из Саутгемптона на вокзал Ватерлоо, там его встретил грязный, оборванный уличный мальчишка. Этот случай Чаплин вспоминал в книге «История Чарли Чаплина, рассказанная им самим» (Charlie Chaplin's Own Story), опубликованной в 1916 году. «Сидни, ты меня не узнаешь? Я Чарли».

Сидни, шокированный видом младшего брата, стал действовать. Он проследил, чтобы Чарли как следует вымылся и надел новую, только что купленную им одежду. Сидни выяснил, что их мать недавно перевели в психиатрическую лечебницу в Кейн-хилл. Братья поехали к ней. Ханна сильно изменилась. Бледная, с синими губами, апатичная, подавленная, рассеянная и занятая своими мыслями, она почти не реагировала на попытки сыновей поговорить с ней. Следующие 17 лет ей будет суждено провести в лечебнице.

Исключением стал недолгий период, когда к ней вернулась ясность ума.

3. Сохранять серьезность

Даже в это время трудностей и неуверенности в завтрашнем дне юный Чаплин не забывал о театре. Он время от времени наведывался в театральное агентство Блэкмора на Бэдфорд-стрит, возле Стрэнда — главной улицы Лондона, которая соединяет Вестминстер (центр политической жизни) и Сити (центр деловой активности). Ему всегда отвечали: «Для вас ничего нет», но через месяц после возвращения Сидни Чаплин получил письмо с приглашением прийти. Служащего агентства Блэкстоуна только что проинформировали, что требуется актер на роль посыльного в пьесе У. С. Джиллета «Шерлок Холмс» (Sherlock Holmes), с которой предстоят гастроли по стране, и он тут же вспомнил живого и энергичного парнишку, который приходил к нему раньше.

Удача, всегда сопутствовавшая Чаплину в тяжелые периоды жизни, на этот раз улыбнулась ему дважды. Актер Х. Сентсбери, который должен был играть Холмса, недавно сам написал пьесу «Джим, роман оборванца» (Jim, A Romance of Cockayne). Как только он увидел 14-летнего Чар-

ли, то сразу понял, что мальчик как нельзя лучше подходит на роль уличного продавца газет в ней, не зная, что тому приходилось заниматься этим ремеслом в реальной жизни. Сценарий, который дал Сентсбери, Чаплин взял домой. Прочитать его и выучить роль ему помог Сидни. Больше всего

Чарли интересовало жалованье. Директор театра предложил ему 2 фунта и 1 шиллинг в неделю. Чаплин ответил: «По поводу условий я должен посоветоваться с братом». Директор рассмеялся. Тогда это действительно могло показаться смешным, но роль финансового советника останется за Сидни на протяжении почти всей жизни Чаплина.

Премьера «Джима» состоялась в Кингстоне 6 июля 1903 года, а последний спектакль был дан всего две недели спустя в Grand Theatre в Фулеме, однако Чаплин уже усвоил ценные уроки актерского мастерства. Сентсбери объяснил ему, что такое ритм действия, научил держать паузу, управлять голосом, входить в мизансцену и даже правильно сидеть. Чарли говорил, что все это получалось у него совершенно естественно — требовалась лишь подсказка. Правда, у него была склонность переигрывать… К тому же он дергал головой.

Работа над пьесой произвела на Чаплина огромное впечатление. Много лет спустя он помнил каждое слово той роли. Кроме того, Чарли усвоил еще один урок. Впоследствии он часто повторял своим актерам, чтобы те не дергали головой.

«Джим» не имел успеха у публики, но Чаплина заметили. The Era писала о нем как о славном парне в роли уличного продавца газет Сэма, который создает реалистичный образ нахального, но честного, верного, самостоятельного и философски настроенного беспризорника, обитателя лондонских трущоб. Реалистичности удивляться не следует — этот мир и этих людей Чаплин знал не понаслышке.

Вскоре должен был начаться гастрольный тур «Шерлока Холмса». Труппа репетировала весь июль, и 27-го числа в Pavilion Theatre на Майл-Энд-роуд состоялась премьера. Потом они отправились в Бертон — город, расположенный в графстве Стаффорд-шир, на реке Трент, и Ньюкасл. Неофициальным опекуном Чарли стала костюмерша Эдит Скейлс. Она вспоминала, что на первое недельное жалованье Чаплин купил фотоаппарат и в свободное время стал подрабатывать уличным фотографом, беря за снимок три или шесть пенсов. Чарли всегда стремился зара-

ботать денег. В Блэкберне труппа жила в Market Hotel. Один раз Чаплин вошел

в гостиную, где сидели и выпивали фермеры, и запел перед этой случайной аудиторией. Затем, к всеобщему удовольствию, он исполнил клог-данс. А в конце представления прошел по кругу со шляпой.

Мисс Скейлс вспоминала и другие эпизоды из жизни мальчика, которому шел пятнадцатый год. По ее словам, обычно Чарли проверял каждую строчку в счетах, выставляемых квартирными хозяйками, и вычеркивал услуги, которыми не пользовался. Во время гастролей в городке Эштон-андер-Лайн Чаплин стал свидетелем ссоры хозяйки с пьяным трубочистом, и мисс Скейлс рассказывала, что, когда во время судебного разбирательства он давал показания, никто не мог понять его из-за выговора кокни. Впоследствии Чаплин приложит много сил, чтобы избавиться от акцента.

По его собственному признанию в этих северных городах он страдал от тоски и одиночества. Наверное, поэтому у Чарли были два ручных кролика.

Чаплин был очень стеснительным. Его тянуло к примадонне труппы Грете Хан, но, увидев ее

на улице, он поспешно скрывался в ближайшем переулке, чтобы избежать встречи. «Я перестал следить за собой, — вспоминал Чаплин, — сделался неряшливым». Он получал письма от Сидни, который сообщил, что был вынужден распрощаться с мечтой о сцене и устроиться буфетчиком в Coal Hole на Стрэнде. «С тех пор как заболела мама, — писал Сидни в одном из писем, — у нас никого не осталось на свете, кроме друг друга, поэтому ты должен писать мне регулярно, чтобы я чувствовал, что у меня есть брат». Но Чаплин всегда неохотно писал письма.

В спектакле он играл Билли, слугу Шерлока Холмса, и вскоре в прессе появились положительные отзывы о нем. Газета The Era писала, что этому юноше удается сделать смышленого слугу любимцем публики. Через много лет секретарь Чаплина наткнулся на коллекцию газетных вырезок. Первыми там лежали два отзыва о роли Билли в «Шерлоке Холмсе». В одном говорилось, что мистер Чаплин необыкновенно ярок и естествен в образе Билли, а автор другого соглашался, что самую яркую актерскую игру в спектакле

показал мистер Чарльз Чаплин, который в роли Билли продемонстрировал огромную фантазию, а также драматическое чутье. Эти строки были

подчеркнуты самим Чаплином, который хранил вырезки с рецензиями до конца жизни. Именно во время этого турне появилась первая карикатура на Чаплина, которую нарисовал Джордж Кук. По всей видимости, Чарли понравился рисунок — он заплатил за него 7 шиллингов и 6 пенсов.

В конце 1903 года Чарли удалось уговорить директора труппы занять в спектакле «Шерлок Холмс» и Сидни, который играл небольшую роль престарелого аристократа, однако можно не сомневаться, что одной из причин его приема было то обстоятельство, что он будет приглядывать за младшим братом.

Несколько недель спустя к мальчикам присоединилась мать — Ханну выписали из психиатрической лечебницы Кейн-хилл. Когда семья воссоединилась, точно неизвестно. Возможно, в начале января — труппа тогда гастролировала в Уэйкфилде, — но сам Чаплин вспоминает, что это было уже к концу гастролей. Они в это время работали ближе к Лондону, в Олдершоте или Истборне. Впрочем, это не так уж важно.

Общий доход составлял больше 4 фунтов в неделю. Ханна и мальчики могли позволить себе «роскошную квартиру» с двумя спальнями и гостиной. Ханна ходила за покупками и убирала

комнаты. Могло показаться, что вернулись прежние времена семейной жизни, вот только Ханна была необычно молчаливой и сдержанной. Она вела себя как гостья в доме, а не как мать. Братья приняли решение, что ей лучше вернуться на Честер-стрит в Кеннингтоне. Там Ханна окажется в привычном для себя окружении.

Гастроли продолжались до начала лета. Последний спектакль труппа дала 11 июня 1904 года в театре West London на Эджвар-роуд. Теперь юный Чаплин, как говорили в театральных кругах, отдыхал. Они с Сидни обосновались у матери на Честер-стрит. Неизвестно, чем братья занимались в этот период свободы, но сам Чаплин отмечает, что испытал облегчение, когда в конце октября снова уехал в турне с «Шерлоком Холмсом» — с новой труппой и новым исполнителем главной роли. Жить с Ханной становилось все труднее.

Сидни также не упустил шанс обрести свободу и снова ушел в море помощником стюарда и горнистом. Он отсутствовал три месяца.

Почти сразу после возвращения старшего сына в Кеннингтон у Ханны случился рецидив. 16 марта 1905 года ее опять поместили в Ламбетскую больницу. Врач отметил странное поведение и бессвязную речь пациентки. «Она то

танцует, то поет, то плачет. Временами больная делает непристойные жесты и сквернословит, временами молится и говорит, что родилась заново», — записано в истории ее болезни. Два дня спустя Ханну снова отвезли в психиатрическую лечебницу Кейн-хилл, где она провела семь лет. После этого миссис Чаплин перевели в частное заведение, пребывание в котором оплачивал ее младший сын, ставший к тому времени богатым и знаменитым.

Вторые гастроли закончились в начале мая 1905 года, и Чарли снова какое-то время отдыхал. Однако успех «Шерлока Холмса» у публики был поистине грандиозным, и уже в середине августа Чаплин отправился в третье турне по стране. На этот раз партнеры его не впечатлили. Он считал труппу слабой и испортил отношения с актерами, рассказывая, как играл ту или иную сцену предыдущий состав или как нужно произносить одну или другую реплику. По всей видимости, именно в этот период он купил свою первую скрипку, к которой впоследствии присоединится виолончель. Сольная меланхоличная музыка как нельзя лучше соответствовала его характеру. Чаплин был левшой и поэтому натянул струны на инструменте в обратном порядке.

В октябре он с облегчением расстался с труппой. Уильям Джиллет, автор «Шерлока Холмса», написал 10-минутную интермедию, которую должны были разыгрывать перед тем, как будет выпущен главный спектакль. «Затруднительное положение Шерлока Холмса» (Painful Predicament of Sherlock Holmes) предназначалось только для лондонского театра Duke of York's, а материал был хорошо знаком Чаплину. По свидетельству The Stage, в интермедии разыгрывалось вторжение на Бейкер-стрит бедной безумной женщины, взволнованной, импульсивной и необычайно говорливой. Слуге, которого играл Чаплин, приказывали привести сотрудников психиатрической службы, но в этот момент появлялись два суровых человека, вероятно санитары из больницы, забирали несчастную и возвращали обратно под замок. Очень похоже на судьбу Ханны… «Мистер Чаплин, — говорилось в рецензии, — как всегда, силен в роли безобидного, старательного слуги». Он и произносил заключительную реплику: «Вы были правы, сэр, это действительно оказался сумасшедший дом».

Чаплин редко писал матери в Кейн-хилл. Неизвестно также, как часто он ее навещал. Ханна действовала на него угнетающе. Понимая, что

мать сошла с ума, он боялся за себя. Роланд (Ролли) Тотеро, который был оператором у Чаплина на протяжении 38 лет, вспоминал, что тот всегда боялся закончить жизнь в сумасшедшем доме. Другие знакомые отмечали, как часто он размышлял над природой безумия. Чаплин любил напевать старинную песенку из репертуара мюзик-холла — о том, как однажды вечером жена сошла с ума. На фразе «Что-то повредилось у нее вот здесь» Чарли дотрагивался до своей головы. Возможно, именно страхом или подозрением на приближающееся безумие объясняются его приступы мрачного настроения или необъяснимые вспышки гнева. В преклонные годы он постоянно обращался к невропатологу.

Постановка «Шерлока Холмса» в театре Duke of York's, где она сменила интермедию «Затруднительное положение…», имела огромный успех. На спектаклях присутствовали знаменитости. Пьесу посмотрела королева Александра[4]. Вместе с ней в ложе сидели король Греции Георг I и принц Константин. «Да не рассказывай же мне! — прошипел монарх сыну, который соби-

[4] Примечания: 4

А л е к с а н д р а Датская — супруга Эдуарда VII, мать Георга V, старшая сестра российской императрицы Марии Федоровны.

рался пересказать фабулу. — Не говори ничего!» Молодого Чаплина даже упомянули в справочнике The Green Room Book: or Who's Who on the Stage, где он описывался как актер, мим и танцор… с детства выступающий на сцене. У него уже было имя, и это позволило Чаплину удостоиться приглашения в Вестминстерское аббатство на похороны выдающегося трагического актера сэра Генри Ирвинга.

Последнее представление «Шерлока Холмса» состоялось 2 декабря после неожиданного ухода из театра Уильяма Джиллета. Чаплин надеялся остаться с Джиллетом, обучаясь актерскому искусству в «правильном» театре, но теперь он на какое-то время стал безработным и слонялся по бильярдным. Время от времени он позволял себе развлечения. Вино и женщины. Он всегда был очень сексапилен, и поэтому шлюхи и проститутки, как называл их сам Чарли, с готовностью удовлетворяли желания красивого юноши. Тем не менее Чаплин меньше всего был склонен к праздности. На первом месте у него всегда была работа. В начале 1906 года он отправился в свое четвертое турне с «Шерлоком Холмсом». Спектакль играли в окрестностях Лондона — Пекхаме и Гринвиче, а также в нескольких городах на

севере. К этому времени Чаплину, наверное, уже наскучил и сам спектакль, и роль.

Скорее всего, Сидни не составило труда уговорить брата перейти в труппу Wal Pink's Workmen, специализировавшуюся на балаганных комедиях. Три месяца Чарли играл в скетче «Ремонт» (Repairs), в котором исполнял роль неумехи плотника из строительной фирмы. В ходе действия пьесы (по фабуле похожей на один из короткометражных фильмов Чаплина) ремонтные рабочие ураганом проносятся по дому, круша все на своем пути. Ведра с раствором переворачиваются, лестницы падают, краска разбрызгивается во все стороны…

Здесь Чарли был в своей стихии. Он надеялся стать серьезным актером, но теперь вернулся в мир мюзик-холла, который хорошо знал по рассказам матери. «Шерлок Холмс» был одним из последних театральных спектаклей, в которых играл Чаплин. Его ждали скетчи, трюки, розыгрыши и пародии — весь набор инструментов эстрадного артиста. Кстати, «Ремонт» был первой пьесой, где Чаплин играл без слов.

Во время гастролей на глаза ему попалось объявление в театральной газете The Era, сообщавшее о наборе комедийных актеров мужского

пола в возрасте от 14 до 19 лет. Чарли, которому исполнилось 17, решил пойти на прослушивание. «Цирк Кейси» являл собой шоу, в котором юные обитатели рабочих кварталов исполняли популярные номера из репертуара мюзик-холлов и цирка. Этот жанр предоставлял прекрасные возможности для сатиры, вульгарных песенок, коротких интермедий, комических сценок и другого незатейливого веселья. Здесь Чарли был как рыба в воде — весной 1906 года он поступил в труппу.

Впоследствии Чаплин называл это шоу ужасным, но признавался, что оно помогло ему освоить искусство комедии. Во-первых, это были смешные погони. В одном из скетчей он играл знаменитого разбойника Дика Тёрпина, за которым по сцене гонялись полицейские. Главный комедийный актер труппы Уилл Мюррей говорил: «Думаю, что могу без ложной скромности сказать: именно я научил Чарли скользящему шагу».

Это движение, использованное Чаплином во многих фильмах, стало чем-то вроде его визитной карточки. Он поднимал одну ногу и слегка подпрыгивал на другой — получалось некое скольжение, и этот непростой трюк Чаплин

освоил только после многочасовых репетиций с Мюрреем. Он также научился резко останавливаться на бегу — внезапно «тормозил» и застывал на одной ноге. При этом Чарли приходилось выпячивать грудь, чтобы не упасть ничком. Голову и корпус он всегда держал прямо, а когда падал, следил за тем, чтобы не приземляться на «пятую точку», и обязательно перекатывался на спину.

Еще одним ценным уроком стало для Чаплина искусство перевоплощения. В то время в мюзик-холлах выступал популярный гипнотизер и иллюзионист Уолфорд Боди, внешне очень интересный — длинные блестящие усы с загнутыми вниз кончиками, большие проницательные глаза… Чаплину поручили пародировать «мага», и он с энтузиазмом взялся за дело. Сначала он изучил фотографию Боди — прочитал о нем в газете The Era. Уилл Мюррей показал Чарли манеры гипнотизера, и тот стал часами репетировать их перед зеркалом. Здесь Чаплину помогал природный дар имитатора. О Чарли много раз говорили, что он *становится* человеком — или даже предметом, — которого (либо который) изображает. Именно так и произошло в этом первом случае.

Чаплин освоил и другие комические трюки. Он пытался повесить трость на крючок, но держал ее

не за тот конец. Трость со стуком падала на сцену. Он поднимал ее, но тут с его головы слетал котелок. Чарли пытался снова нахлобучить котелок, но из него вываливался комок бумаги, и головной убор проваливалась ниже, закрывая чуть не все лицо. Зрители хохотали. Чаплин играл роль искреннего и серьезного человека, у которого все выходит нелепо и смешно. Чарли понял, что чем он невозмутимее, тем забавнее все это выглядит.

Дэн Липтон, автор популярных в то время комических песенок, впоследствии вспоминал: «Парень замечательно пародировал доктора Боди. Причем он ни разу *не видел* этого человека». «Его отличало великолепное самообладание, — продолжает Липтон, — но, подобно всем настоящим артистам, он был эмоциональным и темпераментным». Актер, работавший вместе с Чаплином, вспоминал, что тот был очень серьезным парнем, который работал так, словно от этого зависела его жизнь.

Летом 1907 года Чарли ушел из «Цирка Кейси». Много лет спустя на одном из званых ужинов в своей речи он заговорил об Уилле Мюррее. «Нужно было попросить у него прибавки!» — крикнул кто-то с места. «Он меня уволил», — ответил Чаплин. Возможно, он действительно попросил

увеличить жалованье, и ему указали на дверь. Чарли остался жить в меблированных комнатах на Кеннингтон-роуд и стал ждать следующего шанса. Он купил ковры и лампы для своей комнаты и с энтузиазмом самоучки начал штудировать Шопенгауэра. Этого философа Чаплин — с разной долей внимания — читал следующие 40 лет. Возможно, молодого человека привлекала теория превосходства человеческой воли, но в равной степени он мог соглашаться с утверждением Шопенгауэра, что сильнейшим и наиболее активным из всех мотивов является сексуальное влечение. Вопрос, насколько хорошо и насколько быстро умел читать Чаплин, остается открытым.

Он все еще не знал, что будет дальше — и в его жизни, и в профессии. В какой-то момент этого вынужденного отдыха Чарли согласился на роль пожилого главного героя в пьесе «Веселый майор» (The Merry Major). Партнершей Чаплина, игравшей жену его героя, была 50-летняя актриса, имевшая пристрастие к джину… Затем, по его словам, он написал эксцентрическую комедию под названием «Двенадцать справедливых мужчин» (Twelve Just Men) и собирался сыграть в ней главную роль, однако после трех дней репетиций пьесу отвергли. Возможно, от отчаяния Чаплин

согласился на роль еврейского комика. Ему дали недельный ангажемент в мюзик-холле Форстера в Бетнал-Грин, но сценка не имела успеха у публики, по большей части состоявшей из евреев, а некоторые шутки зрители даже посчитали антисемитскими. Чаплина освистали, забросали апельсиновыми корками и медяками.

Его старшему брату Сидни повезло больше. Летом 1906 года, когда Чарли гастролировал с «Цирком Кейси», он присоединился к группе Фреда Карно[5], уже добился признания и получил повышение. Сидни, всегда стремившийся помочь брату, убедил хозяина дать шанс молодому человеку, сидевшему без работы.

Фред Карно, бывший гимнаст и акробат, создал необычное шоу. В нем многочисленные мимы и акробаты исполняли безмолвный бурлеск под музыку к романтическим балетам, которая звучала в этом контексте очень иронично. Скетчи были стремительными и бурными, сложные номера требовали быстроты движений, выверенного до долей секунд ритма и мгновенной

[5] Примечания: 5

Ф р е д К а р н о — сценическое имя английского антрепренера Фредерика Джона Уэсткотта, создавшего предприятие с несколькими труппами, которое поставляло мюзик-холлам готовые комедийные скетчи и пантомимы вместе с актерами «напрокат».

реакции. Штаб-квартира Карно находилась на Воган-роуд в Кэмберуэлле, где три дома были соединены вместе, образуя «фабрику смеха», на которой изготавливались все декорации, костюмы и реквизит. Отсюда отходили автобусы Карно, развозящие актеров по мюзик-холлам столицы. Торты с кремом (именно Карно придумал один из самых знаменитых комедийных гэгов — бросок в лицо кремовым тортом), ведра с побелкой, цирковые велосипедисты, вращающиеся тарелки, высоко натянутая проволока, деревянные ходули, мелькающие в воздухе булавы и горящие факелы — все это присутствовало на афишах. В скетчах «участвовали» воры на велосипедах, боксеры и пьяницы. Это было грубо, лихо и смешно.

Вняв уговорам Сидни, Карно согласился встретиться с его младшим братом. Директор посчитал паренька слишком робким и хрупким, чтобы блеснуть в бурлеске, но по настоятельной просьбе Сидни согласился на пробы. Чаплину было 18 лет, но выглядел он моложе. Когда Карно сказал об этом, Чаплин в ответ пожал плечами и возразил, что это вопрос грима. Впоследствии он утверждал, что именно этот беспечный ответ помог ему получить работу.

Фред Карно заставлял актеров бесконечно

репетировать, изо дня в день, почти по-военному пресекая какие бы то ни было дрязги. Он поддерживал жесткий ритм, требовал четкого и акцентированного исполнения каждого элемента. Другой актер труппы Карно, Стэн Лорел, вспоминал об их руководителе так: «Он не научил нас с Чарли всему, что мы знаем о комедии, но бóльшую часть мы узнали от него». В частности, Фред объясним им, что такое «точность». В январе 1942 года сам Чаплин в журнале Variety писал: «…каждый, кто работал на Карно, должен был иметь превосходное чувство ритма и знать особенности всех остальных актеров труппы, чтобы все вместе они достигли нужного темпа». Именно скорость и ритм характерны для всех фильмов Чаплина. Карно также говорил своим артистам, что в основе юмора лежит неожиданность или резкая смена ритма. Он советовал им сохранять *серьезность*. «Когда вы сбиваете человека с ног, поцелуйте его в макушку. Если вы сильно бьете кого-нибудь, то на несколько секунд должны принять виноватый вид. Это делает действие смешным». Чаплин никогда не забывал этих первых уроков искусства комедии.

Он начал гастролировать с труппой Карно в начале 1908 года, дебютировав в пьесе «Футбольный

матч» (The Football Match). В ней у Чарли была маленькая роль, но с помощью придуманных трюков он сумел привлечь внимание публики: спотыкался о гантели, цеплялся тростью за боксерскую грушу, из-за оторвавшейся пуговицы с него сползали брюки. Зрители смеялись, и довольно скоро его выход на сцену начали встречать аплодисментами. После удачного первого выступления Чаплин, словно оглушенный, выскочил на улицу. Это был успех! Он покинул Empire на Нью-кросс и каким-то образом добрался до Вестминстерского моста, остановился и стал смотреть на воду. Затем двинулся к дому, но по дороге зашел в кафе Elephant and Castle, чтобы выпить чашку чая. Чаплин ликовал. Он больше никогда не останется без работы.

Однако популярность Чарли у публики пришлась не по вкусу другим комикам труппы. Их обуревала зависть. «У меня в заднице больше таланта, чем в тебе с головы до ног!» — воскликнул в сердцах один из актеров.

«Вот где вы прячете свой талант…» — парировал Чаплин. Сам Карно вспоминал о Чарли так: «Он мог быть очень неприятным. Я знаю, что он неделями не говорил ни слова другим артистам труппы. Иногда он становился разговорчивым,

но в целом был серьезным и необщительным. Выпивка приводила его в ужас. Бóльшую часть жалованья он сразу же относил в банк».

У Лорела другое мнение. Стэн полагал, что непринужденно общаться с людьми Чарли мешала застенчивость. Другой современник Карно вспоминал, что Чаплин был очень напряжен и склонен к экстравагантным проявлениям удовольствия, когда ему все нравилось или удавалось, однако мельчайший инцидент, например размолвка с кем-то из партнеров, полностью выбивал его из колеи, и до конца дня о работе приходилось забыть. Многие отмечали его поглощенность самим собой.

С начала лета 1908 года Чаплин и его старший брат выступали вместе. В этот период никогда не бывавшего ранее, беспрецедентного благополучия они решили снять четырехкомнатную квартиру в доме номер 15 в Гленшоу-Мэншнс на Брикстон-роуд. Этот район любили примы и премьеры мюзик-холлов, и братья надумали подышать воздухом звезд. Пол гостиной они застелили ковром, поставили в ней ширму в мавританском стиле, купили подходящую мебель, а на стену повесили картину с изображением обнаженной натурщицы. Последним штрихом в

обстановке стало пианино. Квартира напоминала бордель, только без женщин.

Обычно за вечер Сидни и Чарли выступали в трех мюзик-холлах — начинали в Streatham Empire, затем переходили в Canterbury Music Hall, а заканчивали в Tivoli. Иногда репетиции проходили в Montpelier Assembly Hall в Уолворте. Здесь в начале августа Чарли познакомился с юной девушкой, учившейся на танцовщицу. Хетти

Келли исполнилось всего 15 лет, и она, по всей видимости, была взволнована и ошеломлена вниманием страстного юноши. Это известная всем история первой любви… Он печален и не удовлетворен жизнью, а она красива и невинна. Молодые люди договорились встретиться в воскресенье днем у Кеннингтон-гейт, откуда на такси поехали в Уэст-Энд. Сила чувств, обуревавших Чаплина, была очевидна, но, когда он назвал Хетти «моя Немезида», она не поняла, что это значит.

Они провели вечер в ресторане Trocadero, а потом пешком вернулись в Кэмберуэлл. Пока они шли по набережной, Чаплин пребывал, по своим собственным словам, в восторженном состоянии. Три дня подряд он встречал Хетти у дома на Кэмберуэлл-роуд и провожал до станции подземки

на Вестминстер-бридж-роуд. На четвертый день Чарли почувствовал ее холодность или неуверенность и упрекнул девушку в том, что она его не любит. За этими словами последовала сцена, типичная для незрелых и неопытных юнцов. Любят ли они друг друга? Сильно ли вы меня любите? Что такое любовь? Мы должны расстаться и больше никогда не видеться. Прощайте.

Более чем через 50 лет Чаплин, похоже, дословно помнил их эмоциональный разговор и воспроизвел его в своей биографии. Сегодня невозможно сказать, в какой степени это было принятие желаемого за действительное или мелодраматическое воображение, но совершенно очевидно, что сия страстная влюбленность в юную танцовщицу долгое время не отпускала его и, не исключено, отчасти сформировала отношение к другим женщинам. Вот девушка, которая осталась нетронутой и недоступной, воплощением всего, чего только можно желать, на что можно надеяться, но что всегда останется недостижимым. Она была так непохожа на женщин, которых Чарли подбирал в бильярдных три года назад…

Гастроли — с обычным лихорадочным и изматывающим ритмом — проходили по всей

стране, от Ноттингема до Ньюкасла, от Лидса до Бристоля. Другой комик из труппы Карно, Честер Кортни, вспоминал, как они играли в покер с двухпенсовой ставкой, делились друг с другом сигаретами, развлекались поездками в омнибусе и предавались «разнообразному флирту». Во время этого турне Чаплин наконец добился своего и сыграл в пьесе «Футбольный матч» главную роль, но волнение перед премьерой стало причиной ларингита, который разрушил его надежды на карьеру комика. Такая же беда когда-то приключилась с его матерью. Вероятно, ярость Карно, известного своим крутым нравом, была неукротима, но Сидни убедил Фреда дать младшему брату роль без слов в другой постановке труппы.

В пантомиме «Молчаливые пташки» неубедительные номера низкопробного мюзик-холла прерывал персонаж, известный как «пьяный джентльмен». Улыбку вызывали и фокусники, и исполнители баллад, и «силачи», но самыми забавными были ошеломительные трюки подвыпившего джентльмена во фраке и белом галстуке-бабочке. Эту роль, разумеется, исполнял Чаплин, который прекрасно знал, как ведут себя люди «под мухой». Не они ли окружали его в Южном Лондоне? Чарли и не надо было ничего

говорить. Он рассчитывал на темп, ловкость и умение падать, не получая травм. Чаплин нашел свое призвание. Пантомима стала его главным амплуа в мюзик-холле и в конечном счете проложила дорогу в кинематограф.

В каком-то смысле роль пьяницы помогла Чарли найти свое призвание. В конце жизни в одном из интервью он признался: «Я выходил на сцену, и во мне словно что-то раскрывалось. Ощущение почти сверхъестественное. Думаю, причиной этого было что-то вроде скуки и усталости… Так или иначе, талант или нечто подобное прорвался наружу. Я просто не мог ошибиться. Я очень хорошо все помню. Старый мюзик-холл на Эджвер-роуд. Это происходило в течение четырех вечеров, и я сам испытывал истинное наслаждение — настолько, что другие актеры собирались за кулисами, чтобы посмотреть на меня».

Затем Чарли сыграл главную роль в другом комедийном скетче, «Бесстрашный Джимми» (Jimmy the Fearless). Его герой спасался от унылых будней, мечтая о героических приключениях. Газета Yorkshire Post писала, что выход Чаплина в «Бесстрашном Джимми» вызывает восторженный рев публики и свидетельствует о том, что он прирожденный комик. В одном из эпизодов Чар-

ли, читая книгу, рассеянно режет ножом буханку хлеба и нечаянно превращает ее

в хлебную губную гармошку. Эту же шутку Чаплин использовал в короткометражном фильме 1915 года «Бегство в автомобиле» (A Jitney Elopement). У него также была роль в скетче «Катание на коньках» (Skating), где ловкость передвижения по льду соперничала с даром комика. В рецензии отмечалось, что его «акробатика и дурачества» были необычайно забавными. Этот опыт впоследствии нашел отражение в работах Чаплина в кино.

Зимой 1909 года труппа Карно три недели гастролировала в Париже. «Молчаливые пташки» шли на сцене варьете Folies Bergère — в то время оно еще не приобрело несколько скандальную репутацию, которую снискало впоследствии. После представления Чарли подозвал к себе какой-то господин. «Вы прирожденный музыкант и танцор», — сказал он юноше. Позже Чаплин поинтересовался, кто это был, и ему объяснили, что он удостоился похвалы Клода Дебюсси. Чарли никогда не слышал этого имени.

Чаплин снова влюбился в молоденькую девушку. По его словам, Мабель было всего десять лет. Или двенадцать… Чарли отрицал, что у них

были близкие отношения, и говорил, что чувства к Мабель объяснялись его тягой к красоте. Ему нравилось просто держать ее за руку, обнимать — в буквальном смысле слова прижиматься к невинности. Это желание, или стремление, в будущем не раз сыграет с ним злую шутку.

4. «Зарабатывая на жизнь»

В начале осени 1910 года Чаплин подписал новый контракт с Фредом Карно. Теперь он был одним из ведущих актеров и признанным мастером пантомимы. Менеджер Альфред Ривз, представлявший интересы Карно за океаном, вернулся в Англию, чтобы набрать труппу для прибыльных американских гастролей. Естественно, одним из избранных стал Чаплин. Через несколько дней после подписания контракта он поднялся на борт парохода Cairnrona, который должен был пересечь Атлантику. «Чарли достаточно взрослый, — сказал Ривз Карно. — Он достаточно умен для чего угодно».

Стэн Лорел часто вспоминал путешествие через океан на корабле, размерами едва превышавшем судно для перевозки скота, и особенно момент, когда показалась земля. «Мы все сидели на палубе, — писал он, — и смотрели на окутанный туманом берег. Внезапно Чарли подбежал к поручням, снял шляпу, помахал ею и крикнул: «Америка, я иду завоевать тебя! Каждый мужчина, женщина или ребенок будут знать мое имя

— Чарльз Спенсер Чаплин!» Мы ответили ему приветственными криками и свистом, а он отвесил нам изящный поклон и сел на место». Может показаться, что Лорел фантазировал, вспоминая прошлое, но другие члены труппы подтверждают, что такая сцена действительно имела место. Это еще одно свидетельство необыкновенного честолюбия Чаплина и его уверенности в себе. Сам Стэн Лорел тоже добился в Соединенных Штатах огромного успеха. Дуэт «Лорел и Харди»[6] снимался и выступал на сцене более 30 лет.

Пароход причалил в Квебеке, и новая американская труппа поездом добралась до Джерси-Сити. В начале октября они прибыли в Нью-Йорк. Поначалу Чаплин был ошеломлен и немного испуган этой зарубежной столицей, которая казалась ему слишком шумной, слишком яркой и слишком беспокойной. Но когда Чарли смешался с толпой на Бродвее, увидел освещенные театры, он почувствовал себя дома. Чаплин понял, что его место здесь. Он уже не был мальчиком с несчастливой судьбой из Южного Лондона — перед ним открывался весь мир.

---

[6] Примечания: 6

Стэн Лорел и Оливер Харди были одним из самых известных комедийных дуэтов в кино. Кроме того, они выступали по всей Америке и Европе.

Первая постановка труппы Карно в Нью-Йорке, «Вау Ваус» (The Wow-Wows), не имела у публики успеха. Скетч был слишком утонченным и чересчур английским для американских зрителей. Тем не менее они продолжали давать этот спектакль до конца месяца в Бронксе, Бруклине и в самом Нью-Йорке, пока Альфреду Ривзу не пришла в голову счастливая мысль заменить его на скетч «Молчаливые пташки» (теперь он назывался «Ночь в английском мюзик-холле»), в котором Чаплин играл пьяного джентльмена. Чарли с энтузиазмом вернулся к этой роли, и гастроли снова стали приносить прибыль.

С осени 1910-го по лето 1911 года труппа выступала в разных городах по всей стране, в Виннипеге и Чикаго, в Портленде и Сан-Франциско, в Кливленде и Канзас-Сити. Сохранилось множество фотографий этих гастролей: Чаплин позирует в длинной американской шинели, в которой он, по его собственным словам, выглядел как инспектор манежа в цирке, вот он вместе с четырьмя другими актерами стоит перед плакатом «Верхняя точка главного водораздела континента, 1935 метров», вот играет на скрипке, левой рукой, а рядом с ним Альфред Ривз, вот, одетый с иголочки, позирует на одной из центральных

улиц Сан-Франциско, вот стоит перед афишей с надписью «ЧАРЛЬЗ ЧАПЛИН В РОЛИ ПЬЯНИЦЫ».

Благодаря этой роли у него появились поклонники в Америке. Граучо Маркс вспоминал, что публика следила за каждым движением Чаплина. Он так описывал один из трюков молодого комика: «На столе стояла большая корзина с апельсинами. Наконец он начинал брать из нее апельсины и по одному бросать в актеров. Один из апельсинов сбивал со стула пианиста. Зрители заходились в истерике. Такого продолжительного смеха я еще не слышал». Газета Winnipeg Telegram отмечала, что Чарльз Чаплин является гвоздем программы, как говорят на театральном жаргоне.

Стэн Лорел, деливший одну комнату с Чарли на протяжении почти всех гастролей, называл его очень эксцентричным. Стэн отмечал, что Чаплин часто пребывал в дурном настроении и имел неопрятный вид, а затем вдруг удивлял всех своим элегантным и модным костюмом. Лорел, не обращая внимания на запрет готовить еду в гостиничных номерах, жарил свиные отбивные, а Чаплин в это время играл на скрипке.

Он все время читал. Пытался выучить греческий язык, но быстро бросил. Подумывал, не

заняться ли йогой. Другими словами, твердо решил начать самосовершенствоваться. В дополнение к имевшейся у него скрипке Чаплин купил виолончель и начал одеваться так, как, по его мнению, одевались музыканты, — в желтовато-коричневые и зеленые тона. Совершенно очевидно, что он придавал большое значение одежде. Как отмечает Томас Карлейль в романе «Перекроенный портной» (Sartor Resartus), «дух одежды» включает сердце и разум человека. Свидетельством тому может служить костюм героя, сделавшего Чаплина знаменитым, — Бродяги.

Лорел вспоминал, как однажды удивился тому, что увидел в ванной их гостиничного номера: Чаплин со стоящими дыбом, всклокоченными волосами, но при этом с виолончелью позировал перед зеркалом. Он изящными движениями водил смычком по струнам и, подобно профессиональным музыкантам в оркестре, любовался собой. Чарли не переставал лицедействовать — он должен был это делать, чтобы найти себя. По словам людей, знавших его в более поздние периоды жизни, Чаплин всегда оставался «включенным». Он был по сути своей непредсказуем. В скетчах Чарли мог играть с огромным куражом и чувством, а вне сцены нередко бывал сдержан-

ным и необщительным.

Летом 1912 года Чаплин вернулся в Англию и обнаружил, что у него нет дома. Они с братом уже не снимали квартиру в Глен-шоу-Мэншнс. Сидни женился, и Чарльзу пришлось найти другое жилье — комнату с окнами во двор на Брикстон-роуд. Однако все четыре месяца, проведенные на английской земле, он не бездельничал — ездил по стране с одной из трупп Карно и даже побывал на нормандских островах Джерси и Гернси.

Братья навестили свою мать в психиатрической лечебнице Кейн-хилл. В это время Ханну как раз заперли в палате с обитыми войлоком стенами — за то, что она очень громко распевала песни. У Чаплина не хватило духу увидеться с матерью, и он ждал, пока с ней поговорит Сидни. Видимо, к ней применили шоковую терапию в виде ледяного душа, отчего лицо у Ханны посинело. Братья решили, что теперь они зарабатывают достаточно для того, чтобы перевести мать в частную лечебницу. За американские гастроли Чарли скопил 2000 долларов (он всегда был очень экономным). Ханну Чаплин перевели в Пекхам-хаус в районе Пекхам-Рай. Там она провела следующие восемь лет.

По признанию самого Чарли, в Англии ему бы-

ло неуютно. После Соединенных Штатов родная страна казалась ему маленькой, тесной и унылой. Он описывал свое настроение как смесь печали, горечи и уныния. Не в последнюю очередь поэтому вторые американские гастроли — 2 октября артисты поднялись на борт парохода Oceanic — Чаплин воспринял как освобождение. Турне труппы Карно началось в Нью-Йорке в середине октября и продолжалось 15 месяцев без перерыва. Они давали три или четыре представления в день семь дней в неделю. И вновь Чаплин назвал эту работу унылой и угнетающей — это были его любимые определения.

В начале апреля 1913 года он воспользовался возможностью отдохнуть и приехал из Филадельфии в Нью-Йорк. Чарли остановился в гостинице Astor. В первый же вечер он подошел к зданию театра Metropolitan Opera и неожиданно для самого себя купил билет на вагнеровского «Тангейзера». Опера потрясла его. В кульминационный момент, когда Тангейзер падает на гроб Елизаветы и просит ее молиться за него на небесах, Чаплин заплакал. Ему казалось, что перед ним прошла история его жизни.

По возвращении в Филадельфию ему передали телеграмму. Она была адресована Альфреду

Ривзу:

ЕСТЬ ЛИ ВАШЕЙ ТРУППЕ АКТЕР ПО ФАМИЛИИ ЧАФФИН ИЛИ ЧТО-ТО В ЭТОМ РОДЕ ЕСЛИ ЕСТЬ ПУСТЬ СВЯЖЕТСЯ С ФИРМОЙ KESSEL AND BAUMAN 24 ЛОНГЕЙКР-БИЛДИНГ БРОДВЕЙ НЬЮ-ЙОРК.

Чарли подумал, что это юридическая фирма и ему хотят объявить о наследстве от богатого американского родственника, однако речь шла совсем о другом.

Кессел и Баумен были владельцами кинокомпании New York Motion Pictures, подразделением которой являлась студия Keystone Comedy Company. Форд Стерлинг — один из комиков Keystone — угрожал уйти из всех проектов. Срочно требовалось подстраховаться, и Чарльз Чаплин показался компаньонам подходящей кандидатурой на замену. Молодой человек был звездой на гастролях труппы Карно, а пресса почти единогласно хвалила его. Он умел завладеть вниманием зрителей. Чаплину предложили годовой контракт — 150 долларов в неделю в первые три месяца и 175 долларов в неделю в оставшиеся девять. Еще никогда в жизни Чарли не зарабатывал таких денег. Возможно, его пугала мысль о самостоятельной жизни, отдельно от труппы

Фреда Карно, но решение Чаплин принял быстро. Он перейдет в Keystone, как только закончится его контракт с Карно.

Скорее всего, инициатором этого предложения был Мак Сеннет, директор Keystone. По его собственному признанию, он видел выступление Чаплина в Нью-Йорке и остался более чем впечатлен. «Потрясен» — вот подходящее слово. «Думаю, я был так поражен им потому, что он обладал всем тем, чего не было во мне: маленький паренек, двигающийся с грацией балетного танцора. Через неделю я не мог вспомнить его имени, но был уверен, что никогда не забуду эти непринужденные и изящные движения. Ничего подобного мне еще не приходилось видеть», — рассказывал Сеннет. Ему в то время было чуть за тридцать, и этот выходец из Канады уже считался талантливым режиссером, многое перенявшим у Дэвида У. Гриффита[7] на его Biograph Studio — одной из первых киностудий Голливуда. Сеннет научился у Гриффита монтировать фильмы, что позволяло поддерживать темп и ритм. Кроме того, он обладал природным даром чувствовать

[7] Примечания: 7

Дэвид У. Гриффит — американский кинорежиссер, актер, сценарист, продюсер, с которого, по мнению многих, начинается история кино как особого вида искусства.

смешное — все, что заставляло смеяться его, нравилось широкой публике. После того как в 1912 году на экраны вышел фильм «Кистонские полицейские» (Keystone Kops), можно было смело утверждать, что Мак Сеннет придумал американскую комедию.

Сам Чаплин тоже надеялся сделать карьеру в кино, но еще не знал как. Он начинал уставать от театра. Они с Альфредом Ривзом уже обсуждали возможность съемок спектаклей труппы Карно на пленку, но идея так и осталась нереализованной. Тем не менее во время гастролей Чаплин заходил в маленькие местные кинотеатры и смотрел картины, устроившись в задних рядах.

Безусловно, будущее за кинематографом! С появлением небольших залов на первых этажах зданий, которые получили название «пятицентовые кинотеатры», выросла популярность короткометражных фильмов продолжительностью 10 или 15 минут. Конечно, эти кинотеатры были неприглядными и грязными, пропахшими потом и табаком, — такими же вонючими и загаженными, как дешевые мюзик-холлы предыдущей эпохи, но магия кино преодолевала все эти препятствия. Даже в театрах, специализирующихся на водевилях, показывали «картины», ставшие

частью программы. Бедные и неграмотные люди валом валили на эти безмолвные представления — вход на них стоил «никель», или пять центов. Для эмигрантов, еще не умевших читать по-английски, они стали самым доступным средством познакомиться с жизнью Америки. Фильмы передавали движение и действие лучше любого другого вида искусства. Они предлагали то, что в те времена считалось завораживающим реализмом, — разве что актеры двигались быстрее, чем в настоящей жизни. Впрочем, это привлекало еще больше. Зрители сидели в жестких деревянных креслах и приносили в зал прохладительные напитки. И что им за дело до того, что иногда экран представлял собой всего лишь натянутую на заднюю стену зала простыню!

Последний спектакль Чаплин сыграл 28 ноября 1913 года в Канзас-Сити. Когда занавес опустился, он угостил выпивкой всю труппу. Пожимая руки артистам, Чаплин дрожал всем телом, хотя старался превратить свое «прощание» в шутку. Потом он выскочил за кулисы. Кто-то из коллег последовал за ним и увидел, что Чарли плачет.

Не прошло и трех недель, как он прибыл на студию Keystone, на Алессандро-стрит в городе Эдендейл, штат Калифорния. Чаплин всегда го-

ворил, что 1913 год был для него счастливым. Это действительно так. Подобно Шекспиру, он реализовал свой врожденный талант в годы формирования нового вида искусства.

Жизнь киностудии на первых порах показалась Чаплину более чем удивительной и ошеломила его. Эту жизнь отличали какая-то эфемерность и дух импровизации, характерные для всего нового. Сам комплекс был построен среди фермерских полей долины Сан-Фернандо, рядом со складами и мастерскими, деревянными магазинчиками и палатками среди кактусов и пальм. Это был пригород приблизительно в 8 километрах от Лос-Анджелеса. Штаб-квартира разместилась в четырехкомнатном бунгало, а под гримерные приспособили амбар. Весь комплекс окружал шаткий зеленый забор. На длинной вывеске снаружи студии красовалось название KEYSTONE MACK SENNETT KEYSTONE, а перед входом стояли в ряд легковые автомобили — их использовали в качестве реквизита, когда снимали комедии.

На большой деревянной платформе были смонтированы и закрыты от непогоды белым льняным полотном несколько комплектов декораций. Единственное освещение — расплывчатое солнце в ярком калифорнийском небе. Фильмы в то

время были немыми, но на съемочной площадке стоял невообразимый гам — режиссеры выкрикивали указания актерам, передвижные камеры скрипели, исполнители переговаривались друг с другом, слышался свист, стук молотков, а также звуки музыки — живой или из граммофона, задававшей ритм действия. Снимали сразу три или четыре фильма. Одни декорации, похоже, изображали тюремную камеру, а другие гостиную богатого дома. Фасад трехэтажного здания с окнами и пожарной лестницей поддерживался только деревянными лесами с обратной стороны.

Сценариев не было — основой считалось искусство импровизации. Если поблизости что-то горело, режиссер и съемочная группа могли броситься туда, чтобы снять занятых в фильме актеров на фоне огня. Первоначальный сценарий, или «идея», сопровождался импровизированной последовательностью нелепых событий, которая всегда заканчивалась погоней. Именно погоня была фирменным знаком Keystone, а самым лучшим считался «бег зигзагом», когда, например, отряд разъяренных полицейских двигался не по прямой, а словно отскакивал от невидимых стен. Камера была «недостаточно заведена», так что при воспроизведении на экране все движения

получались более быстрыми. Кроме того, Сеннет вырезал каждый четвертый кадр, и все персонажи подпрыгивали или дергались, усиливая чисто механическое напряжение комедии.

Актеры были марионетками, которые просто бежали, бежали и бежали, пока не наталкивались на неподвижный объект… или не падали от усталости. Они обитали в искусственном комическом мире, где возможно все. Несмотря на разрушения вокруг них, персонажи фильмов оставались целыми и невредимыми. Им не требовалось изображать какие-либо эмоции, кроме типичных проявлений страха, жадности либо страсти. Все должно было происходить как можно стремительнее. Зрителям не оставляли времени на размышления. Фильмы Сеннета отличались необыкновенно быстрым темпом и энергичностью, поэтому равных им практически не было. Комедии могли быть в одной или двух частях, причем каждая часть длилась приблизительно 30 минут. Суть первых фильмов заключалась в постоянном движении.

Сеннет выпускал короткие и энергичные картины, заполненные гонками на автомобилях и суматошными погонями. Летали кирпичи, в воздухе мелькали деревянные молотки, но боль-

ше всего зрителям нравились, как называл их Чаплин, пинки под зад. Сюжеты подчас заимствовались из водевилей, но местом действия в большинстве случаев была современная Америка — как правило, город с салунами, дешевыми гостиницами, лавками и ломбардами, банками и парикмахерскими, грязными ресторанами и пыльными улицами, на которых автомобили соседствовали с пролетками и где можно было увидеть всю драматическую жизнь бурно растущей страны. Фильмы давали ощущение открытого пространства прямо за углом. И подобно всему остальному в Америке, они выпускались с невероятной скоростью. Каждую неделю студия заканчивала три картины, и за предыдущий год из Эдендейла их вышло около 140 штук.

У киностудии Keystone имелся небольшой постоянный состав актеров, которые привыкли работать друг с другом. Среди них были Роско «Толстяк» Арбакл, Честер «Морж» Конклин, Мак «Эмброуз» Суэйн и Мэйбл Норманд. Мужчины слишком сильно гримировались, а все их действия были утрированными. Некоторые напоминали оживших горгулий… В отсутствие зрителей, для которых актеры могли бы играть, все получалось преувеличенным.

В свой первый день на студии Чаплин приехал во время обеденного перерыва, и вид актеров, выходящих из бунгало, лишил его присутствия духа. Ничего подобного он еще не видел. Чарли вернулся в гостиницу в городе и сидел там два дня… Потом его пригласил сам Сеннет, которому не терпелось познакомиться со своим новым комиком. Сеннет устроил Чарли экскурсию по студии и представил главным актерам и съемочной группе. Чаплин вспоминал, как у него спросили: «А вы можете смешно упасть со стремянки, не переломав себе кости?» Разумеется, он мог. Подобные трюки Чарли выполнял у Карно уже несколько лет.

Впервые увидев Чаплина без сценического грима, Сеннет был озадачен его молодостью.

— Я думал, вы гораздо старше, — признался он.

— Я могу стать таким старым, как вам нужно, — ответил Чарли.

Тем не менее у него сложилось впечатление, что приглашение юного комика Мак уже считает ошибкой.

Впоследствии Сеннет вспоминал о Чаплине как о стеснительном маленьком англичанине, которого смущало и озадачивало все, что было связано с кинофильмами. Безусловно, Чарли

был не настолько смущен — он с любопытством и вниманием рассматривал все вокруг. Честер Конклин свидетельствует, что он непрерывно наблюдал за всеми и мало говорил, задал только несколько конкретных и профессиональных вопросов. Почему сцены снимают не в хронологическом порядке? Почему отснятые материалы просматривают в негативах? Как реагировать на персонаж, присутствие которого только подразумевается?

Несколько дней Чаплин бродил среди артистов и декораций — он так и не получил роли. Похоже, никто не знал, что с ним делать. Наконец наступил долгожданный момент. Генри Лерману, одному из молодых режиссеров студии Keystone — кино было молодым видом искусства, поэтому все, кто им занимался, тоже были молоды, — понадобился исполнитель роли уличного мошенника.

Фильм «Зарабатывая на жизнь» (Making a Living) вышел на экран 2 февраля 1914 года, и в нем Чаплин впервые сыграл как киноактер. Еще не Бродяга, а театральный злодей в галстуке и цилиндре, с моноклем и висячими усами — это всем известный костюм «отчаянного Десмонда». В своем первом фильме Чаплин хитер и льстив,

но от него словно исходит какая-то угроза. Вот он целует руку девушке, и его губы скользят вверх, к самому плечу. Это было очередное изобретение Чарли. Он первым проделал этот трюк на экране. У него уже имелся полный набор гримас — тик, разные улыбки, насупленные брови. Кроме того, в фильме Чаплин попробовал свою характерную походку, предшественницу той, что позже станет знаменитой.

Чарли был убежден, что Лерман его недолюбливал и намеренно вырезал часть смешных трюков, привнесенных в фильм. При этом молодой актер также осознавал свою неопытность — он по-прежнему был немного скованным и слишком нервным. Похоже, сам Сеннет остался недоволен готовой картиной и жаловался Мэйбл Норманд, что он здорово влип. Тем не менее у Чаплина не было причины совсем уж падать духом. Конечно, фильм «Зарабатывая на жизнь» ничем не отличался от стандартной продукции киностудии Keystone, однако газета Moving Picture World написала, что способный актер, играющий роль мошенника, — первоклассный комик.

Высказываются разные мнения, каким был второй фильм Чаплина, в котором в муках появился на свет маленький человек, или Бродяга,

однако точно известно, что через пять дней после картины «Зарабатывая на жизнь» были выпущены «Детские автомобильные гонки» (Kid Auto Races at Venice) — с такой скоростью в то время снимались короткометражки. Длилась картина всего 11 минут. Чаплин играл чудака, который вмешивается в чужие дела и которого никто не любит. Он уже в характерном костюме — тесный пиджак и широченные штаны, и его действительно можно принять за бродягу. Котелок ему мал, ботинки велики, а пиджак скреплен большой английской булавкой. Под носом приклеены маленькие усики. В руках бамбуковая трость. Это бродяга, который требует к себе внимания. Здесь Чарли впервые отбросил сигарету подошвой правого ботинка. Возможно, он эксцентричен и даже немного безумен, но уже оригинален.

Бродяга всем мешает, на сто процентов уверенный в своей неотразимости и агрессивный по отношению к тем, кто не дает ему покрасоваться. Он расхаживает перед камерой, снимающей гонки на автомобилях, и сопротивляется всем попыткам режиссера избавиться от его присутствия. Он жаждет общения с камерой и — что еще важнее! — с огромной неизвестной аудиторией, скрывающейся за ее объективом. Он устанавли-

вает прямую связь с теми, кто на него смотрит, одновременно шутливую и заговорщическую. Ему плевать, что автогонки — публичное и общественное мероприятие. В его поведении сквозит нелепый солипсизм, словно он хочет сказать, что важнее его никого и ничего нет. Смотреть имеет смысл только на него. Это ощущение Чаплин будет поддерживать на протяжении всей своей карьеры в кино.

Через неделю, 9 февраля, вышел фильм «Необыкновенно затруднительное положение Мэйбл» (Mabel's Strange Predicament). Считается, что именно в этой короткометражной ленте родился уникальный комедийный стиль Чаплина и образ Бродяги, который еще известен как Чарли, или Шарло. Один из операторов фильма вспоминал: «У меня до сих пор перед глазами маленький павильон, где была его гримерная. Он выходит и будто репетирует на ходу — эта походка, трость, котелок… Выглядело ли это тогда смешно? Да, выглядело. Да, потому что было свежим… И его движения. Скривленный рот и эти усики — все это работало. И трость, которой он размахивал или которая висела на сгибе локтя… и движение на одной ноге, как на коньках». Он был похож на пьяницу, которого играл у Карно. Он спотыкался

о ногу дамы и извинялся, приподнимая котелок, затем спотыкался об урну и снова смущенно приподнимал котелок. Он вертел тростью и сбивал с себя шляпу. Он начинал репетировать похотливую улыбку. Технический персонал и актеры, собравшиеся вокруг съемочной площадки, рассмеялись. Сеннет тоже смеялся. Чаплин понял, что дело сделано.

Таким образом, фильм «Необыкновенно затруднительное положение Мэйбл» стал первым, в котором Чаплин появился в образе, сделавшем его знаменитым. Но, как это бывает со всеми сакральными реликвиями, происхождение и история одежды и аксессуаров Бродяги точно неизвестны. В разных интервью Чаплин излагал разные версии. Однажды он сказал так: «Я подумал обо всех тех маленьких англичанах, которых видел, с маленькими усиками, в тесных пиджаках, с бамбуковыми тросточками, и сделал их своим прототипом». Тем не менее он вполне мог вспомнить также о больших ботинках и мешковатых брюках, которые надевали многие английские артисты мюзик-холла. В другом случае Чаплин сказал, что просто взял вещи партнеров, пока ждал своего выхода — костюм Бродяги сложился случайно. Также он говорил,

что этот образ складывался постепенно. Одному из своих сыновей Чарли рассказывал, что его — молодого актера — попросили заменить заболевшего исполнителя роли, одежда оказалась не по нему, но, когда он появился на сцене, все рассмеялись и последовали аплодисменты. Иногда Чаплин обращался к метафизическому объяснению — маленькие усики есть символ тщеславия, а мешковатые брюки служат карикатурой нашей эксцентричности, нашей глупости, нашей неуклюжести. Не исключено, что он вспомнил и «обедневшего аристократа» из Лондона — типаж, который Чарли прекрасно знал. Словом, возможно любое объяснение.

Тем не менее сам факт, что Чаплин так быстро пришел к мысли об основах этого костюма и аксессуаров, свидетельствует о том, что в его творческом воображении уже созревало нечто подобное. Это было воплощение всех смешных бродяг, которых он видел на английской сцене, квинтэссенция бедного, затюканного маленького человека, которого изображали такие артисты, как Дэн Лино. А затем костюм создал образ. Чаплин превратился в Бродягу — неотделимого от котелка, тросточки, короткого и узкого пиджака, растрепанного галстука и ботинок, которые

просят каши. Он следовал за своим персонажем, все время открывая новые грани его характера. Во время съемок на киностудии Keystone — всего фильмов было 34 — Чаплин начал создавать образ маленького человека как живую проекцию самого себя.

Движения пришли вместе с одеждой, котелком и тросточкой. Однажды Чаплин сказал, что шаркающей, «утиной» походке, когда один носок ботинка смотрит на восток, а другой на запад, он научился у пьяницы Бинкса, который промышлял тем, что держал под уздцы лошадей клиентов у одного из пабов в Южном Лондоне. Хотя с таким же успехом Чаплин мог подсмотреть эту походку у артиста Фреда Китчена с фабрики смеха Фреда Карно.

Через два или три дня после окончания съемок «Необыкновенно затруднительного положения Мэйбл» Чарли стал сниматься в фильме «Между двумя ливнями» (Between Showers), где его партнером был Форд Стерлинг, по-прежнему работавший на студии и уже прославившийся как босс кистонских полицейских. Его называли голландским комиком, в основном из-за пародий на немецких иммигрантов. Стерлинг специализировался на том, что можно назвать первой

волной американской кинокомедии, с бурной жестикуляцией, утрированными гримасами и общей тенденцией к преувеличенной театральности в каждой сцене. Его игра создавала ощущение, что фильм — это театр для тупых. Чаплин же был намного спокойнее и сдержаннее даже несмотря на то, что в этом фильме он, что называется, «показывает нос», действительно приставляя к носу пальцы одной руки. Это был типично английский жест, к которому Чарли постоянно прибегал в молодости. Его источник — знакомство с нравами Южного Лондона и работа у Карно.

Что можно сказать об этом партнерстве? После фильма остается впечатление, что герой Стерлинга поверхностен, а персонаж Чаплина живет сложной внутренней жизнью…

5. Ритм

Студия Keystone работала быстро. Так, например, в марте 1914 года Чаплин снялся в четырех короткометражных фильмах продолжительностью от 12 до 16 минут. В «Джонни в кино» (A Film Johnnie) он играет бродягу, который случайно попадает на съемки картины на студии Keystone — с неизбежными комическими ситуациями и путаницей. Шарло, похоже, ошеломлен первым знакомством с киностудией — как сам Чаплин, когда он впервые пришел на Алессандро-стрит.

Теперь режиссером был Джордж Николс, ветеран быстрого и энергичного производства фильмов. Чаплин пытался предложить Николсу различные сцены и трюки, но тот неизменно отвечал: «У нас нет времени! Нет времени!» Другие актеры приняли сторону режиссера. Они ругали молодого англичанина и жаловались, что с ним невозможно работать. Этот паршивец всегда всем недоволен — режиссером, партнерами, декорациями, сценариями.

Таким образом, Чарли отнюдь не был любимцем съемочной группы. Сеннет вспоминал, что в

первые дни его считали чудаком, который любит одиночество. Чаплин бродил по улицам, «пялясь на людей и вещи», и, несмотря на более чем приличное жалованье, предпочитал жить в обшарпанной гостинице. Это никак не сказывалось на его желании работать — оно не уменьшалось. По словам Сеннета, он никогда не встречал человека, настолько заинтересованного во всем, что касается его самого, его будущего и того, что он пытается делать. Чаплин приходил на работу в студию на час раньше остальных и оставался дольше всех. Он спрашивал мнение Сеннета о своей сегодняшней игре и просматривал отснятый материал, выискивая ошибки. Он овладевал искусством монтажа.

Через неделю после «Джонни в кино» вышел фильм «Танго-путаница» (Tango Tangles). В нем Чаплин не бродяга, а молодой и симпатичный франт. Наверное, зрители очень удивились бы, узнай они, что Чарльз Чаплин и Чарли — это один и тот же человек. На самом деле актер был молод и красив. Ему исполнилось 24 года, но выглядел он моложе. У него была внешность любимца публики и ловкость профессионального танцора. В фильме Чаплин должен был играть пьяного, однако изображал подвыпившего человека с таким

изяществом и непринужденностью, словно это был танец. Во всех его сценах точность и ритм безупречны.

В картине «Его любимое времяпрепровождение» (His Favorite Pastime) Чаплин и «Толстяк» Арбакл играют пьяных, ведущих бесконечную борьбу с вращающимися дверьми, официантами, другими завсегдатаями баров и крутыми лестницами. Подобные сцены Чарли теперь мог сыграть и во сне, однако Kinematograph Weekly отмечала, что его эскапады уморительны своей нелепостью и полной неожиданностью. Это подтверждение факта, что молодой Чаплин был олицетворением чего-то абсолютно нового и незнакомого на киноэкране. Он уже стал по большей части солистом. Да, Роско «Толстяк» Арбакл, как и предполагало его прозвище, был типичным толстяком, хотя и необыкновенно атлетичным и ловким, с удивительным чувством ритма. По этой части с ним мог соперничать только Чаплин.

К тому же периоду относится и первый голливудский роман Чаплина. Пегги Пирс была партнершей Чарли в фильме «Его любимое времяпрепровождение», где играла объект подогретых алкоголем желаний героя… Вскоре Чарльз и Пегги поняли, что их влечет друг к другу, но их

отношения закончились ничем. Мисс Пирс жила с родителями и придерживалась традиционных взглядов, настаивая на браке. Чаплина семейная жизнь совсем не привлекала.

Он попытался заигрывать с Мэйбл Норманд, однако получил отказ. Это произошло после одного из благотворительных концертов в Сан-Франциско. Мэйбл работала на студии Keystone с 1912 года. Ее нашел Мак Сеннет, и вскоре девушка стала его любовницей и главной исполнительницей комедийных ролей. Природа одарила Мэйбл выразительным лицом и озорным характером, что очень нравилось как зрителям, так и коллегам. Как бы то ни было, ее отказ не очень расстроил Чарли, который к 25 годам уже имел репутацию большого любителя прекрасного пола. Чаплин часто хвастался своими победами на любовном фронте и однажды признался, что был близок более чем с 2000 женщинами. Не так уж много для богатого, красивого и знаменитого мужчины, однако сей факт свидетельствует о чем-то вроде неизлечимого зуда…

Чаплин легко бросал любовниц. Когда в 1926 году журналист из Vanity Fair попросил его описать идеальную женщину, он ответил так: «Я не влюблен в нее, а она без ума от меня». В филь-

мах Чарли может быть робким и застенчивым с женщинами, делает неуверенные попытки сблизиться с ними, но одновременно проявляет грубость и агрессию в отношении тех представительниц слабого пола, которых можно назвать не обремененными принципами морали. Увидев вероятную добычу, он сдвигает на затылок котелок и не стесняется использовать трость, чтобы подтащить ее к себе, зацепив за шею или за ноги. Кто-то из кинокритиков заметил: «Я видел, как мистер Чаплин в кинофильмах с удовольствием совершает поступки, которые я даже не хочу описывать». Интересно, это жизнь следовала за искусством или, наоборот, искусство отражало жизнь? Очевидно одно — всю свою сексуальную энергию Чаплин передал своему экранному персонажу.

В двух последовавших за «Его любимым времяпрепровождением» фильмах — «Жестокая, жестокая любовь» (Cruel, Cruel

Love) и «Лучший жилец» (The Star Boarder) — Чаплину не удалось проявить себя с самой яркой стороны или продемонстрировать особую оригинальность. В первом он пародирует игру в театральной мелодраме, изображая смертные муки в убеждении, что он выпил яд, а во второй

демонстрирует, возможно первый в истории кино, прямой взгляд в камеру в ожидании зрительского сочувствия и соучастия. В «Лучшем жильце» выход персонажа предваряет появление трости и ботинок — это значит, что его образ уже известен настолько, что сам способен вызвать смех. Ко времени выпуска картины студия Keystone стала продавать фотографии своих звезд — Мэйбл Норманд, Мака Сеннета, Роско Арбакла и, конечно, Чарльза Чаплина. Молодой актер завоевал популярность меньше чем за четыре месяца.

Это вовсе не значило, что персонаж Чаплина занял прочное место в воображении коллег. В следующем фильме, «Мэйбл за рулем» (Mabel at the Wheel), он возвращается к образу театрального злодея с обвислыми усами, склонного к патетике. Неудовлетворенность ролью, возможно, способствовала неожиданному бунту Чарли против Keystone. Мэйбл Норманд не только сыграла главную героиню, но и наряду с Сеннетом (он, кстати, тоже снялся как актер) стала режиссером фильма. Когда Чаплин предложил смешной трюк, Норманд отвергла его все на том же основании — нет времени. Чаплин сел на обочину дороги и отказался продолжать съемки. «По-моему, вы

недостаточно компетентны, чтобы указывать, что мне надо делать», — сказал он Мэйбл. Как и следовало ожидать, съемочная группа стала на ее сторону, но Чаплин не двигался с места. «В конце концов, — актер пожал плечами, — это моя роль».

Естественно, дерзость молодого англичанина привела Мака Сеннета в ярость. Казалось, контракт с Чаплином будет разорван и его карьера актера немого кино на этом закончится. Однако на следующее утро Сеннет был спокоен и любезен. Оказывается, он узнал от фирмы Kessel and Bauman, что фильмы с участием Чаплина популярнее любой другой продукции студии Keystone и число заказов на них растет с каждым днем.

Возможно, Чаплин тоже это почувствовал. Он воспользовался внезапным дружелюбием Сеннета и объявил, что желает не только играть в фильмах, но и сам режиссировать их. Чарли даже предложил снять первую свою картину на собственные деньги. Как выяснилось, подобная осторожность была излишней. Все последующие фильмы Чаплина на студии — он был их режиссером, за исключением последнего, — стали самыми успешными на всю историю Keystone.

Картину «Двадцать минут любви» (Twenty

Minutes of Love), режиссерский дебют Чаплина под присмотром Сеннета, сняли за один вечер. Автором «идеи», режиссером и исполнителем главной мужской роли выступал Чаплин. Это «комедия в парке», в которой влюбленные парочки, полицейские, воры и сам Чарли оказываются участниками похожего на своеобразный балет действия с обманом и неразберихой на фоне красивого ландшафта из деревьев, лужаек, кустов и садовых скамеек. Из всех фильмов Чаплина это одно из самых ярких воплощений действия, с чередой конфликтов, которые перетекают друг в друга бесконечной цепью столкновений и погонь. Чарли, как всегда, выделяется среди всех. При виде обнимающихся влюбленных по его лицу пробегает тень злобы, и он делает все возможное, чтобы разлучить их. Он одновременно вор и «подглядывающий». Все сцены отличаются запутанностью комедии положений, разнообразием и энергией необыкновенно успешного фарса.

Следующий короткометражный фильм Чаплина, «Настигнутый в кабаре» (Caught in a Cabaret), представляет собой яркий и увлекательный рассказ о том, как обыкновенный официант выдает себя за посла Греции (в других копиях фильма на

его визитной карточке значится «О.Т. Эксл, посол Гряции»). Газета York Drama-tic Mirror отмечала, что, наверное, неразумно называть фильм лучшей из всех когда-либо выпущенных картин, но это утверждение близко к истине. Это была первая комедия из двух частей, сочиненная и снятая Чаплином, — продолжительность «Настигнутого в кабаре» составляла 32 минуты.

Его режиссура была энергичной и индивидуальной. Чарли показывал другим актерам, какие манеры и выражения лица он хочет от них получить, играл эпизод за них, отвлекал их, делая стойку на руках, и просто «хулиганил», чтобы разрядить атмосферу. Камера снимала со средней дистанции, откуда актеры были видны полностью, а крупный план или искусный монтаж использовались редко. Так предпочитал работать Чаплин. Он всегда спрашивал у оператора, видны ли его ноги. Подобно танцору, ему требовалось полностью продемонстрировать свое искусство. Похоже, его скорость и точность движений были недоступны партнерам. Как однажды заметил Томас Стернз Элиот, он убежал от реализма кино и изобрел *ритм*. В интервью, данном в 1942 году, Чаплин говорил, что движение — это освобожденная мысль.

Комедии студии Keystone попадали в дешевые кинотеатры через два или три месяца после окончания съемок, и именно такой была задержка в признании молодого Чаплина публикой. Его заметили, но еще не узнавали. В газетах его называли «Чапмен», «Чатлин» или просто «англичанин». Но, как мы уже отмечали, это было время, когда кинематограф притягивал к себе широкую публику. Впоследствии этот период стали называть эпохой простого человека, с технологиями, способными удовлетворять его потребности и иллюзии. Чаплин раскрыл еще один аспект данной силы. Все неимущие или потерянные, все, кому не повезло в жизни, видели в Бродяге отражение себя. Именно в этом заключалась гениальность Чарли — превратить отчаяние и безысходность, испытанные им в детстве, в универсальный символ. Он прекрасно это понимал и теперь чувствовал, что стоит на пороге славы.

Фильм «Застигнутый дождем» (Caught in a Rain), выпущенный после «Настигнутого в кабаре», закрепил за Чаплином роль пьяницы и волокиты. За этой картиной последовали «Деловой день» (A Busy Day) и «Роковой молоток» (The Fatal Mallet). В «Деловом дне» Чарли играет разъяренную женщину, пришедшую с мужем на парад,

где тот решил приударить за другой, в лучших традициях лондонской пантомимы. Фильм действительно снимали во время четырехчасового парада в честь расширения порта Лос-Анджелеса, и его можно считать чудом мгновенной реакции и импровизации. В «Роковом молотке» Чарли предстает в роли беспринципного и самоуверенного волокиты. Ни одна женщина *не имеет права* его отвергнуть, и все они должны страдать от последствий своего легкомыслия. Все очень грубо. Героиня Мэйбл Норманд, объект его вожделения, получает удар кирпичом в лицо. При ходьбе Чарли оттопыривает зад, напоминая принявшего угрожающую позу петуха. Он почесывается и гримасничает, как бабуин.

Таким образом, здесь маленький человек совсем не похож на положительного персонажа. Он может быть хитрым, жестоким и недружелюбным. Он склонен к грубости. Он кусает противников и способен проявлять беспричинную злобу. Он может состроить мерзкую ухмылку или изобразить тупую улыбку пьяницы. Когда смеется, он обычно прикрывает рот ладонью, как будто ему есть что скрывать. Он «показывает нос» и высовывает язык. Он проявляет почти дьявольскую безнравственность. Он непристоен

и похотлив, пристает почти к каждой женщине, которая встречается на его пути. Он вступает в сговор со зрителями, постоянно направляя на них заигрывающие или многозначительные взгляды. Он подмигивает и ухмыляется. Он изображает перед камерой раздражение и возмущение. И наконец, он наслаждается реакцией на все это. Чаплин приходил в кинотеатры и, нередко держась в тени, с удовольствием слушал «радостные вскрики», как он их называл, при появлении его персонажа на экране.

В июне 1914 года было выпущено пять короткометражек, продемонстрировавших всю силу движения в фильмах студии Keystone. В «Нокауте» (The Knockout) Чаплин играет судью на ринге, чьи маневры между канатов и в самом квадрате выверены так же точно, как в танце. Подобные роли Чарли играл у Карно, но теперь все выглядело иначе. Искусство кино — это действительно искусство движения, так задумывалось с самого начала. Именно «движущиеся картинки» смогли использовать все преимущества динамики, действия. Ни один из прежних видов искусства еще не достигал подобного.

В картине «Деловой день Мэйбл» (Mabel's Busy Day) Чаплин впервые прокатывает свой котелок

по всей руке, а затем ловит его. Съемки проходили на реальных автомобильных гонках и снова продемонстрировали все возможности стремительного движения. Один из обозревателей назвал фильм уморительным. Люди впервые были показаны в столкновении с миром и друг с другом. Очень важным нужно признать момент самого столкновения, понимание его материальности. Впоследствии Чаплин говорил, что движения всех исполнителей репетировались так, словно они в бешеном темпе танцевали балетные партии. Сам Чарли подчеркивает сходство с танцем своими вращениями, поворотами и пируэтами.

В фильме «Семейная жизнь Мэйбл» (Mabel's Married Life) исполнительница главной роли Мэйбл Норманд доказала, что в мимике она не слабее Чаплина. Когда Чарли кладет ногу на колени партнерше — одна из его самых выразительных чувственных поз, — она внимательно рассматривает лопнувшую подошву его ботинка. Это яркий образ взаимоотношений героев фильма. В заключительных кадрах Чаплин набрасывается на манекен, словно на настоящего противника, а получив ответный удар, разъяряется еще больше. В искусстве Чарли его соперники одновременно

комичны и злобны. Это мир жестокого насилия, которое «обезвреживается» комедией, и именно в этом заключен секрет популярности Чаплина у зрителей, которые живут в реальном мире.

Феномен Чаплина стал известен и за пределами Америки. В июне 1914 года студия Keystone выпустила первые его фильмы в Великобритании. Реклама спрашивала зрителей: «ВЫ ГОТОВЫ К БУМУ ЧАПЛИНА?», а затем утверждала, что никто так быстро не добивался успеха, как этот актер и режиссер. Раньше его знали как звезду труппы Фреда Карно, но теперь по общему признанию он числился в первых рядах комедийных киноактеров.

Затем на экраны вышли «Веселящий газ» (Laughing Gas) и «Реквизитор» (The Property Man), подтвердившие исключительность дарования Чаплина. В «Веселящем газе» он играет уборщика в кабинете зубного врача, который становится ассистентом, и эта ситуация дает простор для утонченной жестокости, к которой склонен Чарли. Он пугает пришедших на прием огромными щипцами и пристает к пациентке — в наше время такое поведение назвали бы сексуальным домогательством. Он пытается привести в чувство находящегося под наркозом человека при

помощи деревянного молотка и даже умудряется ударить ожидающих в очереди людей. Его логика всегда абсурдна. Дама желает что-то исправить, а Чарли, пока она сидит в кресле, чистит ее туфли. Он кирпичом выбивает зубы мужчине. Они все равно были гнилыми — так на что же он жалуется? Это можно было назвать детской игрой — Чаплин уже заметил, что из всех зрителей его новых фильмов дети всегда смеются первыми. В «Реквизиторе» он поднимает жестокость на новый уровень, когда бьет ногой пожилого работника по лицу и голове. В конце он наносит удары просто ради забавы. Его действия становятся инстинктивными. Конечно, это насилие оживших карикатур, на создание которых вдохновлял сам Чаплин, — ни боли, ни травм. Как бы то ни было, в его поздних фильмах насилия будет гораздо меньше и оно станет не таким жестоким.

Следующий фильм Чаплина, «Лицо на полу бара» (The Face on the Bar Room Floor), был совсем другим — пародия на сентиментальную любовную историю. Одна из характерных черт творчества Чарли — склонность принижать и высмеивать поверхностные или легко узнаваемые чувства. В данном случае пьяный художник, опустившийся неудачник, рассказывает посе-

тителям бара историю, как возлюбленная ушла от него к бизнесмену. Журнал Bioscope рискнул предположить, что фильм вызовет смех. Но что это будет за смех? Бертольт Брехт после просмотра картины записал в дневнике, что своим успехом фильм отчасти обязан грубости зрителей. То же самое можно было сказать почти обо всей продукции киностудии Keystone…

«Лицо на полу бара» не относится к числу выдающихся фильмов Чаплина, за исключением нескольких кадров в самом конце, где проявился его творческий гений. Бродяга видит бывшую возлюбленную с бизнесменом, теперь мужем, и маленькими детьми. Он испытывает явное облегчение оттого, что сумел избежать семейных оков. Он пожимает плечами, поворачивается спиной к камере, спотыкается о собственную тень и приподнимает котелок, приветствуя ее. Потом он покорно уходит, но при этом весело подпрыгивает и ускоряет шаг — свидетельство того, что маленький человек готов к новым жизненным приключениям. Этот уход с «настроением» станет характерным приемом игры Чаплина.

Мак Сеннет наконец убедил Чарли покинуть дешевую гостиницу и получить карточку временного члена клуба Los Angeles Athletic Club. Чаплин

снял большую угловую комнату за 12 долларов в неделю. В ней имелось пианино и книжные полки, на которых он держал разнообразные буклеты, а также более солидные тома «самых мрачных философов», как выразился один из его друзей. Чарли имел право пользоваться спортивным залом, бассейном, а также ресторанами и барами клуба. Это было место, куда приходили холостяки и бизнесмены Лос-Анджелеса.

Впоследствии Чаплин писал, что нежился в роскоши за 75 долларов в неделю, хотя, по всей видимости, был не слишком щедр с друзьями. Честер Конклин как-то пожаловался: «Чарли с удовольствием позволял угостить себя выпивкой… но, я думаю, он провел не так много времени в лондонских пабах, где ему объяснили бы, что за следующую порцию платит он». Скупость и прижимистость Чаплина уже были широко известны.

9 августа 1914 года, воспользовавшись бумагой с гербом клуба, Чарльз написал необычно длинное для себя письмо старшему брату, в котором рассказывал о своих успехах. Его имя пишут на афишах крупными буквами, он обеспечивает отличные сборы и скоро заработает кучу денег. Он стал важной персоной. В Лос-Анджелесе у него

много друзей и даже есть слуга. Он прекрасно ладит с Маком Сеннетом, но бизнес есть бизнес (эту фразу Чаплин потом будет повторять часто). Он все так же предусмотрителен и бóльшую часть заработанных денег откладывает.

В фильме «Маскарадная маска» (The Masquerader), снятом вскоре после того, как было написано это письмо, мы видим молодого Чаплина, прибывающего в студию к началу рабочего дня. Он весел, жизнерадостен и энергичен. Он дурачится с Роско Арбаклом за столиком в гримерной, а затем возвращается на съемочную площадку, одетый женщиной. Актер кажется воплощением женственности, жеманным и соблазнительным, неприступным и дерзким. У Чаплина было хрупкое телосложение, тонкие черты лица и маленькие руки — похожие, как часто говорили, на женские. Одна из его подруг, Кэрол Маттау, вспоминала, что он обладал тем, что бывает только у настоящих мужчин, — определенными женскими чертами. Мэри Пикфорд, звезда первых лет кинематографа, отмечала: «…никто бы не назвал его женоподобным, но я бы сказала, что он по крайней мере на 60 процентов женственен. Это видно в его работе. У него женская интуиция».

В этом смысле игру Чаплина часто называли наивной, но такое толкование его роли ошибочно. Подобно всем великим клоунам, он был в своем роде бесполым — прирожденным обольстителем, который идет по земле в поисках симпатии и даже любви. Почему он не должен «привлекать» мужчин? Почему только женщин? Он зажимает ладони между коленей и хлопает ресницами, он изгибается и поджимает губы. Он вихляет бедрами и как бы заигрывает с драчунами, чтобы избежать их гнева. Он пользуется всеми «сигналами» из арсенала женщины. Гомосексуальной составляющей здесь нет, просто Чарли инстинктивно так защищается от враждебного мира.

Чаплин теперь придумывал более связные истории, но менее странным поведение Бродяги не стало. В фильме «Его новая профессия» (His New Profession) он спотыкается, шлепается на собачьи экскременты и ерзает по траве, вытирая брюки. В этой же картине он отбирает у инвалида деньги. Похоже, Чаплин намеревался нарушить все кинематографические табу, создавая собственное кино. Впоследствии он признался, что добился успеха на студии Keystone потому, что сумел стать ни на кого не похожим актером. Сеннет и остальные режиссеры никогда не снимали Чап-

лина в стандартных сценах, например погонях, понимая, что просто впустую растрачивали бы его индивидуальность.

В следующем фильме, «Транжиры» (The Rounders), Чарли снова играл пьяницу. Его транжира выглядит нахалом и грубияном — именно таким видел актер своего героя. Вместе с другим пьяным (его играл Арбакл) Чаплин обреченно ковыляет от комедии к катастрофе. Однако между ними есть существенная разница. Арбакл добродушный пьянчужка. Чарли же в подпитии никогда не бывает добрым. Он поглощен самим собой и полностью безразличен к тому, что его окружает. Он обращается со всеми людьми жестоко и деспотично (вещам тоже достается). Он словно ребенок в мире взрослых. Чужак в незнакомой стране. Арбакл говорил о своем партнере: «Я всегда сожалел, что мне не пришлось сыграть с ним в полнометражном фильме… Он абсолютно гениальный комик и вне всяких сомнений единственный гений в наше время. Он единственный, о ком будут говорить через сто лет».

В «Новом привратнике» (The New Janitor), выпущенном в сентябре 1914 года, Чаплин полностью использует возможности образа маленького человека. Теперь в сюжете есть элементы, вы-

зывающие сострадание. Чарли уже обращался к этому аспекту, и в фильме он явлен полностью сформированным. Нового привратника все презирают, эксплуатируют и унижают. Даже лифтер смеется над ним и заставляет тащиться вверх по лестнице. Наблюдая, как он медленно поднимается по ступенькам, зрители понимают, что на долю этого человека выпало много страданий и унижений. Это была новая грань таланта Чарли. Кстати, «Нового привратника» снимали 17 дней, а не два или три, как обычно.

Фильм заканчивается триумфом привратника, который в одиночку задерживает грабителя банка, и это стало свидетельством новой формы комической драмы от студии Keystone. Напряженное ожидание и чувства теперь играют бóльшую роль, чем неожиданные повороты сюжета и грубые шутки в стиле комиксов. Возможно, такая сентиментальность была неизбежна для окончательного формирования образа Бродяги. В нем появились человечность и сострадание, которых не было раньше. В книге «Моя биография» Чаплин вспоминает, как сказала ему одна из актрис по время очередной репетиции. «Знаю, что это должно вызывать смех, — грустно улыбнулась она, — но я смотрю на вас и плачу».

Эта способность передавать чувства, вызывающие сострадание, пришла к нему инстинктивно и неожиданно. Возможно, Чаплин ее даже не сразу заметил. И совершенно очевидно, он не пытался использовать ее в последних фильмах для киностудии Keystone. В своей следующей картине, «Эти муки любви» (Those Love Pangs), Чарли вернулся к роли маленького плута, грубого и неприятного, который сражается за внимание и благосклонность женщин в парке, по виду похожих на проституток. Он выглядит раздраженным. Он предпочитает пинок в зад удару в лицо как более обидный. Он кусает соперника за усы, которые гораздо роскошнее, чем его собственные. Он лишь на мгновение задумывается о самоубийстве, но по природе своей не способен на это. Он скорее ответит ударом на удар.

Фильм «Тесто и динамит» (Dough and Dynamite), как и многие короткометражки Чаплина, стал результатом неожиданного вдохновения — он проходил мимо пекарни и увидел в окне объявление «Требуется мальчик». Картина оказалась одной из самых успешных и самых замысловатых комедий студии Keystone. В отсутствие Сеннета, занятого другими проектами, на съемочной площадке соорудили сложные декорации. Когда

Чаплин обнаружил, что превысил бюджет, он решил снять две части, чтобы частично восполнить затраты. Фильм длился 34 минуты, а не 15–16, как обычно. Но беспокоиться о прибыли не было нужды: «Тесто и динамит» оказался в три раза прибыльнее, чем конкурирующие фильмы. По словам Сеннета, именно эта картина окончательно укрепила репутацию Чаплина у широкой публики. Журнал Photoplay писал, что новый комик привлек в залы людей, которые раньше в кино не ходили. Один из нью-йоркских кинотеатров демонстрировал только фильмы Чаплина.

Контракт со студией Keystone подходил к концу. Чтобы не подпустить к Чаплину других желающих сотрудничать с ним, Сеннет поставил у входа охрану и приказал останавливать всех незнакомых людей. Маку было о чем беспокоиться — на съемках одной из уличных сцен фильма «Его музыкальная карьера» (His Musical Career) осенью того же года зрителей собралось так много, что транспорт был блокирован на несколько часов.

Неповторимый стиль самого Чаплина все время развивался. Теперь Чарли интересовала не быстрая смена кадров, как было принято в Keystone, а более длинные сцены, где ярче проявлялась его изобретательность как комика. Один

из обозревателей в это время отметил необычайную серьезность Чарли, его рассудительное внимание к мелочам и постоянные размышления над тем, что с ним происходит. Все его действия были плодом долгих раздумий.

В августе в письме к Сидни Чарли упомянул о необыкновенном проекте, который тем летом отнимал у него бóльшую часть времени. Фильм «Прерванный роман Тилли» (Tillie's Punctured Romance), длившийся 80 минут, был первой полнометражной комедией в мире, однако не стал заметным этапом в развитии искусства Чаплина. Он просто вернулся к образу театрального злодея, соблазнявшего и обманывавшего героиню Мари Дресслер. Мари была звездой водевилей, а ее не самая выигрышная внешность — удлиненное лицо с резкими чертами — в полной мере компенсировалась бурным темпераментом и чрезвычайной театральностью. В картине доминирует именно она, а не Чаплин. В результате Чарли не был особенно доволен результатом.

По контракту с Keystone он должен был сняться еще в двух фильмах. Чаплин постарался разделаться с ними как можно быстрее. «Состоявшееся знакомство» (Getting Acquainted) и «Его доисторическое прошлое» (His Prehistoric Past) никто

бы не назвал лучшими достижениями Чаплина, поскольку его отвлекали другие дела и интересы, которые продолжали множиться. Теперь актера хотели заполучить все киностудии. «Состоявшееся знакомство» было последним фильмом, где он играл с Мэйбл Норманд, и Чаплин решил не останавливаться на уже достигнутом. У него в запасе оставался еще один трюк. Когда Чарли случайно приподнял юбку Мэйбл загнутым концом трости, ему стадо стыдно… за трость. Он шлепнул ее, отругал, а затем примирительно поцеловал. Потом он объяснил: «Если то, что вы делаете, смешно, вы не обязаны быть смешным, когда это делаете».

Первая киностудия многому научила Чаплина. Теперь он умел работать и перед камерой, и за ней. Он постиг науку импровизировать, а также доводить внезапно пришедшую в голову идею до естественного завершения. И самое главное, на Keystone он создал Бродягу, маленького человека. За один 1914 год Чаплин снялся в 35 фильмах и в результате стал самым популярным комиком Америки. Для некоторых людей он сам был олицетворением кинематографа. Тем не менее Чаплин уже отверг лихорадочную атмосферу студийных съемок. Больше он никогда не станет сниматься у других режиссеров, а роли для себя

всегда будет писать сам.

6. Неугомонный бесенок

Смонтировав свой последний фильм, Чаплин субботним декабрьским вечером покинул Keystone, даже не попрощавшись с прежними коллегами. Все воскресенье он провел в своей комнате в Los Angeles Athletic Club, а на следующий день поехал на работу на студию Essanay Studios в Найлсе, штат Калифорния. Разумеется, все в Keystone знали о скором уходе Чарли, но он не мог заставить себя произносить какие-то слова и пожимать руки. Он просто ушел. Впоследствии Сеннет заметил: «Что касается Чарльза Спенсера Чаплина, я совсем не уверен, что мы его знали». Он никогда не был командным игроком, ни разу не становился членом какого-либо коллектива.

Впрочем, переговоры о продлении контракта велись. Чаплин попросил у студии Keystone 1000 долларов в неделю. Сеннет возразил, что даже он столько не получает. На это Чарли заявил, что фильмы продаются благодаря его имени, а не Сеннета. Затем ему поступило предложение от Essanay Film Manufacturing Company из Чикаго. Владели ею Джордж К. Спур и Гилберт М.

Андерсон, и название компании воспроизводит произношение их инициалов — S-and-A (Эс энд Эй). Спур покупал картины и выпускал их в прокат, а Андерсон под псевдонимом Брончо Билли стал первой звездой ковбойских фильмов в истории кинематографа.

До Андерсона дошли слухи о чрезвычайно высоких требованиях молодого комика. В отличие от Спура он — актер, а не бизнесмен — был прекрасно осведомлен о необыкновенной популярности англичанина. Возможно, Брончо Билли придерживался принципа: если коллега считает, что заслуживает таких денег, мы их ему дадим. Во время переговоров Андерсон предложил Чаплину 1250 долларов в неделю плюс бонус 10 000 долларов при подписании контракта. К сожалению, он не потрудился известить о договоре своего делового партнера — Спур был твердо убежден, что Чарли таких деньжищ не стоит. Чаплина же привлекала возможность начать все сначала. Студия Essanay могла предложить больший бюджет и не такие сжатые сроки. Чарли получал возможность наполовину уменьшить число снимаемых фильмов, зарабатывая при этом больше, чем когда бы то ни было. Каждый фильм должен был выходить под маркой Essanay

— Chaplin.

Утром Андерсон привез Чарли на машине на Niles Studios, недалеко от Сан-Франциско, где снимали вестерны с Брончо Билли. То, что Чаплин увидел, ему не понравилось. Сама студия стояла посреди большого поля и имела стеклянную крышу, из-за чего внутри было душно и жарко. Андерсон и его новый работник решили ехать в более просторную штаб-квартиру в Чикаго.

Чаплин провел в городе несколько дней, и все это время за ним по пятам следовал один репортер. Вот что он потом писал: «В первую неделю в Городе ветров…[8] Чарли был буквально нарасхват, с самого утра, когда он приезжал, и до ночи, когда уезжал». Тем не менее в одном месте Чаплин задержался достаточно долго, чтобы дать интервью, в котором заявил следующее: кинокритики не понимают, что создатели фильмов работают без подготовки и их мозг пребывает в постоянном напряжении, поскольку они должны быть сосредоточены на работе с утра до вечера.

Essanay находилась в промышленном районе города и занимала бывший склад. Вскоре Чаплин понял, что тут царит такая же атмосфера и уста-

---

[8] Примечания: 8

Г о р о д в е т р о в — одно из названий Чикаго.

новлены такие же порядки, как на фабрике. Свет выключали в шесть вечера, даже если съемки еще не закончились. Кроме того, выяснилось, что к приезду Чарли практически не готовились. Директор сказал, что сценарий он получит в сценарном отделе. Это Чаплину совсем не понравилось. Он писал свои сценарии сам.

В конце концов с Чарли познакомился Джордж Спур, который по-прежнему не испытывал энтузиазма по поводу их нового «приобретения» и, как только мог, оттягивал выплату бонуса. Спур решил провести эксперимент, чтобы проверить, действительно ли молодой комик так популярен. Он заплатил коридорному в чикагском отеле, чтобы тот вызвал Чаплина. Пока служащий бежал по лестнице с криком: «Мистера Чаплина к телефону!» — собралась большая толпа. Чарли неоднократно вспоминал эту историю, однако за ее точность ручаться нельзя. В автобиографии он также утверждает, что в тот период не знал, до какой степени популярен. Однако безоговорочно доверять его воспоминаниям не стоит. Как бы то ни было, Спур осознал ценность своих инвестиций, когда *еще до начала съемок* первого из новых фильмов Чаплина заказчики купили 65 копий. К моменту окончания съемок заказ увеличился до

130. Такого Спуру видеть не приходилось…

В Чикаго Чаплин снял только один фильм. Свой старый костюм он оставил на студии Keystone, но воссоздать гардероб маленького человека не составило особого труда. На съемочную площадку он явился уже в образе — на голове котелок, в руке трость. Рассказывают, что потом Чаплин остановился перед толпой рабочих сцены и зрителей и исполнил клогданс, которым в совершенстве владел со времени работы в «Ланкаширских парнях». Один из присутствовавших рассказывал, что они не понимали, то ли он сошел с ума, то ли просто хочет их развлечь. Потом Чарли крикнул: «Я готов!» Съемки начались.

Его присутствие позади камеры было не менее заметным, чем сама актерская игра. Чаплин всегда громко подбадривал исполнителей или шепотом раздавал указания. Одна из актрис, Глория Свенсон, вспоминала: «Он все время смеялся и подмигивал, разговаривал непринужденно и мягко, призывал меня расслабиться и быть глупой». Косоглазый Бен Тёрпин, знаменитый ветеран студии Essanay, вспоминал указания Чаплина совсем не так. «Делай это, не делай того, смотри туда, иди вот так, повтори сначала». Тёрпин и Чаплин вместе снялись только в трех

картинах.

Фильм «Его новая работа» (His New Job) снимали на Lockstone, очень похожей на студию кинокомпании Keystone. В нем Чаплин играл роль рабочего сцены, которого внезапно повысили до «ведущего актера» — с предсказуемым результатом. Нельзя сказать, что это заметный шаг вперед по сравнению с предыдущими работами, хотя кто-то из обозревателей пришел к выводу, что Чарли все же был немного «милее», чем раньше. Свидетельства этого обнаружить трудно. Он по-прежнему источник неприятностей и неугомонный бесенок, со всеми своими пинками и ударами. Он инстинктивно бьет, кусает и шлепает всех и все, что только видит. По какой-то необъяснимой причине Чарли хочет отомстить всему миру. Сам Чаплин вскоре после выхода фильма сказал: «Это лучшая комедия из всех, что я снял… величайшая комедия моей жизни. Я не мог удержаться от смеха, когда смотрел ее на экране».

Популярности Чаплина ничто не могло повредить. В феврале 1915 года журнал Photoplay пришел к следующему выводу: искусство Чарльза Чаплина не поддается анализу и обезоруживает критиков, однако репортер отметил один эле-

мент в углублявшейся тонкости или сложности его актерской игры — в разгар своих самых безумных эскапад он остается бесстрастным и даже немного рассеянным. Тот же журналист расспрашивал молодого актера о его прошлом и сделал заключение, что Чаплин пытался изобразить то, о чем говорил.

Помимо всего прочего Чарли рассказывал о своей «необыкновенно утонченной» матери. «Это было в Англии… — говорил он. — Она там умерла». А потом прибавил, что после ее смерти был учеником в труппе бродячих акробатов и что никогда не имел настоящего дома. Это по крайней мере несправедливо по отношению к Ханне, которая жила в лечебнице Пекхам-хаус, но, наверное, соответствовало тогдашнему настроению Чаплина. Как бы то ни было, братья все время забывали оплачивать пребывание матери в больнице, и через три месяца после того интервью администрация Пекхам-хауса пригрозила отправить Ханну Чаплин обратно в Кейн-хилл. По всей видимости, спас ее какой-то другой родственник, а Сидни и Чарли затем возместили ему расходы.

Чаплин не любил штаб-квартиру компании Essanay. Она была похожа на банк. Персонал

ему тоже не нравился, а отношения со Спуром никак не налаживались. 12 января 1915 года он закончил съемки фильма «Его новая работа» и шесть дней спустя вернулся в Niles Studios в более приятное общество Андерсона, который нисколько не сомневался в его таланте. В Калифорнии Чаплину легче дышалось. Для него Америка по-прежнему была страной будущего, дальним пределом западного мира, местом бесконечных возможностей, где можно достичь всего, что пожелаешь. Сам Найлс являлся узловой станцией Южно-Тихоокеанской железной дороги, где ежедневно останавливались 24 пассажирских поезда, высаживая бизнесменов и коммивояжеров. На фотографиях тех лет это город двухэтажных деревянных магазинов и жилых домов на широких пыльных улицах. Сама студия располагалась у восточного входа в каньон Найлс, и в ней снимались многие фильмы о Брончо Билли.

Niles Studios предложила Чаплину довольно скромные условия. Ему предоставили одну комнату в бунгало, которое он делил с Андерсоном. Там стояли железная кровать, шаткий стол, стул. Правда, имелась ванная, хотя и грязная. Встречавшие Чаплина работники студии потом шутили, что с собой у него была дешевая брезен-

товая сумка с парой носков с прохудившимися пятками и двумя нижними рубашками, а также разлохмаченной зубной щеткой. Он все еще не перестал быть выходцем из Южного Лондона…

По условиям нового контракта Чаплин мог снимать фильм три недели вместо трех дней, и директор студии не подгонял его. Впервые за все время он получил возможность развить свои комические идеи. Но… у Чарли не было ведущей актрисы, такой как Мэйбл Норманд в Keystone, поэтому через день после приезда он дал объявление в газете San Francisco Chronicle: «ДЛЯ СЪЕМОК КИНОФИЛЬМА ТРЕБУЕТСЯ — САМАЯ КРАСИВАЯ ДЕВУШКА В КАЛИФОРНИИ». Через несколько дней в гостиницу Niles Belvoir пришли три красотки, в числе которых была мисс Эдна Первиэнс. Это одна из версий истории ее появления на экране. В другой говорится, что кто-то из актеров, снимавшихся в ковбойских фильмах о Брончо Билли, вспомнил о белокурой секретарше из Сан-Франциско, и Чаплин затем побеседовал с ней. Возможно также, что они познакомились в 1914 году на вечеринке в Лос-Анджелесе. Так или иначе, это была хорошенькая блондинка с пышными формами, примерно одного роста с Чаплином. Вскоре он убедился, что у девушки есть

чувство юмора и природное обаяние, которое может проявиться на экране. И Чарли предложил Эдне сниматься у него.

«Почему бы и нет? — ответила она. — Один раз я все хочу попробовать». Эдне исполнилось 19 лет. Опыта работы в кино у нее не было, но Чаплин не считал это недостатком. Ролли Тотеро, один из операторов Niles Studios, шутил, что Чарли умел работать с актрисами, которые не отличают задницу от локтя. Чаплин любил придавать «глине» нужную ему форму. Вскоре Эдна Первиэнс стала его партнершей не только на съемочной площадке. Девушка переехала в отель поблизости от бунгало Чаплина, и они почти каждый вечер ужинали вместе. Похоже, Эдна была нетребовательной, простой и намного лучше других возлюбленных Чаплина справлялась с его тревогами и непредсказуемой сменой настроений. Впоследствии он говорил, что какое-то время они были неразлучны и даже подумывали о браке, но в последний момент засомневались.

Эдна Первиэнс снялась во втором фильме Чаплина для студии Essanay, «Ночь напролет» (A Night Out). «После первого дня перед камерой, — вспоминала она, — я пришла к выводу, что такой дуры больше нет во всем мире». Однако, по ее

же признанию, Чаплин был с ней очень терпелив. Вскоре стало ясно, что по характеру Эдна более «невинна» и менее темпераментна, чем Мэйбл Норманд, и поэтому роль ее героини у Чаплина должна быть тоньше и деликатнее. Эдна оставалась ведущей актрисой Чаплина на протяжении следующих восьми лет и снялась в 34 его фильмах.

В картине «Ночь напролет» Чаплин пригласил Бена Тёрпина для эпизода под названием «забавные пьяницы». Говорят, что во время съемок в гостинице Oakland в городе Окленд, штат Калифорния, они играли так естественно, что их едва не арестовали за появление в общественном месте в нетрезвом виде. Чаплин качался и спотыкался, исполняя пантомиму пьяного, которая всегда имела огромный успех у кинозрителей.

Он превосходно изображает состояние опьянения, возможно подражая своему отцу или многочисленным пьяницам Южного Лондона. В некоторых случаях простые потребности и желания его героя наталкивались на сопротивление враждебного мира. Предметы оживали. Ничего не работало. Все валилось из рук. Двери внезапно закрывались прямо перед носом. Чарли изображает фальшивую улыбку или похотливо

ухмыляется. Мы еще посмотрим, кто кого!

В других случаях пьяница обитал в туманном и переменчивом мире, где фантазия и реальность перепутаны и приятное состояние безопасности или неведения словно создает атмосферу сна. Чаплин манипулировал реальными предметами в своих целях, например, превращал сигарету в ключ или черпак — в гавайскую гитару, но в то же время нарушал все правила общественной благопристойности. Чарли *абсолютно рационально* использовал *абсолютно иррациональное* поведение.

Закончив снимать «Ночь напролет», Чаплин на выходные уехал в Сан-Франциско, а когда неожиданно вернулся, то застал Андерсона и одного из операторов за монтажом и редактированием отснятого материала. Он сказал, чтобы они не смели трогать его фильм. Оператором, вызвавшим гнев Чарли, был Ролли Тотеро. Впрочем, все быстро успокоились, и мир был восстановлен. Вскоре Тотеро и Чаплин достигли такого взаимопонимания, что Ролли стал его главным кинооператором и оставался им на протяжении 37 лет.

В начале марта 1915 года Чаплин написал письмо «моей дорогой Эдне», в которой назвал ее сутью и источником своего счастья. В картине

«Чемпион» (The Champion), снятой на студии Essanay, Чарли впервые собирается поцеловать Эдну перед камерой, однако в кульминационный момент поднимает перед собой большую кружку пива, скрывающую их объятие. Это не для публики…

Но главный его партнер в фильме — бульдог Спайк, с которым он в самом начале делится хот-догом. Как написано в титрах, герой размышляет о неблагодарности мира. Предложение хот-дога собаке — это инстинктивный акт альтруизма. В конце концов, пес не может в ответ ничего предложить Чарли, кроме своей признательности. Так возникали штрихи в портрете Бродяги, который затем стал доминировать в фильмах Чаплина. Он экспериментировал с глубиной и сложностью личности персонажа, одновременно делая саму комедию более утонченной и логичной.

Фильм «Чемпион» рассказывает о любительском чемпионате по боксу, который Чарли выигрывает благодаря чистой браваде и балетному искусству. «Хореография» боя, разумеется, была разработана и отрепетирована до мельчайших деталей. Она требовала хорошей физической подготовки, и у Чаплина таковая была, несмотря на субтильность. В боксерском мире слишком

больших и слишком активных персонажей, похожих на героев мультфильмов, его можно назвать чудом недооценки.

Сам Чаплин очень любил бокс, по крайней мере как зритель. Ему нравилось общество знаменитых боксеров, и у себя на студии он снимал свои тренировочные бои с ними. Он вместе с коллегами ходил на матчи местных боксеров. Его хорошо знали и часто приглашали боксеры-любители. Рассказывали также, что Чаплин иногда исполнял роль секунданта во время боя.

В двух следующих фильмах, снятых на студии Essanay, «В парке» (In the Park) и «Бегство в автомобиле» (A Jitney Elopement), Чаплин использовал преимущества ее географического положения — показал калифорнийские пейзажи. Первая картина — стремительная, с любовниками, полицейскими, ворами и маленьким человеком, но Чаплин столько времени репетировал и ставил боксерские поединки в «Чемпионе», что в следующем фильме был просто обязан вернуться к эффективным формулам студии Keystone.

Безусловно, теперь у Чарли было больше уверенности и напора, чем в предыдущих комедиях, и это объясняет его огромную популярность, которая все росла и ширилась. Его творчество

стало темой для разговоров. Вы видели, что снял Чаплин? А что собирается? Его персонаж оказался совершенно не похожим на других, и зрители были буквально загипнотизированы его оригинальностью. Никогда прежде они не видели ничего подобного. Один из обозревателей писал, что в работе мистера Чаплина, похоже, нет серых пятен. Вся она — один большой алый мазок.

В первых кадрах «Бегства в автомобиле» Чарли держит в руках цветок, и это станет одним из его любимых образов, который будет повторяться снова и снова, в самых разных ситуациях — цветок служит символом красоты и быстротечности, свежести и утраты. Сюжет картины прост. Отец героини, которую играет Эдна, хочет выдать свою дочь замуж за богача — графа Хлорида де Лайма. Чарли, истинная любовь Эдны, в свою очередь выдает себя за него, пытаясь спасти возлюбленную от притязаний настоящего графа. Все заканчивается гонками на автомобилях по дорогам Калифорнии. Кстати, в то время «Форд-Т», несшийся впереди всех, называли или jitney[9], или Tin Lizzie[10].

---

[9] Примечания: 9
Драндулет *(англ.).*

[10] Примечания: 10
Жестянка Лиззи *(англ.).*

Фильм удовлетворял потребность первых кинозрителей в скорости и движении, однако в нем также есть элементы, которые обогащают и сам сюжет, и характеры, и комедийное искусство в целом. Чарли очень умело притворяется графом, ловко выходя из затруднительных положений и не выказывая ни малейшего замешательства. Он остается хозяином положения. Конечно, до тех пор, пока неожиданно не появляется настоящий граф… Мы видим утонченный юмор, а не грубый фарс. Можно даже утверждать, что изменился характер самого героя. Маленького человека с этого момента всегда будут отличать аристократические черты — временами он холоден, временами снисходителен, а с теми, кто пренебрегает его благородством, бывает высокомерен. Он разборчив и даже брезглив. И явно превосходит окружающих его людей.

Чарли монополизировал оборудование и помещения Niles Studios, утомляя персонал постоянными требованиями и обвинениями. Ему не нравилась, как он сам выражался, здешняя захолустная атмосфера, поэтому в конечном счете было решено, что Чаплин арендует собственное помещение. К началу апреля 1915 года он переехал в переделанный под студию особняк

на Норт-Хилл-стрит в Сан-Франциско, а оттуда в студию Majestic.

Ферма в Калифорнии стала местом съемок фильма, который описывают как апофеоз раннего стиля Чаплина. В «Бродяге» (The Tramp) Чарли играет маленького человека, сердце которого создано для того, чтобы быть разбитым, героя с неосуществимыми романтическими притязаниями. Его персонаж превратился из бродяги в Бродягу не в этом фильме, но теперь имя нарицательное точно стало именем собственным. Бродяга спасает героиню Эдны от шайки воров. Девушка привозит его на отцовскую ферму и предлагает работу. Он ранен во время нападения тех же воров на ферму и пострадал в последующей стычке… На какое-то время Чарли становится героем, но ошибочно принимает восхищение Эдны за любовь. И эта ошибка — источник его страданий.

Чаплин знал (или чувствовал?), что фильм «Бродяга» будет определяющим в его карьере, и хотел довести его до совершенства, насколько это возможно. Некоторые эпизоды репетировали по 40 или 50 раз. Один из исполнителей позже рассказывал Стэну Лорелу: «Мы репетировали некоторые шутки до тех пор, пока не чувствова-

ли, что еще один раз, и мы за себя не ручаемся». Но Чаплин был неумолим, пока не добивался желаемого.

«Бродяга» заканчивается самым знаменитым уходом в истории кино. Чарли понуро бредет по пыльной сельской дороге прочь от камеры, а затем сквозь грусть вдруг проступает радость: он оживляется, встряхивается и весело продолжает свой путь. Его короткий танец на дороге — это форма самоидентификации. Он свободен. Да, он один, однако он никогда не бывает по-настоящему одиноким, потому что бесконечно изобретателен. Он самодостаточен, склонен к самоанализу и, наверное, эгоцентричен. У него есть воля к жизни, хотя кто знает, стоит ли жить в таком мире? Уходящая вдаль дорога — важное для него решение. Это намек на бесконечное путешествие, на вечное движение. Может быть, поэтому Бродягу сравнивали с Дон Кихотом и рыцарем Круглого стола короля Артура сэром Галахадом, с Гекльберри Финном и Гамлетом?

На студии Essanay были потрясены, что Чарли разменял смех на жалость и сострадание. Но концовка «Бродяги» вовсе не печальна! Внезапный прилив оптимизма и бодрости духа неизмеримо расширил диапазон чувств и личности малень-

кого человека. «Скажите, — спрашивал Чаплин одного знакомого, — вы видели «Бродягу»? Я знаю, что ужасно рисковал. Но понятен ли фильм?»

Естественно, для съемок картины требовалось гораздо больше времени и сил, и Чаплин решил компенсировать эти затраты короткой лентой «У моря» (By the Sea). Как и предполагает название, забавные ситуации и трюки, придуманные Чарли и его партнерами, происходят на морском берегу. Все это он исполняет на кураже, с энергией, демонстрируя, насколько хорош в несложной пантомиме. Как заметил Марк Твен, начиная свои «Приключения Гекльберри Финна»: «Лица, которые попытаются найти в этом повествовании мотив, будут отданы под суд… лица, которые попытаются найти в нем сюжет, будут расстреляны». Больше к короткометражкам Чаплин никогда не обращался. Он перерос этот формат.

Следующий фильм, «Работа» (Work), знаменует возвращение к более сложному образу, представленному в «Бродяге». Здесь Чарли становится унижаемым и эксплуатируемым помощником обойщика — пролетарием, а не бродягой. Но Чарли не любит работать. Его помощь чаще всего опаздывает, он делает все без интереса и беспорядочно. Вынужденный трудиться, он двигается,

как слишком сильно заведенная механическая игрушка. В следующих картинах Чарли чаще демонстрирует ужасы тяжелой работы, чем изображает бедность и жалкое состояние бездомного. Он становится привратником, контролером в универсальном магазине, пожарным. Он выступает в роли официанта, пекаря, ассистента зубного врача, рассыльного. Он играет старателя, полицейского, бродячего стекольщика, парикмахера, помощника адвоката, дворника, механика на конвейере, смотрителя. Он даже выступает в роли профессионального комика. Но и последняя профессия ему не нравится. Работа скучна. Работа бесполезна. Возможно, это один из уроков, которому его научило проведенное в Лондоне детство.

В самой «Работе» Чаплин играет помощника обойщика, который не в состоянии освоить даже элементарные навыки ремесла. Этому трюку он научился в 1906 году в скетче английского мюзик-холла «Ремонт», но здесь его искусство неизмеримо выросло. В первых кадрах Чарли толкает тяжелую тележку по улицам Лос-Анджелеса, понукаемый и подгоняемый хозяином, в руках у которого кнут. Он ухитряется разминуться с приближающимися трамваями, но перед

ним возникает препятствие в виде крутого холма. Это была новая форма шутки, визуальная, и она вызывала смех. Оригинальность часто заставляет смеяться. На самом деле это один из самых завораживающих визуальных рядов, когда-либо снятых Чаплином. Вполне возможно, источником вдохновения был вышедший на экран несколькими месяцами раньше фильм Дэвида У. Гриффита «Рождение нации» (The Birth of a Nation), который Чаплин пересматривал снова и снова. Не исключено также, что эпизод родился из реальной сцены, свидетелем которой стал Чарли, причем, по его словам, все смеялись над работником. Как отметил журнал Bioscope, юмор должен усиливаться в продолжительном крещендо криков до кульминации в реве.

Во время съемок Чаплин повредил запястье, но истерия вокруг известий о нем была настолько велика, что пошли слухи о его гибели при исполнении опасного трюка…

Темп работы Чарли на студии Essanay замедлился. Это свидетельствовало о том, с каким старанием и вниманием Чаплин теперь работал над своими фильмами. В первые четыре месяца 1915 года он снял семь картин, а в оставшиеся восемь месяцев — шесть. Можно подсчитать,

что Чаплин тратил чуть меньше двух месяцев на ленту длиной 550 метров, или стандартную картину из двух частей (на нее уходило около 11 000 метров негативов, а это значит, что каждая сцена снималась 20 раз). С учетом различных проб и изменений это предполагало около 50 дублей каждого эпизода.

В этот период Чаплин взялся за еще один сложный и амбициозный проект с рабочим названием «Жизнь» (Life). Предполагалось, что это будет «снимок» самого дна города, мест, где нищета, ночлежки и болезни не что-то страшное и ужасное, а норма жизни.

Впрочем, фильм так и не был снят — скорее всего, руководство отвергло идею на том основании, что в глазах публики фигура Чарли несовместима с низкой трагедией. Сцена с ночлежкой и ее обитателями появилась в одной из следующих картин компании Essanay, но идея Чаплина подходить к изображению страданий и бедности в стиле Диккенса так и не была должным образом реализована.

Любопытно, но следующим фильмом стала последняя его комедия со сменой пола, где на протяжении почти всей картины он чрезвычайно успешно изображает женщину. Можно даже

с полным основанием утверждать, что он и есть женщина, — Чаплин не подражает представительнице прекрасного пола, а перевоплощается в нее. «Женщина» (A Woman) была снята на полностью обновленной студии Majestic, в которой Чарли сменил все замки и установил новую охранную систему. Теперь его популярность выросла настолько, что конкуренты не останавливались ни перед чем в попытках украсть его материалы или его идеи. Кроме того, он не любил, когда за ним наблюдают во время работы. Говорили, что компания Essanay, чтобы защититься, даже насыпала вал вокруг студии.

Несмотря на то что во многих отношениях «Женщина» является ярким и оригинальным фильмом, более значительной все-таки следует признать его следующую работу, «Банк» (The Bank). В данном случае Чаплин принял сознательное решение расширить диапазон личности и поступков маленького человека, способность которого вызывать сострадание впервые была продемонстрирована в «Бродяге». Он играет уборщика в местном банке, безнадежно влюбленного в секретаршу директора, которая, конечно, не подозревает о его робких притязаниях. Это сага о безнадежном и беспомощном желании,

перемежающаяся с тонкой — и не очень тонкой — комедией. Есть тут и приключение во сне, когда Чарли спасает героиню Эдны от грабителей банка. Впервые он играл героя сна семь лет назад, в театральной комедии «Бесстрашный Джимми».

Одна из сцен картины стала воплощением этого нового аспекта личности Чарли. Он смотрит, как секретарша выбрасывает цветы, которые он оставил ей в знак любви, и выражение его лица — на нем смешались неверие, растерянность и печаль — один из самых запоминающихся кадров за всю кинематографическую карьеру Чаплина. Грустное и испуганное лицо с широко раскрытыми глазами, в которых читается смятение… В этот миг он снова представляет, что значит быть преданным женщиной, которую он обожает… Возможно, Чарли снова переносится в детство? Именно к чувству сострадания обращались афиши фильма, с которых на зрителей смотрел исполненный печали Чарли. Теперь всем было ясно — если этого еще кто-то не понял, — что Чаплин отличается от обычных комиков, которых публика привыкла видеть на киноэкране.

7. Чарли! Чарли!

В 1915 году Чаплин стал самым знаменитым человеком в мире.

Теперь все средства массовой информации сообщали, что первое появление Чаплина на экране в любом из его новых фильмов зрители встречали радостными криками и смехом. В театральном ревю «Полегче на поворотах» (Watch Your Step) Лупино Лейн пел: «Эта походка Чарли Чаплина…» Из-под печатного станка теперь выходили сборники песен с такими названиями, как «Танец Чарли Чаплина», «Смешная походка Чарли Чаплина», «Чарли Чаплин — комический марш», «Эти чаплинские ножки» и «Чарли Чаплин — самый смешной из всех». О нем слагали детские стишки — о том, как Чарли отобрал у ребенка сосиску, а когда малыш заплакал, стукнул его по носу.

Даже дети Пуэрто-Рико пели о Чаплине, советуя не выпускать своих котят на улицу, иначе «Чали Чаплин» побьет их тростью. Возможно, это важно — дети первые заметили жестокость в характере Бродяги. Кто-то из французских кинорежиссеров

сказал, что Шарло был одним из тех немногих людей, которого дети XX столетия узнавали первым после своих родителей.

Куклы, игрушки, котелки и галстуки, носки и резиновые боксерские груши, игральные карты и значки с Чаплином — все это вскоре заполнило полки универсальных магазинов страны. Фигурки Чарли появились на детских сухих завтраках и на жетонах для игральных автоматов. Чаплин стал героем комиксов и карикатур. Печатались книги с такими названиями, как «Комические трюки Чарли Чаплина» (Charlie Chaplin's Comic Capers). Он послужил прообразом кота Феликса из знаменитого мультфильма. В одном из мультиков мы становимся свидетелями такого разговора двух мальчишек, разносчиков газет: «Джимми, ты кем хотел бы стать — президентом или кайзером?» — «Ерунда все это. Я в десять тысяч раз сильнее хотел бы стать ЧАРЛИ ЧАПЛИНОМ».

Картонные изображения Бродяги стояли у каждого кинотеатра, где показывали фильмы Чаплина, а рядом был написан слоган: «Я сегодня здесь!» У Чарли появилась масса подражателей, и летом 1915 года газета Cleveland Plain Dealer сообщала, что в Кливленде столько имитаторов Чарли Чаплина, что дирекция луна-парка решила

учредить приз для лучшего подражателя. Победителем стал 20-летний Боб Хоуп. В Нью-Йорке одни уличные торговцы кричали: «Кому воздушный шарик с Чаплином?», а другие продавали открытки с его изображением. Дети всю неделю собирали монетки, чтобы в воскресенье купить леденец или жвачку в форме Чарли. По словам некоего репортера, в кинотеатрах проделки Бродяги доводили детей до истерики, — детей всех возрастов. Они буквально подпрыгивали от смеха. Это безумие уже называли чаплиноманией. Чарли превратился в нечто большее, чем просто киногерой. Он стал иконой поп-культуры.

Успех Чаплина не ограничивался территорией Соединенных Штатов. Французы сочиняли песни в его честь, а Марсель Пруст изменил форму своих усов — теперь они были такими же, как у Шарло (французские кинопрокатчики называли его только так, подчеркивая сходство с фигурой Пьеро, которому нет места в реальном мире). Чуть позже Чаплин стал героем дадаистов и вдохновителем творчества Фернана Леже.

Во время войны в палатах госпиталей показывали фильмы Чаплина в качестве средства, восстанавливающего силы, и один критик утверждал, что подобного носителя целебного смеха…

еще не знал мир. На английской почтовой открытке было написано: «Все сходят с ума от Чарли. Поют о нем песенки и отпускают шутки».

Ленин говорил, что Чаплин единственный человек в мире, с которым он хотел бы встретиться.

Подсчитано, что начиная с 1915 года фильмы Чаплина посмотрели около 300 миллионов человек. Корреспондент New York Times в Гане писал: «…кинотеатр в Аккре был битком набит дикарями фанти из области Ашанти, горцами кро… парнями из народности хауса с севера Нигерии. Когда на экране появился Чаплин, зрители сразу же закричали: «Чарли! Чарли!» Это было единственное английское слово, которое они знали». Вскоре Чаплина узнавали во всем мире, от Африки до Азии, от Австралии до Южной Америки. Впоследствии ему подражали актеры народного камбоджийского театра, исполнители в турецком кукольном театре, а также в японском театре кабуки. В Стране восходящего солнца его называли «профессор Алкоголь», настолько популярна была его роль смешного пьяницы.

Чаплин был первым человеком, ставшим объектом поклонения во всем мире, задолго до последующего культа «знаменитостей». Сам он

говорил: «Меня знают в тех уголках Земли, где люди никогда не слышали об Иисусе Христе». Инстинкт гения помог ему создать символ или образ присущей всем нам человечности, близкий и понятный каждому на планете. Похоже, он воплощал в себе саму сущность людей — несовершенных, уязвимых и смешных.

Множество компаний предлагали Чаплину рекламировать их продукцию, и он соглашался, за соответствующую плату. Разумеется, Чарли не мог сам заниматься финансовыми делами и одновременно руководить студией. Он решил, что бизнес должен остаться семейным. По настоянию младшего брата Сидни Чаплин уже приехал в Калифорнию, чтобы работать на студии Keystone. В Англии он был известным комиком, и Сеннет надеялся, что в Америке Сидни добьется такого же успеха, как брат. Таким образом, Сидни и Чарли время от времени виделись в Лос-Анджелесе, и вскоре стало ясно, что со славой и заработками Бродяги тягаться нельзя — ими требуется профессионально управлять. Контракт Сидни со студией Keystone закончился в 1915 году, и он сразу стал агентом младшего брата.

Чаплин готов был воспользоваться любыми новыми возможностями. Он снял еще четыре

фильма для Essanay, и в каком-то смысле они продемонстрировали, что в творческом плане Чарли топчется на месте. Ему не терпелось сделать шаг вперед, обрести бóльшую свободу, но он был связан контрактом. В начале сентября на экран вышел фильм «Зашанхаенный» (Shanghaied). Действие комедии происходило на полном злодеев судне, куда Чарли нанялся на службу. Декорации кают корабля катали взад-вперед на роликах, чтобы создать иллюзию движения, а для эпизодов на палубе раскачивали камеру. Через три года эти приемы будут успешно использованы в «Иммигранте» (The Immigrant).

«Зашанхаенный» примечателен демонстрацией акробатического таланта Чарли перед лицом обескураживающих трудностей. Он танцует на раскачивающейся палубе под звуки волынки и даже умудряется сделать полный кувырок с подносом, на котором стоят тарелки, в руках. Опыт, полученный у Карно, был бесценен. Во время съемок испортилась погода. Судно с актерами и техническим персоналом встало у побережья Калифорнии. Чаплин послал сигнал бедствия в соседний город Венис. Возможно, это усилило атмосферу опасности, которой пронизан сам фильм. Компания Essanay купила шхуну для съемки

некоторых сцен, и после завершения съемок Чаплин ее взорвал — такое «демонстративное потребление» было ярким свидетельством прибыльности его фильмо в.

Следующая картина, «Вечер в мюзик-холле» (Night in the Show), стала по большей части повторением стандартной игры Чаплина в скетче «Молчаливые пташки» для шоу Фреда Карно. Он снова был назойливым пьяницей, который все время вмешивается в действие разыгрывающегося на сцене низкопробного водевиля. Здесь он не Бродяга, а молодой аристократ, который не может справиться со своим пристрастием к спиртному. Во всех фильмах Чаплина нет ни одного трезвого богача — возможно, так он выражал свое презрение к классовым различиям, которые так раздражали его в Англии. Чаплин не раз признавался, что это была одна из причин его отъезда в Соединенные Штаты. «Вечер в мюзик-холле» — всего лишь напоминание о роли, которая произвела такое впечатление на Мака Сеннета и стала первой ступенькой на лестнице к мировой славе Чаплина, упирающейся в небо.

Предпоследний фильм Чарли для киностудии Essanay был более амбициозен. В основе «Кармен» (Burlesque on Carmen) лежат новелла

Проспера Мериме и опера Жоржа Бизе, однако ближе всего к нему две кинематографические версии этой же истории, выпущенные в начале года. Чаплину всегда нравилось пародировать условности мелодрамы и приключений. Он получал удовольствие от гротеска и театральности. Покорность, желание, удивление, отчаяние — все это материал для его едких карикатур. Чарли не мог наблюдать за человеком, не перевоплощаясь в него. Он начинал имитировать любого из тех, которого видел. Никто, например, не мог так трогательно или убедительно изображать влюбленного, но эта аутентичность могла быть мгновенно отброшена. В «Кармен» мы видим чистую экспрессию, без эмоций.

Чаплин был великолепным пародистом, или имитатором, потому что страстно и инстинктивно верил в то, что изображал, даже понимая, что это всего лишь игра. Для него не существовало разницы между игрой и жизнью. Он играл любую роль с полной отдачей, даже если знал, что никто на него не смотрит. Американский критик Уолтер Керр лучше всего сформулировал эту особенность в своей книге «Безмолвные клоуны» (The Silent Clowns): «Мы часто будем видеть, как он внутренне падает духом, сожалея, что момент

мистификации закончился или вот-вот закончится, и нет никакой возможности продлить его или навсегда посвятить себя ему, и теперь он должен вернуться к своей ничтожности. Грядущая ничтожность преследует его даже во время самых блестящих достижений».

Пока Чаплин заканчивал работу над «Кармен», Сидни вел от его имени переговоры с разными кинопродюсерами Нью-Йорка. Неприятный сюрприз ждал братьев весной 1916 года. Руководство студии Essanay стало переделывать готовую картину. Они вернули все вырезанные Чаплином сцены и удлинили фильм с двух частей до четырех, добавив материал от Бена Тёрпина. Чарли очень расстроился. Вмешательство в его работу вызвало у него глубокую депрессию, и он на два дня слег в постель. Это еще одно подтверждение того, как упорно он защищал свое творчество. В будущих контрактах Чаплин всегда оговаривал, что право редактировать и изменять законченную ленту остается только за ним.

Той же весной Essanay выпустила фильм «Полиция» (Police), последний, сделанный Чаплином на студии. Закончив съемки, он сразу понял, что «Полиция» — лучшая из когда-либо снятых им картин. Это на самом деле так. Здесь Чарли

излучает жажду жизни, неиссякаемый оптимизм и бодрость духа в нашем «жестоком, жестоком, жестоком мире». Он невероятно экспрессивен. На его лице с огромной скоростью сменяют друг друга все мыслимые человеческие эмоции. Он может быть, например, одновременно жеманным и злобным. Он жалок и несчастен, но не сдается. Он бесконечно изобретателен и умеет приспосабливаться к любым обстоятельствам. Его можно обидеть, но невозможно победить. Он гнется, но не ломается. В финальной сцене Чарли уходит вдаль с раскинутыми в стороны, как у Христа, руками. Это жест радости или экзальтации, как будто он говорит нам: «Смотрите, я все преодолел!»

Чаплин расстался с Essanay. Теперь он жил в Санта-Монике, в доме с видом на море, и размышлял о, как он сам говорил, будущем, будущем — прекрасном будущем! Чарли еще не знал, куда его приведет судьба. В феврале 1916 года Сидни позвал брата в Нью-Йорк — число предложений там продолжало увеличиваться. Когда шедший на восток поезд остановился в городе Амарильо в штате Техас, Чаплин очень удивился большой толпе, которая собралась на станции, украшенной флагами и полотнищами с приветственными

лозунгами.

Здесь он впервые в полной мере ощутил вкус приобретенной славы, поскольку все это время был занят работой. По мере того как поезд продвигался вперед, Чарли видел, как люди в полях и на железнодорожных переездах приветственно махали ему. Теперь это был «поезд Чаплина». Огромные толпы собрались на вокзалах в Канзас-Сити и в Чикаго, а когда состав прибыл в Нью-Йорк, комиссар полиции попросил артиста сойти на 125-й авеню, а не на вокзале Grand Union, где они уже не могли регулировать поток транспорта и сдерживать людей, желающих увидеть Бродягу.

Реакция Чаплина на эти свидетельства славы была противоречивой. Конечно, он наслаждался, поскольку всегда любил восхищение толпы. С одной стороны, ему нравилось быть знаменитым, и он раздражался или расстраивался, если в общественных местах люди не узнавали его. С другой стороны, популярность еще больше заставляла его углубляться в себя, и он острее чувствовал свое вечное одиночество. Неразумная публика приветствовала личность, или персону, которая не существовала в реальности. Успех лишь усилил раздражающее ощущение неудо-

влетворенной потребности или желания чего-то (или кого-то), что он не мог найти. Эгоцентризм, который признавал сам Чаплин, делал его вечным изгнанником. Он устал и, оставаясь один, становился печальным.

В Нью-Йорке Чаплина встретил Сидни. Ожидавший братьев лимузин готов был увезти их от толпы. Сидни показал ему газетный заголовок: «ОН ЗДЕСЬ!», потом другой: «ЧАРЛИ СКРЫВАЕТСЯ!» Чаплину не было нужды скрываться. Если его нигде не ждали, то без привычного грима он оставался неузнанным. Журналистка из нью-йоркской газеты заметила эту особенность. «Думаете, — спросил ее портье в отеле Plaza, — вы его узнаете, если увидите?» Она ответила, что не сомневается в этом. «Тогда вот он, в холле», — сказал портье. Женщина долго всматривалась, но никак не могла узнать Чаплина. Тогда она попросила горничную подойти к нему и передать ее визитную карточку…

Когда Чаплин появился на благотворительном концерте, проходившем на нью-йоркском ипподроме, то, представляя оркестр Джона Филипа Сузы, удостоился лишь сдержанных аплодисментов. Кто этот человек? Но когда он сделал несколько шагов своей знаменитой походкой,

зал взорвался приветственными криками и овациями.

Что обычно видели люди, встречаясь с Чаплином? Роста он был невысокого. Все признавали, что выглядел он очень маленьким. Английский журналист Алистер Кук, познакомившийся с Чаплином в 40-х годах XX столетия, назвал его крошечным. Голова у него была великовата для такого гибкого и субтильного тела, и этот эффект усиливал экранный образ. Кто-то из нью-йоркских репортеров впервые обратил внимание на его улыбку, отметив, что если бы человек прилагался к улыбке, а не улыбка к человеку, то именно такой была бы улыбка Чарли Чаплина.

Он считался очень красивым — волнистые угольно-черные волосы и большие голубые глаза, кожа цвета слоновой кости и ровные белые зубы, полные губы и прямой нос. Жалко, что цвет его глаз не был виден на экране… Когда в фильмах их окружали черным гримом, они казались провалами на лице, похожими на озера скорби. Стоит также упомянуть еще один интересный факт. О том, что Чаплин был левшой, мы уже говорили. А вот о том, что он всегда курил и даже в преклонном возрасте держал в руке сигарету, нет. Может быть, это был признак его нервозности?

26 февраля 1916 года Чарльз Чаплин стоял на Таймс-сквер среди небольших групп людей и увидел бегущую строку светящихся букв: «Чаплин подписывает с Mutual контракт на 670 тысяч в год». Он приехал в Нью-Йорк, чтобы заключить это соглашение. Все переговоры вел Сидни, хотя сам Чарли обладал острым, великолепно развитым деловым чутьем. Как впоследствии заметил знаменитый продюсер Сэмюэл Голдвин, Чаплин не переговорщик — он просто знает, что не может согласиться на меньшее.

В услугах Чаплина были заинтересованы несколько компаний. Как-никак, он на тот момент являлся самым популярным киноактером своего времени. Соглашение, которое Чарли подписал с Mutual Film Company of New York, стало беспрецедентным. В мгновение ока 26-летний человек становился самым высокооплачиваемым наемным работником в мире. Новость, которую он прочитал, стоя на Таймс-сквер, соответствовала действительности. Он будет зарабатывать больше 7 долларов в час. Газета Reel Times сообщала, что после войны в Европе Чарльз Чаплин — самый дорогой проект в современной истории.

Вскоре после подписания контракта с Mutual

Чаплин сказал журналисту: «Я могу быть настолько смешным, насколько осмелюсь, могу проявить все лучшее, что есть во мне, тратить свои силы на то, что нужно людям. Я давно чувствовал, что этот год будет для меня очень важным, и подписанный контракт дает мне шанс. Он меня вдохновляет». Небывалая популярность и успех означали, что теперь у него есть возможность контролировать все аспекты съемок фильма, от репетиций до монтажа. Компания Mutual согласилась оборудовать для него новую студию и оплачивать все производственные расходы. Чаплин также понял, что может продолжить формирование и совершенствование самого яркого экранного персонажа в истории кино.

Он согласился снять 22 фильма, выпуская по картине в месяц, для подразделения Mutual, которое называлось Lone Star Film Corporation. Сам Чаплин тоже, вне всяких сомнений, был одинокой звездой. Впоследствии он описывал этот период своей карьеры как необыкновенно счастливый, подтверждением чему может служить факт, что снятые для Mutual фильмы стали самыми забавными и веселыми из всех его картин. Из Los Angeles Athletic Club, где он снова поселился, Чаплин каждый день приходил в студию

на бульваре Санта-Моника. Она располагалась на окраине района киностудий в Голливуде, занимала целый квартал и была, по его словам, наверное, самой милой студией в Калифорнии.

Именно там Чаплин довел до совершенства свои приемы режиссуры. Его главный кинооператор, Ролли Тотеро, свидетельствует: «У него никогда не было сценария, никогда не было помощника или секретаря, и он никогда не проверял, на месте та или иная сцена и какова ее продолжительность. Сценарий мог дополняться в процессе съемок… У него появлялась идея, и он ее осуществлял. У него было что-то вроде синопсиса в голове, но ничего на бумаге». Каждый день Чаплин приезжал на студию около девяти утра, скрывался в гримерной и выходил оттуда в костюме Бродяги. Затем собирал членов съемочной группы и описывал сцену, которую предстояло снимать.

Чарли опирался на интуицию, инстинкт и вдохновение. Он импровизировал с новым реквизитом и новыми комическими ситуациями. «Давайте мы заставим его вывернуться и убежать, — мог предложить он, — пока полицейский разговаривает с другим парнем. Это вызовет смех». Иногда Чарли просил плотников постро-

ить декорации лишь для того, чтобы проверить, не подскажут ли они какую-нибудь новую идею или сюжет. Он мог переделывать сцены или создавать новые прямо на съемочной площадке. Актера иногда отправляли сменить грим и просили сыграть три или четыре разные роли, пока Чаплин не добивался желаемого эффекта. Замысловатые и сложные сцены снимались и тут же отбрасывались… Такого на киностудиях еще не бывало. «Нет, — подчас говорил Чаплин, — это не годится». Он мог придумать новое начало и новый финал прямо в процессе работы. Перефразируя точку зрения Карлейля на природу гениальности, можно сказать, что Чаплин обладал безграничной способностью к упорному труду. Каждый кадр мог сниматься и пересниматься десятки раз, пока Чарли не убеждался, что сцена настолько близка к совершенству, насколько это возможно. Он был методичен и скрупулезен, как инженер или ремесленник.

В некоторых случаях развитие сюжета ставило, казалось бы, неразрешимые проблемы. Тогда Чаплин прерывал работу, чтобы подумать, помедитировать, дать волю своему воображению. В эти минуты — или часы — он бывал раздражительным, почти грубым по отношению к

непрошеным гостям. Ему требовалось побыть одному. Он хотел, чтобы его оставили в покое, не мешали.

Другие исполнители были всего лишь дополнением, фоном для его героя. Им не полагалась собственная, независимая от него жизнь. Им не позволялось его прерывать. Он был главным. В каком-то смысле все остальные стали принадлежавшими Чарли Чаплину автоматами, без права импровизировать или экспериментировать со своими ролями. Они в точности выполняли его указания. «Взмахни рукой чуть шире, Том, — мог сказать он. — Да, вот так. Ты понял». Он говорил им: «Самое главное, не *играйте*!» Не играть! Это было рефреном. Нужно было вжиться в роль. Быть искренним и естественным, чтобы стать убедительным. Только тогда они будут подходящим фоном для его персонажа.

Ведущей актрисой в его фильмах по-прежнему оставалась Эдна Первиэнс. Для комических ролей Чаплин приглашал и других актеров, таких как Альберт Остин, Генри Бергман и Эрик Кэмпбелл. Кэмпбелл был его соотечественником, шотландским горцем. Он изображал комического злодея, вечного врага Бродяги. Чаплин не отходил далеко от своих корней, английского мюзик-холла… И

Остин, и Кэмпбелл работали в постановках Фреда Карно. Однако Чаплин сказал Тотеро, что в центре каждой сцены всегда должен быть он. Свет и камера должны фокусироваться на нем. Когда он готовился выйти к камере, Эдна Первиэнс говорила: «Давай. Покажи им всем!»

Первым фильмом Чаплина, снятым для Mutual, стал «Контролер универмага» (The Floorwalker). История создания картины была долгой и трудной. Поначалу у Чаплина не было никакой идеи. У него имелась привычка бродить по улицам Лос-Анджелеса вместе с Сидни. Он наблюдал за уличными сценками или останавливался перед каким-нибудь предметом в витрине магазина, а брат записывал его размышления о том, как это можно использовать в комедии. Однажды, разгуливая по универмагу в поисках сюжетов, Чарли увидел, как кто-то из покупателей поскользнулся и съехал вниз по одному из новых эскалаторов. Он мгновенно придумал центральный образ. Чаплин приказал построить на сценической площадке эскалатор, а вокруг него декорации универсального магазина. Это была блестящая идея, его собственное изобретение. До этого еще никто не догадался использовать эскалатор.

Сам сюжет не имеет особого значения, играя

роль витрины для разнообразных комических талантов Чаплина. В одной из сцен он разыгрывает скетч на тему внешнего сходства — его «двойника» играет другой актер, причем ведет себя так, словно они оба стоят перед зеркалом. В другом эпизоде Чарли исполняет сложный и изящный балетный номер с прыжками, антраша и пируэтами — просто потому, что получает от этого удовольствие. Во время танца Чаплин как бы отделяется от окружающих его актеров, а по окончании номера кланяется кинозрителям. Если все искусство, как считал Уолтер Патер, стремится к тому, чтобы стать музыкой, то немое кино стремится к тому, чтобы стать балетом.

В этом первом фильме сразу проявились достоинства контракта с Mutual. Сцены стали продолжительнее и реалистичнее, результат более цельным, а бурлеск элегантным. Сюжеты теперь лучше прорабатывались, имели четкую структуру. Это была уже не просто смешная суматоха, а полноценная комедия положений. В окружении одних и тех же исполнителей Чаплин в каждом фильме создавал то, что можно назвать актерским ансамблем.

В мае 1916 года Чарли удостоился самой высокой оценки из всех, которые когда-либо получал.

В газете Harper's Weekly появилась статья Минни Маддерн Фиск «Искусство Чарльза Чаплина», в которой говорилось, что многие культурные, творческие люди начинают считать молодого английского клоуна Чарльза Чаплина выдающимся артистом, а также гением комедии. Автор сравнивала его вульгарность с вульгарностью Аристофана и Рабле, Свифта и Шекспира. Далее она утверждала, что если верно, что проверкой величия артиста служит степень его человеческого обаяния, то Чарли Чаплин может быть назван в числе первейших из ныне живущих артистов. Кто еще одинаково нравился монголам и славянам, латинянам и тевтонцам? Чаплин был обрадован и польщен этой похвалой. Вдохновленный сравнением, он попытался прочесть пьесу Аристофана, но не смог ее одолеть.

8. За камерой и перед ней

С приходом славы и богатства Чаплин стал чаще появляться среди голливудского бомонда. Он встречался со знаменитыми эмигрантами, такими как британская актриса Констанс Колье, и богатыми американцами, например с первой миссис Вандербильт. Контакты Чарли в высшем обществе теперь были частью его более высокого статуса. Он нанял шофера, японца Торики Коно, для только что купленного автомобиля и рекомендовал его так: «Мой Пятница. На все руки мастер». Коно — телохранитель, слуга и шофер — оставался рядом с Чаплином на протяжении 30 лет. Еще Чарли нанял лакея, который также выполнял обязанности секретаря. Впоследствии Том Харрингтон стал доверенным лицом Чаплина.

У славы, однако, имелась и оборотная сторона, неприятная. Летом 1914 года Чаплин принял решение остаться в Соединенных Штатах Америки, а не возвращаться на родину, где его призвали бы в армию. Кроме того, годичный контракт с компанией Mutual запрещал ему в течение этого времени покидать территорию США. Соотече-

ственники присылали Чарли письма с белым пухом — символом трусости, а некоторые британские кинотеатры отказывались демонстрировать его фильмы. Однако в других письмах — тех, что он получал от солдат с фронта, — были просьбы продолжать съемки картин, которые радуют их, вызывают смех.

Многие государственные деятели считали, что вклад Чаплина в поддержание боевого духа армии гораздо больше, чем был бы на любой армейской должности, которую он мог бы занять.

Сам Чаплин не стремился в армию. В одном из писем он сетовал: «Жаль, что профессиональные обязанности не позволяют мне присутствовать на родине», но истинные его чувства были совсем другими. Кому-то из друзей Чарли говорил: «Война не для меня! Не для меня! Лучше я пойду в тюрьму, чем в армию. Я предпочту отгрызть себе руку, чем согласиться на такое».

Чаплин не сбавлял темп работы в Mutual. Закончив съемки «Контролера универмага», он тут же приступает к работе над фильмом «Пожарный» (The Fireman), в котором играет роль неумелого огнеборца. В центре внимания неизбежно оказывается шест, соединяющий верхний и нижний этаж пожарного депо. Чаплин как-то

проходил мимо такого здания и увидел много возможностей для создания комичных ситуаций. В некоторых отношениях «Пожарный» похож на фильмы о полицейских из Кистона — ватага суетливых и неловких мужчин в форме, а также более примитивные, чем в других фильмах для Mutual, шутки. Мужскому заду, например, в череде ударов и пинков уделено гораздо больше внимания, чем любой другой части человеческого тела. Это усиливает бисексуальную природу большей части чаплинских комедий, хотя она умело скрывается. Все популярное в этом жанре от комедии дель арте до современной пантомимы бисексуально…

У Чаплина была привычка смотреть свой последний фильм инкогнито. Он просто шел на обычный сеанс в кинотеатре. Сидел среди зрителей, неузнанный и невидимый, и оценивал их реакцию. Если публика не реагировала на тот или иной эпизод, в следующих копиях Чаплин его вырезал. Это называлось «испытать на собаке», и громкий хохот, сопровождавший игру Чарли, вне всяких сомнений, обычно убеждал его в том, что все сделано правильно. Один из его почитателей тем не менее не был впечатлен «Пожарным». Он писал Чаплину: «В вашей последней картине я

заметил недостаток спонтанности. Хотя картина безошибочна по части вызывания смеха, этот смех не такой изящный, как в некоторых предыдущих картинах. Боюсь, вы превращаетесь в раба публики, тогда как в большинстве ваших фильмов публика была вашей рабыней. Зрителям, Чарли, нравится быть рабами». Чаплин сохранил это письмо.

Неизвестно, совпадение ли это, но третий фильм Чарли на студии Mutual, «Скиталец» (The Vagabond), отмечен отклонением от привычных природы и направления чаплинского искусства. Необычно то, что его герой вызывает жалость, когда он не в состоянии «добиться девушки», роль которой играет, конечно, Эдна Первиэнс. Он вызволил ее из цыганского табора, но затем оказалось, что ее любовь к нему сменяется чувством к молодому художнику. И тут Чарли становится плаксивым и эмоциональным. Он пожимает плечами и поднимает руки, признавая поражение и отставку. Он смотрит в камеру — большие глаза, полные тоски и одиночества… После того как девушка, по всей видимости, его покинула, Чарли пытается идти знакомой бодрой походкой, но у него ничего не выходит. Он сутулится и подпирает щеку рукой. Грубость и пошлость,

присутствовавшие в предыдущих фильмах, изгнаны. Их заменили нежность и страсть. Один из современников, присутствовавший на съемках фильма, вспоминал, что люди выглядели завороженными и многие плакали. Даже члены съемочной группы не могли удержаться от слез.

В этом фильме Чарли впервые играет на скрипке. Пресса уже знала о его страсти к этому музыкальному инструменту. Газеты писали: «Свое главное увлечение он нашел в скрипке. Каждая свободная от работы в студии минута посвящена инструменту. Чаплин не играет по нотам, разве что в редких случаях. Он может играть отрывки из популярных опер на слух, а в хорошем настроении способен с легкостью исполнителя водевиля изобразить знаменитую ирландскую джигу или что-нибудь из негритянской музыки». Одной из мелодий, которую он исполняет в фильме и которую, естественно, не слышали зрители, была «Жимолость и пчела». Эта музыка завораживала его еще в детстве в Южном Лондоне. Она передает страстную печаль того ребенка, которым Чаплин навсегда остался. Вне всяких сомнений, это помогало ему как актеру.

Конечно, фильм «Скиталец» совсем не жалостливый, даже самые серьезные моменты в нем

оживляются юмором и комичными деталями. Подобное столкновение печали и веселья, трагедии и фарса является отличительной чертой английского воображения. Эта особенность заметна у Шекспира и Диккенса, и разнообразные варианты такого сочетания разыгрывались на сценах мюзик-холлов во времена юности Чаплина. Можно даже предположить, что его гений отчасти обусловлен способностью выразить эту уникальную чувствительность в той художественной форме, которая завоюет XX век.

Его следующий фильм, «В час ночи» (One A. M.), во всех отношениях отличался от предыдущих. За исключением короткой сцены, где Альберт Остин играет приходящего во все большее раздражение таксиста, картина полностью сосредоточена на Чаплине. Название можно интерпретировать и по-другому — «Я один». Я! Крупные планы лица актера подчеркивают, что главный тут он. Это квинтэссенция убеждения Чаплина, что фильм должен просто запечатлеть то, что он делает.

Чарли играет пьяного джентльмена, а вовсе не Бродягу. Богатый бездельник вернулся домой в сильном подпитии. Он долго и безуспешно пытается добраться из прихожей первого этажа своего дома в спальню, находящуюся на втором этаже.

В этом фильме Чарли исполняет виртуозный танец, лавируя между враждебными и опасными предметами — мебелью, ковриком, шкурой тигра и т. д. Чарли всегда относился к окружающему материальному миру как к живому, снимая шляпу, когда спотыкался о камень. В фильме «В час ночи» он падает, когда поднимается по лестнице и когда спускается по ней. Он вступает в спор с чучелами медведя и рыси, сражается со складывающейся кроватью, а маятник часов представляет для него не меньшую опасность, чем вращающийся столик. Это самая искусная из всех его акробатических сцен. В этом фильме продолжительностью 20 минут герой падает 46 раз, однако Чарли с его неукротимой энергией и упорством все нипочем. И при этом его персонаж прилагает огромные усилия для того, чтобы сохранить «аристократические» манеры.

Возможно, фильм «В час ночи» не соответствовал тому, что зрители ждали от маленького человека. Чаплин это понимал и говорил сотрудникам, что еще одна такая картина, и с Чарли можно будет попрощаться. Точно неизвестно, кого Чаплин имел в виду — себя самого или свой персонаж. Вероятно, он понимал, что не может себе позволить игнорировать вкусы публики,

экспериментируя так смело.

В своем следующем фильме Чаплин вернулся на знакомую территорию. В картине «Граф» (The Count) он изображает важного аристократа — образ, уже использовавшийся в таких фильмах, как «Бегство в автомобиле». Это дает простор для имитации фальшивого благородства и поддельной утонченности. И ему явно доставляет удовольствие изображать самозванца. Его привлекают игра и мошенничество.

Прежде чем выдать себя за графа Броко, Чарли выступает в роли помощника портного, который не в состоянии справиться ни с какой работой. Однако сам он этого не понимает и смеется над собственной беспомощностью. Когда его увольняют, Чарли всегда требует жалованье за отработанное время. Он не в силах приспособиться к правилам, принятым в обществе. Возможно, показательным является тот факт, что Чаплин потратил три недели на съемки одной сцены, где он танцует с дамой и одновременно пинает соперника. В течение всех этих недель нанимался эстрадный оркестр, который снова и снова исполнял мелодию «Это называется диксиленд» (They Call it Dixieland).

Чаплину требовалось все больше и больше

времени для съемок каждого следующего фильма. Все сцены теперь репетировали по 50 раз, а затем снимали по 20 дублей. Дни, заполненные творчеством и многочасовыми репетициями, перемежались с игрой перед камерой и режиссерской работой за ней. От него одного зависел успех всего дорогостоящего предприятия. Этот изматывающий груз дополнялся бесконечной работой в монтажной, где Чаплин выбирал, например, между 37-м и 39-м кадром, прежде чем склеить очередную сцену. Все это усугублялось нетерпеливостью и раздражением Чарли из-за задержек, а также никуда не девшейся переменчивостью настроения.

Именно в это время стали разрушаться его отношения с Эдной Первиэнс. Чаплину сказали, что она увлеклась другим мужчиной,

ведущим актером студии Paramount, но он притворился безразличным. Они с Эдной помирились после импровизированного ужина, однако Чаплин осознавал собственную неудачу. Он все свое внимание отдавал работе, а не Эдне. Он ожидал верности, не пытаясь заслужить ее. Так, например, уезжая в Нью-Йорк, он не писал писем. Увидев Эдну в обществе актера с Paramount, он сразу все понял. Профессиональные отношения с

Эдной сохранились — в отличие от личных.

Осенью 1916 года Чаплину удалось избежать нежелательного вмешательства в свою личную жизнь. Он смог помешать выходу книги «История Чарли Чаплина, рассказанная им самим» (Charlie Chaplin's Own Story). В ее основе лежала серия интервью, которые он годом раньше дал Роуз Уайлдер Лейн, журналистке газеты San Francisco Bulletin. Чаплин прибег к услугам адвоката, утверждая, что книга представляет собой выдумки и вымыслы. Тем не менее до сих пор неясно, кто несет ответственность за эту экстравагантную ложь. Роуз Лейн называла себя добросовестным расшифровщиком и редактором, и у нее действительно была благодарность, написанная самим Чаплином, за бесценную редакторскую помощь.

На самом деле это романтическая фантазия, в которой рассказчик преподносит приключения своей жизни в стиле, похожем на стиль Диккенса, однако источником многочисленных подробностей могли быть только память или воображение самого Чаплина. Он характеризует себя как не по годам развитого и самодостаточного мальчика, способного вообразить никогда не существовавшие события и считать их правдой. Рассказчик самоуверен и безапелляционен,

преисполнен чувства собственной значимости. Он инстинктивно театрален. Он прирожденный актер, свысока относящийся к коллегам.

Над своим следующим фильмом для компании Mutual, «Лавка ростовщика» (The Pawnshop), Чаплин начал работать в начале осени 1916 года. Это одна из его самых известных и успешных картин, причем не в последнюю очередь благодаря необыкновенной изобретательности. В ней одна комическая ситуация переходит в другую, смешные сцены следуют буквально без перерыва. Часы превращаются в консервную банку, пончик становится гантелей, а телефонная трубка увеличительным стеклом. Главный герой с силой раскачивается на стремянке и превращает ленту на полу в натянутую под куполом цирка проволоку. Чаплин умудряется получить максимальный эффект, прилагая минимум усилий. Возможно, величие искусства как раз и состоит в том, чтобы быть незаметным.

За «Лавкой ростовщика» последовал фильм «За экраном» (Behind the Screen), где Чарли снова стал эксплуатируемым наемным работником, познающим все опасности и тяготы тяжелого труда и не получающим должного вознаграждения. В данном случае он подсобный рабочий на

киностудии, что дает ему возможность высмеять кинематографические клише. Чаплин сознательно отделяет себя от привычной обстановки и собратьев по цеху. В этом фильме есть также рекордная по продолжительности сцена, в которой персонажи швыряют друг в друга тортами, и это тоже шутка над коллегами — комиками.

Сразу после завершения работы над фильмом «За экраном» случилось нечто необъяснимое. В Бостонское общество психологических исследований поступила просьба изучить некий феномен, связанный с одновременной регистрацией мистера Чарльза Чаплина, комедийного киноактера, в более чем восьмистах крупных отелях Соединенных Штатов. Произошло сие событие 12 ноября. Общество пришло к выводу, что имеет место бесспорное существование некой необъяснимой причины «чаплинского импульса», распространившегося по всему континенту. Во всех этих отелях «мистер Чаплин» был зарегистрирован в течение одного часа. В сотнях небольших городов люди собрались на железнодорожных станциях, ожидая, что он сойдет с поезда, на котором, по слухам, должен был прибыть.

Что там было на самом деле, нам узнать уже

не удастся, хотя в то время высказывались предположения, что образ Чарли настолько глубоко проник в общественное сознание, что стал всеобщей навязчивой идеей.

В следующем году одна из мемфисских газет написала, что американские мальчишки относятся к Чарли как к товарищу. Они обращаются к нему, увидев на экране, выражают одобрение или неодобрение его поступков. Они также желают ему спокойной ночи, словно он находится рядом. Его астральное тело делает на экране ту же работу, которую ждут от его физического тела.

Следующий фильм Чаплина, «Скетинг-ринк» (The Rink), стал повторением того, что он играл в скетче труппы Фреда Карно «Катание на коньках». Чарли довольно быстро восстановил свои навыки, его движения на катке были необыкновенно грациозными и гармоничными. Он в очередной раз одержал победу над изменчивой и ненадежной окружающей действительностью. Другим актерам подобная непринужденность была недоступна. Эрика Кэмпбелла, снова игравшего злодея, вытолкнули на лед, но он оставался практически неподвижным, пока Чарли не пнул его ногой в живот. Чаплину нравилось смеяться над неловкостью других. Показательно также,

что остальные исполнители не знали, что он будет делать дальше, и были вынуждены реагировать инстинктивно. Интересно и то, что Чарли обретает силу и устойчивость *после* того, как его сбивают с ног. Этот эффект мог быть результатом опыта, полученного в детстве.

В конце 1916 года Чаплину предложили крупную сумму за участие в спектакле музыкальной комедии, однако он отказался. У него не было желания возвращаться в театр, а в деньгах он не нуждался. В фильме «Контролер универмага» герой Чарли обнаруживает набитую банкнотами сумку и восклицает: «Баксы навсегда!» Именно в такой ситуации теперь пребывал он сам. Чаплин зарабатывал 10 тысяч долларов в неделю, бóльшую часть из которых откладывал. Его помощник Том Харрингтон почти ежедневно посещал фондовую биржу Лос-Анджелеса, чтобы следить за тем, как брокеры приумножают богатство его работодателя. Чаплин также рассчитывал на Сидни, который прекрасно разбирался в акциях, облигациях и курсе валют, а также в других сложных финансовых материях. Старший брат уже больше года следил за тем, как ведутся бухгалтерские дела младшего.

Одновременно Чаплин пытался «совершен-

ствовать» себя. Есть основания предполагать, что он неофициально пригласил Констанс Колье в качестве преподавателя ораторского искусства. Эта знаменитая актриса классической школы теперь зарабатывала на жизнь тем, что учила появляющихся на голливудском небосклоне звезд актерскому мастерству и хорошим манерам.

В детстве у Чарли был сильный акцент кокни, хотя даже в начале своей сценической карьеры он пытался приобрести интонации «театрального английского». Мать тоже внесла существенный вклад в обучение сына «говорить правильно», то есть так, как, по ее мнению, должны разговаривать культурные люди. Чаплин всегда был талантливым пародистом, и уроки Ханны не пропали втуне. Вполне возможно, он имел в своем арсенале несколько разных акцентов и пользовался ими в зависимости от обстоятельств. В 20-е годы прошлого столетия говорили, что у Чарли сильный английский акцент и музыкальный, изысканный голос, в котором иногда, правда, можно услышать просторечные нотки кокни. В следующие годы у него сформировались характерные сценические интонации. Голос у Чаплина был довольно высокий, дикция слегка прерывистая, с явной американской гнусавостью

и «аканьем».

Последние четыре фильма Чаплина для компании Mutual, выпущенные в 1917 году, считаются чуть ли не лучшими из всего сделанного им. Они стали плодом долгих размышлений, а сюжет и тематика по крайней мере двух из них полностью поменялись в процессе съемок. Материалом для фильма «Тихая улица» (Easy Street), по всей видимости, послужила Ист-стрит в Уолворте, где Чаплин родился — во всяком случае, так считал он сам. Декорации к картине воспроизводили обстановку Кеннингтона. Сохранились свидетельства, что Чарли давал очень подробные указания художникам-декораторам. Им было велено построить улицу и перекресток по образу квартала на Метли-стрит неподалеку от скотобойни и консервной фабрики, где он жил вместе с матерью. Как всегда, Чаплин хотел, чтобы работа была сделана незамедлительно, сию секунду, и злился на любую задержку. Откровенно говоря, сходство между Тихой улицей и Метли-стрит не так уж велико, если только не смотреть, что называется, под определенным углом. Вообще-то это просто грязная городская улица…

В фильме Чарли под влиянием религиозной дамы в исполнении Эдны Первиэнс становится

полицейским. Вскоре новоявленный страж порядка сталкивается с уличным хулиганом (его играет Эрик Кэмпбелл). Далее следуют обычная суматоха и потасовка, однако темп и ритм здесь неподражаемые. Сцены драки и погони, к примеру, поставлены с такой точностью и изяществом, что все выглядит естественным, как полет птицы. В «Тихой улице» изобретательность Чаплина поистине не знает границ. В одной из сцен его герой — маленький полицейский — усмиряет громадного хулигана с помощью подручного средства: надевает ему на голову уличный фонарь и включает газ. Во время одного из дублей Чаплин поранился, но — что характерно для него — даже не вскрикнул и до конца съемки никак не реагировал на физический дискомфорт.

Роль полицейского как будто не подходит маленькому человеку, однако сам Чаплин перед выходом фильма объяснял: «Существует еще больший контраст между моей комичной походкой и всем смешным действием и распространенным представлением о достоинстве, которым должен обладать человек в полицейском мундире».

Следующий фильм, «Лечение» (The Cure), появился лишь через три месяца, что считалось

беспрецедентно долгим сроком производства. В нем Чаплин играет смешного пьяницу, который сопротивляется всем призывам к сдержанности во время пребывания на водах. Сохранившиеся вырезанные кадры иллюстрируют, как исключались или переделывались сцены картины, как старые идеи вновь всплывали в последнюю минуту и как большинство эпизодов зависело от случая и импровизации. Только для первых кадров фильма потребовалось снять 84 дубля и переделать декорации.

В этот период Чаплин взял на работу публициста Карлайла Т. Робинсона, который оставался с ним следующие 14 лет. Появившись в студии Lone Star, Робинсон довольно быстро обнаружил следующее: «С Чаплином очень трудно увидеться, даже в его собственной студии. Я также понял, что никто из чужих сюда не проникнет и что звезда не любит журналистов. Чаплин не желает, чтобы его беспокоили старые друзья, даже те, которые знали Чарли, когда он играл в английских мюзик-холлах». Такое безразличие к старой дружбе было характерно для Чаплина.

Робинсон также понял, что рабочий день у него не нормирован, а бóльшую часть требований Чарли выполнить невозможно. Кроме того, у Ча-

плина сильные симпатии и еще более сильные антипатии. Тех, к кому он вроде бы благоволил, не любили остальные члены съемочной группы, но авторитет Чарли был настолько велик, что он сам принимал все важные решения как на съемочной площадке, так и вне ее. Ролли Тотеро вспоминает: «…он был самым милым и симпатичным человеком на свете, когда все шло хорошо. Он мог быть подобен стивенсовским Джекилу и Хайду. Из отличного парня мгновенно превращался в мерзкого типа. Достаточно было одного взгляда, и вы чувствовали, что он вас смертельно ненавидит».

Следующий фильм Чаплина для компании Mutual, «Иммигрант» (The Immigrant), вероятно, можно считать самой знаменитой картиной этого периода. Его начали снимать в студии как трагикомедию о парижских прожигателях жизни. Первая сцена происходила в декорациях дешевого ресторана. Здесь встретились герои Чарли и Эдны. Однако эпизод показался Чаплину слишком сдержанным, и в картине появился новый персонаж — огромный раздражительный официант (Эрик Кэмпбелл). Это существенно изменило ритм и тональность действия. Персонаж Чарли не в состоянии оплатить счет, и добыть

деньги ему удается только после череды изобретательных и запутанных комических эпизодов. Эти кадры являют собой настоящее чудо жестов и поз, каждая из которых наполнена тревогой и ожиданием.

И тут Чаплин задумался, как молодые люди оказались в ресторане. Казалось бы, для этого есть сто и одна причина, но именно эта одна и стала идеей. Так родился сюжет о чужестранцах в Америке. Таким образом, «Иммигрант» оказался результатом размышлений и импровизации. В «вырезках» из этого фильма Чарли иногда выходит из роли, и мы видим вспышки раздражения либо даже гнева на актеров или массовку. «Стоп! Стоп!» — кричит он в одном из эпизодов, и на его лице написана ярость.

Первые 384 кадра — собственно эпизод в ресторане, а последние 345 — это сцены на корабле, который везет иммигрантов в Нью-Йорк. Чаплин как будто смакует сцены на судне и проявления морской болезни у пассажиров. Конечно, это был способ показать неустойчивость и переменчивость мира, в котором маленький человек должен любой ценой сохранять равновесие. В законченной картине эпизоды на борту корабля, снятые последними, поставлены в начало, и сюжет «Им-

мигранта» развивается более естественно. Фильм становится рассказом о чужестранцах, прибывающих на незнакомую землю. Так, например, при появлении на горизонте статуи Свободы офицер иммиграционной службы перекрывает выход с палубы веревкой — какая уж тут свобода?.. Это один из первых опытов Чаплина в области политической сатиры, однако никакой реакции не последовало. Чарли всегда был «чужим» в американском обществе, и типично английская склонность к морализаторству своим его сделать не могла. Он всегда стоял особняком.

Впоследствии Чаплин писал, что «Иммигрант» растрогал его больше любого другого снятого им фильма. Это история выживания в нашем жестоком мире — вопреки всему. Чарли тут одновременно обманщик и верный товарищ. В конце фильма он ведет Эдну в мэрию, чтобы заключить с ней брак, под проливным дождем, который словно подчеркивает горечь и неопределенность ситуации. Смогут ли они дать друг другу утешение в этом чужом для них мире?

Чаплин отснял более 12 190 метров пленки. Фильм, который попадет к прокатчикам, был рассчитан всего на 549 метров. Чарли просидел в монтажной комнате четыре дня и четыре ночи.

Одну сцену он мог просмотреть 40 или 50 раз, удаляя дюйм в одном месте и дюйм в другом.

Он так устал, что, когда все было сделано, вместе с Сидни уехал на неделю в Сан-Франциско, а затем отправился в Сьерра-Мадре, где должен был отснять несколько сцен для своего последнего фильма на студии Mutual, «Искатель приключений» (The

Adventurer). Затем Чаплин поехал в каньон Топанга, который спускается к самому берегу, на пляж в Малибу. Здесь во время съемок он увидел большую гремучую змею, клубком свернувшуюся на дороге. Вероятно, эта картина так напугала Чарли, что он остановил съемки и возобновил работу только на следующий день. Чаплин был стопроцентным горожанином и не любил природу. Большие мотыльки и разнообразные ползучие твари, которые водились в Калифорнии, его всегда пугали.

В «Искателе приключений» главный герой бежит из тюрьмы — возможно, это была метафора окончания контракта со студией. Удирая от отряда полицейских, он проделывает каскад грандиозных трюков: то закапывается в песок, то сталкивает преследователей с обрыва. Наконец он бросается в море, где избавляется от арестант-

ской униформы. Он слышит крики утопающих, бежит на помощь и спасает девушку и ее жениха, однако сам чуть не гибнет. Просыпается он в доме спасенной красавицы, знакомится с ее родителям и, конечно, вступает в конфликт с женихом. Чарли здесь снова самозванец… В фильме больше элементов фарса, чем обычно, и герою то и дело приходится прибегать к хитрости и изобретательности. В одном эпизоде он надевает на голову абажур и притворяется торшером, чтобы спрятаться от полиции. Он наполняет свой бокал, сливая в него вино из других… В интервью того времени Чаплин говорил, что в этой разновидности комедии он опирается на два обстоятельства: «Одно — это удовольствие, которое испытывает представитель среднего класса при виде неприятностей у богача. Второе — склонность человеческого существа самому испытывать чувства, которые он видит на сцене или на экране».

Закончив «Искателя приключений», Чаплин вместе с Эдной Первиэнс на пять недель уехал на Гавайи. Это был последний отпуск, которым они насладились вместе. Он также стал вехой, обозначившей большие перемены в жизни Чаплина.

9 Маленький мышонок

В начале лета 1917 года, когда «Иммигрант» вышел на экраны кинотеатров, как роскошных, так и тех, билет в которые стоил пять центов, Чаплин подписал контракт на 1 000 000 долларов. Компания Mutual уже предлагала ему миллион за восемь новых фильмов — настолько прибыльным оказалось его искусство, однако теперь Чарли интересовали не деньги. Он хотел получить для работы неограниченное время и лучшие из возможных условий. По пути в Нью-Йорк на дальнейшие переговоры Сидни сказал, что в следующих фильмах Чаплина будут связные истории, а не просто череда смешных трюков и ситуаций.

На самом деле Чарли уже создал «связную историю» в таких фильмах, как «Иммигрант» или «Тихая улица», но ему хотелось сделать еще один шаг вперед, к независимости. Прежде всего он стремился избежать каких-либо ограничений. Чаплин добился желаемого, подписав контракт с First National Film Corporation, гарантировавший аванс в размере 125 000 долларов для каждого

фильма, а также долю в прибыли от проката. Чарли становился продюсером своих картин и получал собственную студию, оградив себя от влияния других руководителей компании, которых больше заботили деньги, чем качество лент. Наконец он стал независимым режиссером и мог свободно экспериментировать, чего был лишен раньше. Можно также сказать, что постоянный состав съемочной группы делал его похожим на актера-директора в традициях театра Викторианской эпохи. Компания требовала проверенный продукт из фильмов в двух частях, чтобы удовлетворить кинопрокатчиков, но амбиции Чаплина простирались гораздо дальше. Он должен был снять восемь картин за 18 месяцев, но в конечном счете снял девять за пять лет.

Его студию, первую из тех, которые специально создавались под одного актера, построили на углу бульвара Сансет и авеню Ла-Бреа. Было решено, что для поддержания добрых отношений с жителями района фасад здания будет таким же, как у соседних «тюдоровских» особняков. В респектабельных районах не особенно радовались соседству с киностудией. Когда строительство было почти закончено, Чаплин надел знаменитые огромные ботинки Бродяги и оставил отпечатки

ног на застывающем цементе, а затем бамбуковой тростью написал свое имя и дату — 21 января 1918 года.

Территория студии занимала два гектара бывших сельскохозяйственных земель — там еще остались апельсиновые, персиковые и лимонные деревья. На ней располагались две открытые съемочные площадки, гримерные, мастерские художников-декораторов, лаборатория, в которой проявляли кинопленку, зрительный зал и монтажная комната, а также теннисный корт и плавательный бассейн. Ворота студии охранял старый пес.

Кабинет самого Чаплина находился в скромном бунгало. 15 лет спустя Алистер Кук описывал его так: «Одно маленькое окно, три деревянных стула с прямыми спинками, старый стол, полдюжины книг с потрепанными корешками и древнее пианино, жутко расстроенное». Чаплину требовалась привычная рабочая обстановка, не очень отличавшаяся от той, к которой он привык с юности. Ему также нравилось окружать себя знакомыми людьми. Он нанял Альфреда Ривза, которого знал еще со времен работы у Карно, на должность генерального директора студии, и на этой должности Альф оставался до конца своих

дней. Вот обрывок их разговора, который трудно было бы представить с другим собеседником:

— Ах ты сука!

— А ты еще бóльшая сука!

— А ты вдвойне сука!

Это было королевство Чаплина, где он останется до самого отъезда из Соединенных Штатов. Карлайл Робинсон вспоминал, что, когда Чарли каждое утро приезжал на студию, сотрудники тут же бросали свои дела. Актеры, рабочие сцены, электрики — все выстраивались в шеренгу, ожидая его прибытия. Автомобиль Чаплина въезжал в ворота. За рулем роскошной машины сидел Коно, а рядом с ним на пассажирском сиденье Харрингтон. Том выскакивал из автомобиля и открывал дверцу для хозяина. Этот ритуал не менялся, и машинистка студии говорила Робинсону, что вся группа делает это ради шутки. Чарли не питает иллюзий, но он это обожает. Рассказывали также, что работники студии узнавали настроение Чаплина, хмурое или солнечное, по цвету костюма, которой он надевал утром.

У него было любимое занятие, позволявшее отвлечься от обстановки киностудии. Чаплин любил рыбачить в открытом море у побережья Калифорнии. На одной из фотографий он изоб-

ражен рядом с огромной рыбиной, чуть ли не больше его самого. Подпись под снимком гласит: «Меч-рыба, пойманная Чарли Чаплином у острова Санта-Каталина, 10.06.1918». Чтобы вытащить рыбу, ему потребовалось 22 минуты.

За шесть дней до официального открытия студии Чаплин начал работу над своим первым фильмом для First National. «Собачья жизнь» (A Dog's Life) в полной мере удовлетворяет его стремление к «связной истории» и точной структуре, на которых строились бы действия и комедийные ситуации. Фильм открывается кадрами с Бродягой, спящим на пустующем участке. Беззащитная фигура уснувшего на пыльной земле человека, напоминающего маленького, изящного оленя, вызывает жалость и сострадание к нему. Это похоже на настоящую жизнь, реальную ситуацию. Бродяга еще больше изможден и измучен, чем раньше. Он более хрупок и более уязвим, чем персонаж комедий, снятых на студиях Keystone и Essanay, в значительной степени потому, что Чаплину удается пробудить внутреннюю жизнь маленького человека, робкого и растерянного. Он спасает голодную собаку, а затем завоевывает симпатию одинокой певицы в баре, от которой отвернулась удача. Втроем они готовы проти-

востоять всему миру. Сам Чарли отличается неиссякаемой энергией и решительностью ребенка, а его изобретательность и находчивость просто поразительны.

Какое-то время Чаплин искал пса для съемок в комедии. Он привел в студию 12 собак, но звездой фильма стала дворняжка по кличке Мут, получившая сценическое имя Скрэпс. В бухгалтерских книгах студии есть такая запись: «Виски (Мут) — 60 центов», которая указывает на то, что для съемок одной из сцен, где собака должна была спать, Мут просто-напросто напоили. Через три недели после начала работы Чаплин понял, что отснятый материал ему не нравится, и день или два обдумывал другую комедию. Потом вернулся к «Собачьей жизни». Фильм состоял из трех частей и был самым длинным и самым сложным из всех, снятых к тому времени Чаплином. Приняли его очень хорошо. Французский критик Луи Деллюк назвал эту картину первым настоящим произведением искусства в кино. Позже другой критик, Дэн Камин, говорил, что «Собачья жизнь», возможно, самый совершенный фильм Чаплина.

Еще до того как картина вышла на экран, Чаплин вместе со своими друзьями Дугласом

Фэрбенксом и Мэри Пикфорд отправился в турне по Соединенным Штатам, чтобы поддержать так называемый заем свободы, с помощью которого финансировались военные расходы. Вероятно, Чарли считал, что это и есть его вклад в победу в Первой мировой войне — никак иначе он не мог принять в ней участие. Фэрбенкс и Пикфорд в то время считались королем и королевой Голливуда. Дуглас начал работать с Дэвидом Гриффитом в 1915 году и вскоре благодаря своему атлетизму и природному обаянию стал одним из самых ярких героев немого кино. В 1918 году, когда проходило турне по стране, он был наиболее известным американским киноактером, а окружавшая его аура романтики переместилась с экрана на жизнь Голливуда.

Мэри начала сниматься раньше, в 1909 году, и до прихода в кино звука буквально не сходила с экрана. Пикфорд называли девушкой с золотыми кудрями и любимицей Америки. К тому времени, когда она отправилась в турне вместе с Фэрбенксом и Чаплином, Мэри была самой знаменитой актрисой США, однако за ее девичьей прелестью и жеманными манерами скрывались острый ум и деловая хватка. В 1916 году журнал Photoplay писал о сияющей нежности Пикфорд в стальной

оправе абсолютной безжалостности.

В первые два дня, пока поезд шел до Вашингтона, Чаплин спал — свидетельство того, насколько сильно вымотали его несколько недель съемок. Перед выступлениями Чарли волновался, но затем «разогревался», и его речь становилась пылкой и цветистой. Будучи актером, Чаплин всегда оказывался на высоте положения. В Вашингтоне он так увлекся собственной речью, что, спрыгнув с помоста, упал на помощника министра Военно-морских сил США — в то время эту должность занимал Франклин Д. Рузвельт.

В Нью-Йорке актеров встречала взволнованная толпа, заполнившая пространство перед зданием отделения казначейства на углу Бродвея и Уолл-стрит. Когда Фэрбенкс поставил Чаплина себе на плечи, публика пришла в неистовство. «Послушайте! — обратился к толпе Чарли под приветственные крики и смех. — Я никогда в жизни не произносил речей. Но думаю, что теперь у меня получится!» Он призвал пожертвовать деньги на военные расходы, чтобы можно было вышибить этого старикашку кайзера из Франции. Призыв с энтузиазмом подхватили, и Чаплин еще раз убедился в том, что слава бывает полезна. Сохранились его фотографии — котелок

в руке, мегафон у самого рта.

Маршрут проходил по Вирджинии, Северной Каролине, Кентукки, Теннесси и Миссисипи. В Новом Орлеане один местный политик протестовал, что на афишах его имя стоит ниже имени «вульгарного киноактера». Политик собрал 400 человек, а «вульгарный актер» — 40 000… Впрочем, скоро Чаплин стал уставать от постоянных переездов и волнений. Сославшись на истощение сил, он из Техаса вернулся в Голливуд и в начале мая снова приступил к работе. За время поездки они с Фэрбенксом стали близкими друзьями. Оба пользовались огромной, иногда даже чрезмерной популярностью и, подобно двум пассажирам, застрявшим на самом верху чертова колеса, уцепились друг за друга в поисках опоры.

У Чаплина появилась новая знакомая. С Милдред Харрис он встретился на приеме, устроенном продюсером Сэмюэлом Голдвином. Девушке было всего 16, но она уже пять лет снималась в детских ролях. Мать Милдред работала костюмершей на одной из киностудий и, вероятно, знала обычаи Голливуда. Вне всяких сомнений, Чаплин, которому исполнилось 29 лет, вскоре увлекся мисс Харрис, а в конечном счете влюбился в нее. У Милдред были белокурые волосы и голубые глаза.

Одна из газет назвала ее изысканной любимицей киноэкрана… Сам Чаплин — молодой, красивый — был одним из богатейших актеров Голливуда. Все считали его завидной партией. Чарли посылал букеты роз в отель Cadillac, где жила Милдред, и ждал в машине возле студии Lois Weber, пока она работала. Впоследствии Милдред говорила, что он был по-отечески нежным и держался с ней так, словно она была еще ребенком.

Но, похоже, довольно скоро они стали любовниками. В своей биографии Чаплин утверждает, что инициатива исходила от девушки, однако в этом есть сомнения. Совершенно очевидно, однако, что Милдред Харрис и ее мать были готовы повернуть многообещающую ситуацию на пользу себе. В июне начали появляться сообщения о свадьбе… Впрочем, обе стороны их опровергали. Милдред в характерной для нее манере заявляла, что они просто очень близкие друзья.

Чаплин умел быть душой общества. Многие современники вспоминали его шутки на званых обедах, когда Чарли изображал, как самые известные дамы испытывают… оргазм. Он разыгрывал поединок быка с матадором. Танцевал с воображаемым воздушным шариком. Любой свой рассказ Чаплин сопровождал пантомимой.

Он всегда оказывался в центре внимания, даже в присутствии других знаменитостей. Тем не менее Чарли быстро уставал от общества и, стремясь к уединению, зачастую уходил с вечеринки, чтобы взять в руки скрипку. В таких случаях он становился нервным, замкнутым и мрачным. Возможно, эту черту его характера Милдред Харрис еще не знала.

Вскоре после возвращения в Голливуд Чаплин приступил к работе над следующим фильмом, «На плечо!» (Shoulder Arms). Возможно, выбор темы стал естественным результатом его турне в пользу займа свободы, во время которого он также посетил армейские учебные лагеря. Теперь Чарли решил сыграть роль солдата, сражающегося на Западном фронте. Тема считалась слишком деликатной. Нельзя было допустить, чтобы герой выглядел карикатурой на американских пехотинцев. Чаплин прекрасно понимал, что маленький человек обладает возможностями для того, чтобы стать отважным, изобретательным и симпатичным. Этакое воплощение бравого солдата Швейка, его кинематографическая версия.

Первую часть картины планировалось посвятить жизни героя до призыва в армию, но эти сцены не удовлетворили строгим требованиям

Чаплина и были вырезаны. Фильм начинается *in medias res*[11], когда Чарли в тренировочном лагере обучается строевой подготовке. Естественно, он не может правильно распорядиться своими ногами, которые не желают двигаться в нужном направлении. Вслед за этим следуют сцены на фронте — скука и ужасы траншейной войны здесь, конечно, преувеличены, но ни в коем случае не превращены в пародию. Окоп Чарли затапливает, и он спит под водой, используя трубу фонографа в качестве дыхательного аппарата. На вопрос, как ему удалось захватить в плен 13 немецких солдат, его герой отвечает: «Я их окружил». На вражеской территории Чарли надевает костюм дерева и действительно превращается в дерево, становясь практически невидимым во время эпизода в лесу.

Чаплин закончил съемки картины к середине сентября. Он был встревожен и подавлен, поскольку не считал ее смешной. Чарли уже собирался предать свою работу забвению, но Дуглас Фэрбенкс, попросивший показать ему фильм, хохотал с начала и до конца. Тогда Чаплин решил, что это, возможно, все-таки комедия.

---

[11] Примечания: 11
В разгар событий *(лат.).*

Картина «На плечо!» имела громадный успех и, как выражались в те времена, была у всех на устах — сцены из фильма обсуждали и анализировали и критики, и широкая публика. Он вышел на экраны в октябре 1918 года, за месяц до подписания перемирия, и возвращающимся с фронта солдатам картина нравилась не меньше, чем остававшимся дома гражданским.

Во время съемок последних эпизодов фильма «На плечо!» Милдред Харрис сообщила Чаплину, что беременна. Разумеется, новость повергла Чарли в панику — на этом этапе жизненного пути ему вовсе не нужны были семейные обязательства. Важнее всего для него была свобода. Первая мысль Чарли — бежать. Но… Если он откажется жениться, будет жуткий скандал — как-никак от него забеременела молоденькая девушка. Чаплин попросил помочь Харрингтона. 23 октября после окончания рабочего дня на студии Том организовал тайную церемонию в доме местного чиновника мэрии.

Эдна Первиэнс приняла новость стоически. Повстречавшись с Чаплином в студии уже после того, как прочла газеты, она сказала: «Поздравляю». Впоследствии Чарли признался: «Эдна меня смутила».

Для семейной жизни Чаплин снял дом на Демилл-драйв, который один из друзей описывал как симфонию в тонах лаванды и слоновой кости, изысканную до мельчайших деталей. Однако вскоре после того, как молодожены переехали в это райское место, выяснилось, что Милдред не беременна. Она либо ошиблась, либо — сговорившись с матерью — обманом заставила Чарли жениться. Подозрения в этом никак не способствовали счастливой семейной жизни. Чаплин понимал, что не влюблен в жену, и вскоре стал сожалеть о своем поступке. Присутствие Милдред иногда раздражало его. Он признавался Дугласу Фэрбенксу, что по части ума ее не назовешь чемпионкой.

Чаплина явно не радовало желание жены стать киноактрисой — вне всяких сомнений, с его помощью, но через два дня после бракосочетания Милдред начала переговоры с Луисом Б. Майером из Metro-Goldwyn-Mayer. Это стало причиной яростной ссоры между супругами. Впоследствии в одной из статей Харрис писала: «Думаю, он был прав. Но ему следовало проявить больше терпения и снисходительности к молодости». Терпением и снисходительностью Чаплин никогда не отличался. Милдред жаждала волшебных

перемен и ждала внимания, а Чаплину требовалось время для работы над новыми идеями. В распоряжении Милдред были личный шофер, слуги и неограниченный кредит в продуктовых магазинах и универмагах, куда она любила ходить. Но собой Чаплин жертвовать не собирался. Он уходил из дома рано утором, а в обществе жены становился раздражительным и мрачным. Однако к ноябрю новоиспеченная миссис Чаплин действительно носила его ребенка.

Трудности семейной жизни серьезно мешали работе над следующим фильмом для First National, «Солнечная сторона» (Sunnyside). Снимая картину, Чарли мучился и впадал в отчаяние. Бывало, он закрывал студию и оправлялся на прогулку с близкими друзьями — но не с женой. Он мог отсутствовать день или два, не предупреждая ее.

Это было нелегкое время для всех, кто был связан с Чаплином. Милдред даже попала в больницу Good Samaritan, где пробыла три недели. Говорили, что у нее нервный срыв. В конце года врачи настоятельно порекомендовали ей полный покой — ради ребенка, но в санаторий, который находился недалеко от города, Чаплин с ней не поехал. Когда в конце концов Милдред вернулась в Лос-Анджелес, он проводил с ней

очень мало времени. Однажды Милдред пожаловалась: «Чарли женился на мне, а потом обо мне забыл». На фотографии того времени он небрит и выглядит очень усталым. «Я ненавижу этот мой снимок, — говорил впоследствии Чаплин. — У меня затуманенный взгляд, как у убийцы. Неудивительно!» В картине «Солнечная сторона» мы видим его явно похудевшим.

По слухам, мать Чаплина должна была покинуть психиатрическую лечебницу в Англии и приехать в Соединенные Штаты, чтобы жить рядом с сыновьями, но Чарли не одобрял эту идею. Он отправил телеграмму брату, который в это время жил в Нью-Йорке:

ПО ЗРЕЛОМ РАЗМЫШЛЕНИИ МАТЕРИ ЛУЧШЕ ОСТАТЬСЯ В АНГЛИИ НА КАКОМ-НИБУДЬ ХОРОШЕМ МОРСКОМ КУРОРТЕ. БОЮСЬ, ЕЕ ПРИСУТСТВИЕ ЗДЕСЬ МОЖЕТ ПОДЕЙСТВОВАТЬ УГНЕТАЮЩЕ И ПОВЛИЯТЬ НА МОЮ РАБОТУ.

Неприятности дополнялись растущими разногласиями с First National. Впоследствии Чаплин сказал, что эта компания была бесцеремонной, черствой и недальновидной — под этим он имел в виду, что First National отказывалась удовлетворять *все* его требования. Чарли должен был уже

снять восемь новых фильмов, но успел закончить только три и начал четвертый. Для First National было неважно, что «Собачья жизнь» и «На плечо!» оказались необыкновенно популярными и прибыльными. Компания видела только то, что Чаплин не выполняет условия контракта. Он просил увеличить авансы, чтобы поддерживать качество работы, но его просьбы неизменно отвергались. Он грозил, что снимет пять коротких комедий, но качество не гарантирует. Угроза не возымела действия. На студии не сомневались, что одного имени Чаплина достаточно, чтобы продать все, что угодно.

Неудивительно, что именно в этот период Чарли начал переговоры с Дэвидом Гриффитом, Дугласом Фэрбенксом и Мэри Пикфорд, чтобы основать собственную студию и избавиться от требований самоуверенных администраторов. Они решили, что прибыльнее вложить свои деньги, самим продюсировать фильмы и самим заниматься их прокатом. Только тогда они станут по-настоящему независимыми. В конечном счете их союз получил название United Artists. Однако, прежде чем начать работу на новой студии, Чаплин должен был снять пять фильмов для First National…

«Солнечная сторона» вышла на экраны в июне 1919 года. Критики встретили ее довольно прохладно. Статья в журнале Theatre, например, была озаглавлена «Прошла ли мода на Чаплина?». На самом деле это замечательная комедия, в которой предпринята попытка сделать сатиру на пасторальную идиллию, которая была одной из составляющих американской мечты. Чарли играет чрезмерно загруженного и, наверное, плохо оплачиваемого наемного работника на сельскохозяйственной ферме, которая также служит гостиницей, магазином и парикмахерской. Обстановка позволяла использовать знакомые комедийные приемы. Он снова влюблен в Эдну Первиэнс, и присутствие опасного соперника создает атмосферу фарса и вызывает у зрителей сочувствие к главному герою. Тем не менее все это кажется несколько натянутым.

В фильме имеется один примечательный эпизод со сном, в котором Чарли танцует пародию на L'après-midi d'un faune[12] Вацлава Нижинского. Некоторые критики предположили, что это была серьезная попытка продемонстрировать искусство Чаплина как танцовщика, но такая гипотеза

---

[12] Примечания: 12
Послеполуденный отдых фавна *(фр.).*

явно ошибочна. Перед нами пародия на жесты и позы балетного танцора в моменты крайнего напряжения. Для включения этого эпизода в фильм не было никакой реальной причины, что явилось нарушением строгих правил самого Чаплина относительно комической релевантности и целостности. Это симптоматично для картины, которая по сути своей беспредметна и иллюзорна.

Сразу после окончания работы над «Солнечной стороной» Чаплин принялся за съемки фильма «Удовольствия дня» (A Day's Pleasure). Он уже работал над картиной, но эпизодически, и теперь хотел уменьшить число оставшихся лент, которые было необходимо сделать для First National. В неровном и неубедительном фильме о лодочной прогулке, которую герой совершает вместе с семьей, Чаплин возвращается к одной из своих любимых тем — морской болезни. Это дополняется выходками непослушного автомобиля «форд», что ближе к продукции Keystone, чем к настоящему Чаплину. В необычной роли отца семейства Чарли суров и непреклонен — словно он надел маску идола. Актер Джеки Куган, игравший младшего сына Чарли, вспоминает: «Чаплин будто хотел избавиться от этой картины. Вы заметите,

что она становится очень нервной. Он утратил к ней интерес». В сложившихся обстоятельствах отсутствие вдохновения было совсем неудивительно.

7 июля 1919 года, во время съемок «Удовольствий дня», Милдред родила Чаплину сына. Ребенок появился на свет недоразвитым и через три дня умер. В свидетельстве о смерти написан диагноз «недоразвитость толстого кишечника». Торики Коно выразился проще — мальчик родился «с перевернутым желудком».

Запись в производственном отчете о съемках нового фильма от 10 июля гласит: «Не снимали. Сегодня умер Норман Спенсер Чаплин — в 4 пополудни». На следующий день: «Вся съемочная группа отсутствует… Не снимали. Норман Спенсер Чаплин похоронен сегодня в 3 часа дня на кладбище Инглвуд. На его могильной плите вырезано: «Маленький мышонок». Сидни Чаплин говорил, что смерть сына ввергла его брата в жуткую депрессию. Милдред вспоминала: «Чарли тяжело это перенес… Он плакал, когда умер ребенок… Единственный раз на моей памяти».

Примирение между супругами было — если вообще было — коротким, поскольку в их браке ничего не изменилось. Прошлое не вернешь.

Живя в одном доме, они редко видели друг друга. В конце концов Чаплин переехал в Los Angeles Athletic Club. Возможно, в печальной судьбе ребенка один из них — или оба — винили свою несовместимость или взаимные обиды. Смерть сына стала концом их брака. День или два Чаплин был безутешен.

10. Свобода и слава

Через 11 дней после смерти сына Чарли начал искать детей на роль в своем новом фильме с рабочим названием «Беспризорный» (The Waif). В конечном счете картина получила название «Малыш» (The Kid) и стала одной из главных работ в творческой карьере Чаплина. В одной из первых сцен его герой находит брошенного мальчика и после долгих колебаний решает воспитывать его сам. Потерявший ребенка Чаплин нашел другого малыша — в своем воображении. Может быть, так он пытался воскресить Нормана?..

Чаплин уже знал, кого возьмет на главную роль. Вскоре после завершения съемок «Солнечной стороны» он пришел в театр Orpheum в Лос-Анджелесе, где увидел комический танец в исполнении артиста водевиля Джека Кугана. В конце представления Куган вывел на сцену своего сына Джеки, который повторил несколько отцовских па. По всей видимости, Чаплина сразу впечатлил и заинтересовал этот необыкновенно юный артист. Возможно, Джеки Куган напомнил ему собственные выступления на сцене мюзик-

холла.

Затем Чаплин случайно повстречался с семьей Куган в одном из отелей Лос-Анджелеса, где воспользовался случаем поближе познакомиться с мальчиком. Чарли спросил, чем он занимается. «Я, — ответил Джеки, — фокусник в мире обманщиков». Вне всяких сомнений, эти слова ребенок выучил для своей короткой роли, но они понравились Чаплину. Чарли сказал родителям Джеки: «Это самый удивительный человек из всех, что я встречал в жизни».

Вскоре Чаплин уже размышлял над комическими возможностями дуэта своего героя и маленького мальчика, и очень скоро секретарь его студии пришел к Куганам с предложением, от которого было трудно отказаться. «Конечно, — якобы сказал Джек. — Можете забирать этого клопа». Чаплин занял мальчика в коротком эпизоде фильма «Удовольствия дня», съемки которого казались ему бесконечными, а затем приступил к работе над «Малышом».

Он работал без отдыха весь август и сентябрь 1919 года. В первых эпизодах Эдна Первиэнс играет роль матери-одиночки, которая выходит из благотворительной больницы с младенцем на руках. В титрах ее называют «женщина, чей

единственный грех — материнство». Возможно, Чаплин тут размышлял о том, что пришлось пережить его матери много лет назад.

В ткань фильма вплетаются и другие воспоминания. Когда Чарли находит брошенного ребенка, он приносит его в маленькую комнату на верхнем этаже дома с меблированными комнатами. За точность деталей ручаться нельзя, но вполне вероятно, что здесь Чаплин воспроизводит комнату, в которой он когда-то жил с матерью на Поунэлл-террас или Метли-стрит. В ней узкая кровать, стол и несколько старых стульев. Пол дощатый, без ковра, а обои отсырели и отстают от стен. Здесь и живет маленький мальчик, выросший младенец, который сопровождает Чарли в его странствиях. У Бродяги впервые появляется что-то вроде дома — жилище, хоть немного защищенное от внешнего мира.

Похоже, сцены на чердаке были сняты очень быстро. Чаплину не составило труда объяснить мальчику его роль, а Джеки Куган оказался превосходным актером и мимом. Чарли показывал движение или выражение лица, и Джеки в точности копировал его. Эта способность делала его исполнение очаровательным и тонким. Как отмечал Чаплин, действия вызывали чувства. Чарли

всегда мечтал о таком исполнителе — настоящем продолжении его самого. Сам Чаплин, наверное, снова стал ребенком и вспомнил свой детский опыт, а Джеки Куган занял место Нормана, покоившегося на кладбище Инглвуд. Возможно, именно это и было одной из причин такой силы воздействия фильма «Малыш» на зрителей.

В знаменитой сцене, где социальный работник забирает у Чарли мальчика и сажает в фургон, ребенок бьется в истерике и плачет. Джеки Куган вспоминал: «Конечно, музыканты очень помогали. На съемочной площадке был оркестр. И Чаплин обычно разговаривал, как и всякий режиссер, в процессе съемок — ведь это было немое кино. Он говорил: «Ты любишь этого человека, но его нет, а они собираются тебя забрать…» Это действует». Открытый фургон, возможно, действовал и на Чаплина, напоминая о фургоне пекаря, который вез его, семилетнего, в приют в Хэнуэлле. Чарли спасает ребенка и шокирует публику своими слезами. Маленький человек еще никогда не плакал на экране.

Другой юный актер, Рэймонд Ли, вспоминал, что потребовалось много дублей, чтобы снять сцену драки между ним и Джеки Куганом. «Знаете, — сказал Чаплин тоном школьного учи-

теля, — мы снимали эту сцену ровно пятьдесят раз. Я считал!» Ли писал, что после этих слов Чаплин обошел их вокруг. «Потом остановился. Подумал. Широко улыбнулся, сверкнув зубами. Стараясь быть как можно проще, Чарли Чаплин приблизился к нам и заговорил дружеским и доверительным тоном. «Мальчики, — сказал он, — это очень простая сцена. Очень простая. Двое мальчишек дерутся. Все мальчишки дерутся… Но, ребята, вы не деретесь. Вы танцуете друг с другом». Ли приходит к выводу, что Чаплин всегда стремился к простоте — улыбка, наполненные слезами глаза или всего лишь взгляд. «Вы не замечали, что Чаплин всегда смотрит на вас с экрана — независимо от того, что там происходит — причем смотрит на вас, на зрителя, так, словно знаком с вами и собирается доверить какую-то тайну?» — спрашивает Рэймонд.

В начале апреля 1920 года, когда еще не закончились съемки фильма, Милдред Чаплин начала бракоразводный процесс с мужем. Ее страдания усиливали частые интрижки Чарли с другими женщинами. Так, например, в это время у него был роман с молодой актрисой Флоренс Дешон, которую затем сменила другая актриса. Чаплин отказывал жене в какой-либо независимости и

даже теперь пытался расторгнуть ее контракт с Луисом Б. Майером на том основании, что она еще несовершеннолетняя. Он также не дал ей разрешения усыновить ребенка. Поначалу Милдред обвиняла его в том, что он оставил семью, но через несколько дней заговорила о жестокости. Она желала «рассказать все». «Пусть весь мир узнает, как он не смог обо мне заботиться, как прислал ко мне домой своего сотрудника и забрал документы. Он унижал меня перед слугами. Разве это не жестокость?» Три дня спустя Чаплин и Луис Б. Майер подрались в отеле Alexandria.

Во время бракоразводного процесса Милдред Чаплин дополнила свои обвинения в жестокости. Вот ее диалог с судьей:

Вопрос. И что произошло потом?

Ответ. На следующий день было Рождество, но рождественским утром он спал допоздна, и я спустилась на первый этаж и взяла его подарки, а он очень рассердился на меня за то, что я сделала это задолго до Рождества…

Вопрос. Что он говорил или как поступал в отношении ваших друзей, если видел их в своем доме? Как он себя с ними вел?

Ответ. Он был с ними груб; он не приходил домой, когда я принимала друзей. *Вопрос*. Когда

у вас бывали друзья, он отказывался приходить домой, если узнавал об этом?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. Как часто это случалось, миссис Чаплин?

Ответ. Все время. Он никогда не говорил мне, когда будет дома. Он говорил, что должен иметь возможность жить своей жизнью и делать то, что пожелает…

Вопрос. Он объяснял вам причину своего отсутствия?

Ответ. Нет. Он говорил, что я опозорила его, когда посещала…

Вопрос. Теперь вы заявляете, что после того, как вы посещали… определенное место, мистер Чаплин нанял детективов, чтобы следить за вами?

Ответ. Да, сэр…

Вопрос. Расскажите суду, что происходило все это время.

Ответ. Я плакала и умоляла его вернуться домой, упала в обморок, а он сказал, что я веду себя глупо, что я опозорила его и он не видит причины возвращаться…

Вопрос. Как он с вами разговаривал? Ласково или как-то еще?

Ответ. Нет, не ласково…

Вопрос. Что он говорил?

Ответ. Ну, он говорил, что понял, что больше не хочет со мной жить, что он устал от попыток меня изменить, заставить жить по-другому, и что он увидел, что это невозможно, и что я плохая, и он не может мне доверять, и что я… виновата во всем.

Сам Чаплин полагал, что при подготовке условий развода Милдред и ее адвокаты предприняли попытку наложить арест на его активы, чтобы получить долю от будущих прибылей. Среди этих активов были уже отснятые материалы для фильма «Малыш». Он также не сомневался, что компания First National договорилась с юристами Милдред, чтобы законным образом получить фильм, который они так долго ждали. Впервые за всю творческую карьеру Чаплин в течение целого года не выпустил ни одной картины.

В начале августа оператора Ролли Тотеро в три часа утра разбудил Альфред Ривз и сказал, что нужно срочно вывезти пленки из города. Пленки упаковали в жестянки из-под кофе, а затем отправили по железной дороге в 12 деревянных ящиках. Чаплин отснял в 50 раз больше материала, чем вошло в окончательный вариант картины. В Санта-Фе Ривза и Тотеро встретили

Чаплин и Харрингтон, и оттуда они все вместе поехали в Солт-Лейк-Сити, за пределы юрисдикции штата Калифорния.

Номер в одном из отелей Солт-Лейка переоборудовали под монтажную, и Чаплин принялся «склеивать» фильм. Затем он вместе с коллегами поездом поехал в Нью-Йорк, где они могли закончить работу. Чарли поселился в отеле Ritz, чтобы скрыться от судебных исполнителей, работавших на адвокатов Милдред.

Будучи в Нью-Йорке, Чаплин познакомился с группой так называемых социалистов-интеллектуалов, которые жили в меблированных комнатах Гринвич-Виллидж и не вылезали из его баров.

Отвергая славу и богатство как буржуазные ценности, они, вне всяких сомнений, втайне гордились знакомством с ним. Чарли, в свою очередь, наслаждался обществом интеллектуалов — по большей части потому, что сам к этой категории не относился. Чаплин беседовал с ними о политике, об искусстве и литературе. Однажды Ролли Тотеро заметил, что он мог рассуждать практически на любую тему, но если собеседники действительно разбирались в предмете разговора, то видели ошибки, которые он делал.

Торики Коно вспоминал, как его работодатель пространно рассуждал о предмете, практически ничего не зная о нем, и оставлял слушателей в убеждении, что он удивительный интеллектуал. На самом деле это было просто перевоплощение.

Тем не менее Чаплину льстило внимание тех, кого он считал более образованными и интеллигентными, и он ценил их интерпретацию своего искусства не меньше, чем одобрение простых людей. Бродягу можно было рассматривать как представителя рабочего класса, который борется против богатых и имеющих привилегии по праву рождения. Это был не первый случай, когда Чаплин попадал под влияние восторженных почитателей, однако впоследствии знакомство с радикалами создаст серьезные проблемы для его карьеры.

В середине ноября было достигнуто соглашение между Чаплином и его женой, и состоялся развод. 18-летней Милдред Чаплин полагались 100 тысяч долларов и часть совместной собственности, но на пользу ей это не пошло. Актрисе Мэрион Дэвис приписывают такие слова: «Милдред Харрис не была святой, но и капризным ребенком ее не назовешь, а Чарли, храни его Господь, здорово ее испортил».

Роберт Флори, впоследствии ставший продюсером Милдред Чаплин, вспоминал, как она говорила ему: «Девочке очень трудно быть женой гения. Я не всегда его понимала, чувствовала себя ниже его. Он был вспыльчив, нетерпелив и обращался со мной как с идиоткой. Но я им по-прежнему восхищаюсь. Он мог бы очень многому меня научить».

Публичность бракоразводного процесса глубоко ранила Чаплина, который во многих отношениях был нелюдимым и скрытным человеком. Он стал еще более раздражительным и осторожным. В это время он начал седеть.

В одном из интервью того периода Чарли заметил: «Единственное утешение — это одиночество. Тогда мир грез становится великой реальностью, а реальный мир — иллюзией. Я иду в свою библиотеку и живу с великими мыслителями, гениями абстракции — Спинозой, Шопенгауэром, Ницше и Уолтером Патером». В этих словах есть элемент позы, а также чувствуется влияние интеллектуалов из Гринвич-Виллидж. Чаплин больше не хотел, чтобы его знали только как комика. В том же интервью он сказал, что желал бы удалиться на какое-нибудь итальянское озеро с любимой скрипкой, с Шелли и Китсом, и жить под вымыш-

ленным именем исключительно творческой и интеллектуальной жизнью. Его стремление к одиночеству вполне могло быть искренним. Интервьюер сделал следующее заключение: «Я никогда не встречал более несчастного и робкого человека, чем Чарльз Спенсер Чаплин».

Воспрянул духом Чарли на последних этапах съемок «Малыша», когда познакомился с 12-летней артисткой. Лиллиту Макмюрей (сценическое имя Лита Грей) пригласили играть бездомную девочку в одном из эпизодов, и она сразу привлекла внимание Чаплина. Он попросил студийного художника загримировать ее и, как впоследствии вспоминала Лиллита, сказал ей: «Я смотрел на тебя, моя дорогая, когда ты не видела. Меня все больше и больше притягивают твои удивительные глаза». Возможно, именно ради нее Чаплин добавил неоднозначную сцену сна в конце фильма «Малыш». Эта загадочная вставка изображает сон Чарли, которому снится, что он попал в рай. Здесь все так же, как и жизни, только трущобы увиты белыми цветами, а у бандитов и полицейских есть ангельские крылья. Девочке тоже дали роль ангела, но это пророчество не сбылось.

Премьера «Малыша» — первой полнометражной режиссерской работы Чаплина — состоялась

в Нью-Йорке 6 февраля 1921 года. Фильм имел огромный успех. Он стал самым популярным из всех картин, снятых Чаплином. Это культовый американский немой семейный фильм. «Малыш» знаменовал собой новый этап в восприятии искусства Чаплина критикой и широкой публикой, и теперь его открыто сравнивали с Диккенсом. Чарли создал чисто городскую историю наподобие «Оливера Твиста». Говорили, что «Малыш» стал предвестником наступления *эры* кинематографа — в мире появилась новая форма искусства в виде фильма. Сам Чарли теперь был легендой. Он не вписывался в обычные рамки человеческой жизни. Появилось определение «чаплиновский». Английский критик Джеймс Эгейт писал: «Я не смеюсь над Чарли, пока не заплачу. Я смеюсь, чтобы не плакать, и это совсем разные вещи». Подобное ощущение упоминалось в письме Лоренса Стерна почти двумя столетиями раньше: «Я смеюсь до слез, а в некоторые чувствительные моменты *плачу до смеха*».

О сходстве Чарльза Чаплина и Чарльза Диккенса говорили довольно часто. У обоих было одинокое и тяжелое детство, и оба открыто или тайно обвиняли в этом матерей. Однако оба были многим обязаны им… По словам знавших ее лю-

дей, Элизабет Диккенс, подобно Ханне Чаплин, обладала исключительным чувством смешного, а ее способность к подражанию была просто удивительна. И Чаплин, и Диккенс вышли из низов среднего класса, были честолюбивы и энергичны. Оба пережили безответную первую любовь, которая на многие годы принесла им страдания и одиночество. Оба достигли невероятной славы в очень молодом возрасте — Диккенс в 24 года, после выхода «Посмертных записок Пиквикского клуба», а Чаплин в 25 лет, благодаря комедиям студии Keystone.

Диккенс черпал свою силу в театральных традициях Лондона — он часто посещал маленькие театры, или «балаганы», которые были непосредственными предшественниками мюзик-холлов, где выступал юный Чаплин. Оба любили пантомиму — соответствующей эпохи. Оба были пропитаны тем, что можно назвать лондонским духом, в котором смешались фарс и чувствительность, мелодрама и пантомима. Старший сын Чаплина вспоминал, что отец очень любил «Оливера Твиста» и постоянно перечитывал эту книгу. В романе он как будто находил ключ к собственному прошлому. Это, в свою очередь, привело к тому, что фильм Чаплина о несчаст-

ливом детстве, «Малыш», как и «Новые времена» (Modern Times), стал наследником «Тяжелых времен» Диккенса. «Огни большого города» (City Lights), история о слепой цветочнице, которую спасает Бродяга, тоже типично диккенсовская по чувствительности и выразительности. Диккенс укрыл Лондон покрывалом комедии, пафоса и поэзии, и то же самое с жестоким городом в своих фильмах делает Чаплин.

Подобно Диккенсу, Чаплин был энергичным, безжалостным, властным. Оба Чарльза испытывали потребность управлять миром, который их окружал. Они почти по-военному командовали родными, и их часто обвиняли в диктаторстве и деспотизме. В обществе оба слыли веселыми и общительными людьми, но были подвержены внезапным и необъяснимым страхам. Будучи очень богатыми, оба боялись, что могут лишиться своего богатства. Они были очень похожи. Чаплина с полным на то основанием можно назвать истинным наследником Диккенса.

Даже в таких обстоятельствах Чарли думал о новом фильме. «Праздный класс» (The Idle Class) получился не таким проникновенным, как «Малыш», но двойная роль Чаплина, Бродяги и мужа, является источником тонкого юмора. Миллионер

Чаплин, играющий маленького человека, уже ни тот и ни другой. Это очень изобретательная, если не сказать изощренная комедия. Когда богатый аристократ получает письмо с сообщением, что его бросила жена, он отворачивается от камеры и вытягивает руки, дрожа всем телом. Кажется, он обезумел от горя, но вот оставленный муж поворачивается, и зрители видят, что он энергично трясет шейкер для коктейлей.

Через шесть недель после начала съемок фильма в Соединенные Штаты приехала Ханна Чаплин. Ее сопровождал Том Харрингтон, но ни один из сыновей не встретил мать на острове Эллис[13].

«Значит, вы мать знаменитого Чарли?» — спросил ее чиновник иммиграционной службы. «Да, — ответила она. — А вы Иисус Христос?»

Чаплин много лет не видел мать, но она сразу узнала его. Он купил Ханне бунгало в долине Сан-Фернандо, недалеко от моря, где она жила под присмотром опытной медсестры. Хозяйством занималась нанятая супружеская пара. Гости находили Ханну вполне нормальной. Она пела песенки, вспоминала о своей жизни в Лондоне…

---

[13] Примечания: 13
Главный центр по приему иммигрантов в США.

Подобно сыну, Ханна Чаплин умела очень похоже изображать знакомых людей, а также сохранила свои навыки в шитье. Ей нравилось, когда ее сажали в машину и возили по магазинам. В таких ситуациях она была способна на экстравагантные поступки. Однажды Ханна вернулась домой с огромным отрезом яркого шелка, купленным просто так, без определенной цели, и Чарли заметил: «Бедняжка мечтала о таких вещах всю жизнь».

Впрочем, иногда она бывала не совсем в своем уме. Дочь Альфреда Ривза вспоминает случай, когда сознание Ханны ненадолго погрузилось в сумрак. «Однажды я сидела рядом с ней во время ланча и заметила шрам у нее на руке. «Бабушка, что это?» — спросила я. Она отдернула и убрала руку, после чего стала раскладывать вокруг себя кусочки хлеба, а затем прятать их в карманы. «Пойдемте со мной, бабушка», — сказала медсестра, миссис Кэри, и увела ее в другую комнату. Вернувшись, миссис Кэри рассказала, что шрам — это напоминание о работном доме. Мой вопрос спровоцировал мысли о тех днях, когда семья недоедала, и Ханна стала прятать хлеб для Сидни и Чарли».

Двое сыновей Чаплина вспоминали многочис-

ленные истории, которые отец и дядя рассказывали им о бабушке. Однажды в универмаге Лос-Анджелеса она попросила продавца показать коричневые перчатки, цвета дерьма. Когда ей принести пару перчаток, Ханна покачала головой: «Нет, нет, это не цвет дерьма». Это перекликается с одним эпизодом из детства Сидни и Чарли, когда она назвала молодую женщину «леди дерьмо». В тех редких случаях, когда Ханна приезжала в гости к сыну, очевидцы рассказывали, что она танцевала, высоко поднимая юбку, и все видели, что она не носит нижнего белья.

Как-то раз, как вспоминал ее младший сын, ее повели в местный зоопарк, где к удивлению собравшейся публики самка страуса снесла яйцо. Чаплин рассказывал Мэй Ривз, одной из своих тогдашних любовниц, что сиделка его старой матери как раз и привела Ханну к вольеру. Смотритель дал посетительнице подержать яйцо, но та, думая, что это какой-то трюк, швырнула драгоценность зоопарка на землю и воскликнула: «Не нужно мне ваше яйцо!» В результате зоопарк Лос-Анджелеса лишился одного юного страуса.

Сам Чаплин редко навещал мать и возвращался от нее подавленным. Она напоминала Чарли о прошлом, о жизни, с которой он расстался. Его

старший сын рассказывал, что отец не мог видеть ее, не расстраиваясь, причем это чувство было таким же острым, как физическая боль, и могло сохраняться несколько дней подряд, мешая сосредоточиться на работе. Вне всяких сомнений, Чарли считал достаточным оплачивать счета матери и следить за тем, чтобы она ни в чем не нуждалась и наслаждалась жизнью. Люди, которые видели их вместе, отмечали поразительное сходство между матерью и сыном — глаза, улыбка, жесты. Казалось, Ханна не подозревает о его огромной славе. Когда она пришла на студию и увидела сына в образе Бродяги, то заметила: «Чарли, я должна купить тебе новый костюм». На одной из фотографий Чаплин стоит на почтительном отдалении от матери, скрестив руки на груди…

Летом 1921 года Чарли приступил к съемкам следующего фильма для компании First National, который в конечном счете был назван «День получки» (Pay Day). Речь в нем идет о стройке и строителях. После первой же сцены работа застопорилась. В своих надиктованных репортеру мемуарах «Мое путешествие за границу» (My Trip Abroad) Чаплин вспоминал: «Я чувствовал себя очень усталым, слабым и подавленным. Я

только что выздоровел после гриппа и пребывал в «безразличном» настроении… и мне постоянно угрожал нервный срыв из-за переутомления». Затем Чарли получил известие, что в Лондоне на экраны должен выйти «Малыш». Это стало стимулом, в котором он так нуждался. Чаплин думал о Лондоне, и присутствие матери — это уж точно — пробуждало в нем воспоминания. Он начал переписываться с Гербертом Дж. Уэллсом и с нетерпением ждал встречи с известным писателем. Но больше всего, конечно, Чаплина манил город его детства.

Он приостановил работу над картиной и попросил своего пресс-секретаря Карлайла Робинсона купить билеты. Поспешный отъезд удивил друзей и коллег, не говоря уже о сотрудниках студии. Чаплин покинул Лос-Анджелес 27 августа, провожаемый толпой голливудских почитателей. В Нью-Йорке его встретили Дуглас Фэрбенкс и Мэри Пикфорд, приехавшие туда на премьеру «Трех мушкетеров» (The Three Musketeers) Фреда Нибло. Дуглас сыграл в этом фильме д'Артаньяна. Появившийся на торжественном мероприятии Чаплин был поражен своей популярностью. Впоследствии Чарли вспоминал: «Я чувствовал, что меня куда-то тянут. Я посмотрел вниз. Женщина

с парой ножниц отрезала кусок от моих брюк. Другая схватила мой галстук… С меня стягивали рубашку. От жилета отрывали пуговицы. Мне истоптали ноги. Поцарапали лицо». Затем толпа подняла его на руки и понесла в фойе кинотеатра.

3 сентября Чарли, Том Харрингтон и Карлайл Робинсон сели на пароход Olympic и покинули Нью-Йорк. Лайнер направлялся в Шербур, а затем в Лондон. Если Чаплин надеялся на борту немного отдохнуть от внимания публики, то его надежды не оправдались. За перемещениями Чарли внимательно следил специально нанятый фотограф с камерой, а во время его прогулок по палубе собиралась толпа пассажиров. Чаплина даже попросили дать концерт в пользу фонда помощи морякам, однако, к величайшему неудовольствию организаторов, он отказался. Многие пассажиры приводили знакомиться своих детей, но без костюма Бродяги Чарли выглядел немного обманщиком — вроде Санта-Клауса без бороды. В любом случае при общении с детьми Чаплин нервничал, понимая, что они «чувствуют неискренность».

Olympic причалил в Шербуре вечером 9 сентября. На судно хлынули репортеры и фотографы.

Засыпанный вопросами на французском языке, Чаплин произнес короткую импровизированную речь. Он сказал: «Это мой первый отпуск за много лет, и такой долгожданный отпуск можно провести только в одном месте, дома. Поэтому я направляюсь в Лондон. Я хочу пройти по улицам, увидеть все многочисленные изменения, снова почувствовать атмосферу старого доброго Лондона». Он возвращался к своим корням, к источнику своего вдохновения.

11. Снова дома

Чарльз Чаплин ехал на поезде из Саутгемптона в Лондон. Толпа, встречавшая его в порту, была меньше, чем он ожидал, и он страдал, по его же выражению, от привкуса разочарования. Тем не менее заголовок одной из газет гласил: «ВОЗВРАЩЕНИЕ КОМИКА — СОБЫТИЕ, КОТОРОЕ МОЖЕТ ПОСПОРИТЬ С ДНЕМ ОБЪЯВЛЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ». Так оно и оказалось.

На вокзале Ватерлоо его встречали тысячи лондонцев. Послышался крик: «Вот он!» Кинохроника тех дней показывает Чарли в окружении полицейских, репортеров и фотографов. Толпа хлынула ему навстречу. «Вот он!», «Он тут, вот он!!», «Это он!!!». В «Моем путешествии за границу» Чаплин вспоминал: «Я разволновался. Это превосходило все мои ожидания. Я втайне наслаждался». Когда он с трудом пробивался через толпу людей, которые приветствовали его и махали руками, со всех сторон раздавались крики: «Молодец, Чарли!», «Чарли! Чарли!», «Вот он!», «Удачи, Чарли!», «Храни тебя Бог, Чарли!». Это был стихийный всплеск энтузиазма жителей

города, ошеломивший Чаплина.

Добравшись до выхода из вокзала, он услышал звон церковных колоколов и увидел мелькающие в воздухе носовые платки и шляпы. Его подхватили на руки и посадили в лимузин, на подножках которого с каждой стороны стояли три полисмена. Сохранилась фотография Чаплина, который стоит в окружении моря кепок, котелков, канотье и украшенных цветами шляпок. Он произнес перед собравшимися короткую речь, естественно встреченную бурными аплодисментами, и только после этого автомобиль смог проехать к отелю Ritz. Отель заперли, чтобы толпа не ворвалась в холл. Чаплина с трудом протолкнули внутрь и поспешно отвели в номер.

Толпа снаружи выкрикивала его имя, и Чарли пришлось подойти к окну, откуда он махал рукой и посылал воздушные поцелуи. Затем взял букет роз и стал бросать их, по одной, людям внизу. Тут к нему в номер вошел полицейский. «Пожалуйста, мистер Чаплин, — сказал он. — Это очень мило, но не нужно ничего бросать. Вы станете причиной несчастного случая. Возникнет давка, и они поубивают друг друга». Чаплин столкнулся с совершенно новым явлением — или, скорее, создал его. На похороны Дэна Лино и Мэри Ллойд

приходили толпы людей, но слава, создаваемая кино — новым искусством, не знала себе равных. Ни один человек еще не удостаивался такого восхищения и поклонения, которые обрушились на Чаплина, и он не был к этому подготовлен. И Чарли справлялся, как мог, — всю оставшуюся жизнь.

Как бы то ни было, его тянуло на улицы Южного Лондона, где он когда-то играл и начал работать. Чарли под благовидным предлогом избавился от сопровождающих и выскользнул из отеля через черный ход. На улице он поймал такси и попросил водителя отвезти его в Кеннингтон. К счастью, шофер его не узнал. Проезжая мимо мюзик-холла Canterbury сразу за мостом на Вестминстер-бридж-роуд, Чаплин увидел картину, знакомую ему с детства. Слепой нищий просил подаяние у стены. Он почти не изменился с тех пор, как Чаплин видел его в последний раз. Старик был символом безжалостного Лондона, который никогда не меняется, и в то же время противовесом истерии, сопровождавшей приезд Чарли. И Чаплин снова почувствовал реальность этого города, который вдохновлял его искусство.

Затем машина углубилась в переулки Кеннингтона, которые теперь для него были «другим

миром». Тем не менее Чарли что-то узнавал, словно во сне. Наверное, теперь все казалось ему меньше — такое изменение перспективы усиливалось пребыванием на казавшихся бескрайними просторах Америки. Чарли увидел каменное корыто рядом с пабом, в котором часто умывался. Потом проехал мимо парикмахерской, где работал мальчишкой — намыливал щеки клиентам. Чаплин решил выйти из такси и пройтись по переулкам и улицам района.

На Ламбет-уолк к нему подошла девушка и спросила: «Чарли, ты меня не узнаешь?» Девчонкой она была служанкой в одном из домов, где сдавались меблированные комнаты. Здесь когда-то жил Чаплин… Она так и осталась в этом районе и, по словам самого Чарли, продолжала сопротивляться всем трудностям. Вскоре за ним уже следовала толпа местных жителей. Правда, они держались на почтительном расстоянии… Чаплин слышал их шепот: «Это он. Точно он».

Чарли вовсе не нравилось, что столько людей шло за ним по пятам, и он подошел к полицейскому. «Будьте добры, — попросил Чаплин. — Я обнаружил, что мое инкогнито раскрыли. Я Чарли Чаплин. Вас не затруднит найти мне такси?»

«Все в порядке, Чарли, — ответил страж по-

рядка. — Эти люди не причинят вам вреда. Это лучшие люди в мире. Я с ними уже пятнадцать лет».

Здешние обитатели не хотели мешать ему, но теперь, когда Чаплин был уже не один, они осмелели. «Привет, Чарли!», «Храни тебя Бог, Чарли!», «Удачи, парень!». Вне всяких сомнений, они гордились тем, что он выходец из их родного района. Потом Чаплин вспоминал: «Маленькие ребятишки окружили меня, чтобы рассмотреть со всех сторон». Полицейский остановил такси, и Чаплин сел в машину. На обратном пути к отелю Ritz автомобиль проехал мимо Кеннингтонского парка, куда мать однажды приводила его и Сидни… Тогда они жили в работном доме. Такси миновало Кеннингтонгейт, где он когда-то назначил свидание Хетти Келли. Чаплин загрустил, потому что, приехав в Англию, узнал о ее смерти. Он попросил водителя остановиться и вышел. Чарли заглянул в паб Horns, где в детстве наблюдал за артистами мюзик-холла. Теперь наблюдали за ним, пока он пил кружку имбирного пива.

«Это он. Говорю тебе, он!» — «Перестань! Что ему тут делать?» Машина повезла Чаплина по Кеннингтон-роуд, к мосту, и он увидел Кеннинг-

тон-кросс, где когда-то услышал двух уличных музыкантов. «Жимолость и пчела». Для него это было особое место.

Через два или три дня Чарли вернулся в родной район вместе с друзьями, которые тоже жили в отеле Ritz. Он снова погрузился в воспоминания. Он словно пытался открыть источник своего бытия, своей личности. Он узнал продавца помидоров, которого впервые увидел лет двадцать назад — тот стоял на том же самом месте. Тогда Чарли слушал, как продавец расхваливает свой товар, но теперь он молчал.

Затем Чаплин повел друзей на Поунэлл-террас. Здесь его мать снимала комнату под крышей. В этой комнате у нее впервые случился приступ безумия, и отсюда ее увезли в психиатрическую лечебницу. Возможно, как уже отмечалось выше, именно эту комнату Чаплин воссоздал в виде чердака Бродяги в «Малыше». Миссис Рейнольдс, солдатская вдова, которая жила здесь теперь, очень удивилась, когда вечером раздался стук в дверь. Карлайл Робинсон назвал имя Чаплина, и женщина с опаской открыла. По словам Робинсона, он увидел маленькую комнатку, освещенную масляной лампой. Это было узкое и низкое помещение с наклонным потолком и темными

углами. Сам Чаплин, похоже, очень смущался и не знал, что сказать. Чарли просто оглядел комнату, в которой, как он поведал друзьям, когда вышел на улицу, они с Сидом цеплялись за жизнь, вместе со своей матерью. Миссис Рейнольдс пригласила его заходить еще, однако Чаплин, естественно, не вернулся. Он все уже увидел.

Чарли не терпелось познакомиться со знаменитостями, жившими в Лондоне. С Дж. М. Барри, автором «Питера Пэна», Чаплин встретился за ланчем в Garrick Club, где, как он пишет в «Моем путешествии за границу», смеялся над всем и не осмеливался говорить. Затем они весело провели вечер в квартире Барри. Чаплин приехал в Англию с желанием встретиться с Г. Дж. Уэллсом, и вскоре они стали приятелями. Трудно сказать, что они находили друг в друге. Сам Чаплин, похоже, этого не понимал. Он не знал, то ли Уэллс хотел узнать его поближе, то ли он Уэллса. Знаменитый писатель познакомил его со своей любовницей Ребеккой Уэст. Бекки называла Чарли милашкой… очень серьезным маленьким кокни с серьезной маленькой душой. Впоследствии Чаплин хвастался, что соблазнил ее.

Он также хотел быть представленным Томасу Беркy, чей сборник рассказов «Ночи Лаймхауса»

(Limehouse Nights) точнее всего совпадал с его видением мрачных сторон родного города. Встретившись в одиннадцать вечера, они шесть часов вдвоем бродили по улицам Восточного Лондона. Два раза, на Майл-энд и в Хокстоне, Чаплина узнавали. Их окружала толпа, из которой доносились крики: «Наш Чарли!» Но Берку показалось, что такая популярность вызывает у Чаплина не столько радость, сколько страх и растерянность. Он был совсем не похож на Бродягу, в нем не было ни одной черты маленького человека.

Берк был тихим и замкнутым, но весьма наблюдательным человеком. Он свидетельствует: «Чаплина не очень интересовали люди, как отдельные, так и все человечество… Думаю, глубоко его ничего не волнует». Он отмечал необыкновенную живость и энергичность Чарли, но если застать его врасплох, то можно заметить устало опущенные уголки рта и стальной взгляд. Берк сравнил Чаплина с бриллиантом или другим драгоценным камнем. А может быть, это кристалл льда. Сидящий перед ним «железный человек» ничем не напоминал одинокого и несчастного Бродягу. Возможно, именно поэтому Чаплин всегда говорил о своем герое в третьем лице — он. Берк также заметил: «В первую очередь Чарли

актер. Он живет только в роли, а без нее теряется. И, поскольку он не может найти внутреннего Чаплина, в грустные моменты ему некуда идти, негде укрыться». О Чаплине написаны миллионы слов, но точнее этих, наверное, не было.

Капризы Чарли удивляли некоторых светских людей и известных личностей, с которыми он познакомился в Лондоне. Один из его английских друзей, Эдвард Ноблок, который написал сценарий к «Трем мушкетерам» Фреда Нибло, впоследствии отмечал: «...в Англии вся общественная система построена на пунктуальности и чувстве долга по отношению к другим, и его пренебрежение всеми этими правилами воспринималось с обидой. Боюсь, он очень вредил себе в глазах многих почитателей, опаздывая на встречи или не приходя вовсе».

Чаплин пробыл в Лондоне 10 дней, после чего отплыл во Францию, в Париж. Образ Шарло, как его здесь называли, на родине мушкетеров почитали больше, чем где-либо еще, поскольку искусство пантомимы было там национальной традицией. Когда Чаплин пришел в цирк, зрители узнали о его присутствии, и, как вспоминал один его знакомый, многоликое человеческое чудовище тысячами глоток завопило: «Шарло!»

Этот же свидетель продолжает: «Полиция образовала для Чаплина коридор, и его вывели на Пляс Пигаль. Но крик «Шарло!» успел раньше. Площадь и примыкающие к ней бульвары заполнились возбужденной толпой; тысячи людей давились, толкались и кричали. Мужчины хотели до него дотронуться, женщины пытались поцеловать». В конце концов Чаплину вместе с друзьями удалось скрыться на такси. «Все это ерунда! Все шутка, — говорил Чарли. — Уверяю вас, все это можно *объяснить*. Все это ничего не значит». Однако есть все основания полагать, что он наслаждался обожанием толпы, даже понимая его суетность, и раздражался, когда не встречал его.

Из Парижа Чаплин на поезде поехал в Берлин. Этот город произвел на него гнетущее впечатление. Возможно, одной из причин стал следующий факт, который сформулировал в «Моем путешествии за границу» сам Чарли: «Здесь меня не знали. Обо мне не слышали. Это было мне интересно и в то же время немного обидно».

В Берлине, в Palais Heinroth, он первый раз увидел Полу Негри — польскую актрису, игравшую (на экране и в жизни) роль роковой женщины. К сожалению, Пола не знала английского язы-

ка и могла сказать только: «Джазовый парень Чарли».

Негри очень хорошо запомнила этот момент. В своих «Мемуарах звезды» (Memoirs of a Star) она пишет: «Маленький мужчина с печальным подвижным лицом прокладывал себе дорогу к нашему столику. Если бы не его странное лицо, такое живое и такое трогательное, я бы его не заметила. У него была такая необычная внешность, крошечные ступни… и огромная голова, которая выглядела непропорциональной… Единственное, что было в нем физически привлекательного, — это руки, которые всегда держали сигарету».

В конце сентября Чаплин вернулся в Лондон, где еще раз встретился с Г. Дж. Уэллсом и другими известными людьми. Однако теперь все мысли Чарли были о Лос-Анджелесе и о своей студии. Чарли испытал, как он сам выразился, глубокое удовлетворение от приветствовавших его в Париже и Лондоне толп. Но главное место в его жизни по-прежнему занимала работа.

Чаплин вернулся в Нью-Йорк. Он встретился со старыми знакомыми и, вне всяких сомнений, красочно описал свой триумф в Европе. В последний день, проведенный в городе, он позна-

комился с английским издателем и журналистом Фрэнком Харрисом, которого сопровождал во время посещения тюрьмы Синг-Синг. Харрис приехал туда, чтобы встретиться с ирландским профсоюзным лидером и социалистическим активистом Джимом Ларкином, приговоренным к 10 годам тюрьмы за «криминальную анархию». Чаплин был потрясен и напуган условиями, в которых содержались заключенные, — старые бетонные блоки, маленькие и узкие каменные камеры. Все это бесчеловечно! Он посетил и комнату для приведения в исполнение смертных приговоров, где приговоренных казнили на электрическом стуле. Ему позволили заглянуть в небольшой дворик, в котором в это время гулял осужденный на смерть человек. «Видите его лицо?» — прошептал Чаплин Харрису. Когда кто-то из осужденных попросил поговорить с ним, Чарли ответил: «Как я могу с вами говорить? Что можно сказать, кроме того, что мы все братья в этой жизни, и если я могу вас рассмешить, то вы, клянусь всем святым, можете заставить меня плакать». Потом он добавил: «Если мы свободны, то лишь потому, что нас не поймали. Удачи, парни!» В Лос-Анджелес Чаплин поехал на поезде и по дороге диктовал журналисту воспоминания о

своем путешествии.

В этот период у него была необычная подруга. Клэр Шеридан, английская художница и скульптор, после смерти мужа приехала в Соединенные Штаты вместе с маленьким сыном. Чаплин познакомился с ней на званом ужине сразу после возвращения, и они тут же договорились, что Клэр будет лепить его бюст. Кстати, она уже была известна как автор портретов и бюстов лидеров большевиков — Троцкого, Ленина, Зиновьева, Каменева и Дзержинского. Клэр приходилась родственницей Уинстону Черчиллю и драматургу Ричарду Бринсли Шеридану.

Чаплин позировал для нее в доме, который снимал на Бичвуд-драйв в Голливуде, но терпения у него не хватало. Он по настроению менял цвет пижам или халатов, играл на скрипке, включал граммофон и дирижировал воображаемым оркестром. Работа была закончена за три дня, и Чарли, разглядывая скульптуру, сказал, что эта голова могла бы принадлежать преступнику. Он отправился на пикник вместе с Клэр и ее сыном, захватив с собой шофера и повара, но после появления детей и репортеров отдых пришлось прервать. Связь с Клэр, если таковая была, продлилась еще несколько дней.

К концу ноября 1921 года Чаплин почувствовал, что готов возобновить съемки фильма «День получки», прерванные поездкой в Европу. «Я должен вернуться к работе, — говорил он Клэр, — но мне не нравится картина. Я не считаю ее смешной». Тем не менее он был обязан снять прописанное в контракте число лент для компании First National. Фильм стал восьмым из девяти — свобода была уже близка. Картина состояла из двух частей — это самый короткий и последний из снятых им фильмов в двух частях, но изобретательный и забавный. В «Дне получки» были ночные сцены, что стало возможным с появлением искусственного освещения. Трамваи, заполненные пассажирами, в этом фильме прорезают темноту ночи.

Действие начинается на строительной площадке. Чаплин играет сообразительного рабочего. Здесь он использует необычный для себя прием комбинированных съемок, чтобы показать, как ловко его герой ловит кирпичи. Дальше идут сцены ночного кутежа — работяга транжирит полученное жалованье, а заканчивается фильм его попытками избежать гнева мрачной некрасивой жены. Сюжет дает массу возможностей для привычных комедийных ситуаций, и этими воз-

можностями Чаплин пользуется в полной мере. Как отмечал журнал Photoplay, «День получки» заставляет смеяться даже билетеров в кинотеатре, когда они его смотрят. Чем не комплимент?

За день до выхода на широкий экран «Дня получки» Чаплин начал работу над последним фильмом для студии First National. «Пилигрим» (The Pilgrim), похоже, стал первой картиной, для которой Чарли подготовил письменные наброски. Он был готов работать если не экономнее, то более внимательно, опасаясь — явно беспочвенно — угасания своей способности смешить. «Ты только подумай… подумай, что будет, — говорил он Клэр Шеридан, — если я больше никогда не смогу стать смешным…»

«Пилигрим» являлся последним фильмом, предусмотренным контрактом, поэтому вряд ли можно считать случайным, что в нем Чарли выступает в роли сбежавшего из тюрьмы заключенного. Затем беглец переодевается священником, украв одежду у невезучего святого отца, который решил поплавать в реке, остался без облачения и теперь должен убедить местную паству в своем благочестии. Конечно, у Чарли все идет наперекосяк, поскольку он воспринимает церковь как нечто среднее между баром и залом

суда. Теи не менее Чаплин с необыкновенным актерским мастерством произносит перед верующими проповедь о Давиде и Голиафе, а затем кланяется и уходит. Это по-настоящему смешно, и роль фальшивого священника стала одним из самых запоминающихся образов, созданных Чаплином.

Работа работой, но о женщинах Чаплин никогда не забывал. Они всегда окружали Чарли. Их было много, и все не против того, чтобы *иметь отношения* с самым известным в мире мужчиной. Сам он с готовностью принимал многие предложения. Дом, который Чаплин снимал в Голливуде, вполне можно было оборудовать вращающейся дверью… Кстати, примерно в это время он стал пользоваться туалетной водой, основу которой составляли мускус и бензойная смола — особо ценный парфюмерный компонент.

Во время съемок «Пилигрима» у Чарли были, как он сам выражался, «странные» отношения с богатой дамой, сменившей множество мужей. Пегги Хопкинс Джойс можно назвать королевой алиментов. Она была замужем за пятью миллионерами, и говорят, что термин «охотница за деньгами» появился именно благодаря ей. Одно-

го из мужей Пегги не пускала к себе в спальню, пока тот не подписал чек на 500 тысяч долларов. Однажды она ударила этого же своего супруга бутылкой шампанского по голове, и, как потом вспоминала, ему это, похоже, понравилось.

Сплетничали, что при первой встрече с Чаплином Пегги спросила: «Чарли, девушки не врут, рассказывая, что вы настоящий жеребец?» Она была грубой, вульгарной и энергичной — другими словами, немного утомительной. Но природа наделила ее чувством юмора. Пегги гонялась за мужчинами и в Америке, и в Европе. Во время двухнедельной интрижки с Чаплином она рассказала ему много историй о своих приключениях в Париже.

Следующей стала Пола Негри, актриса, с которой Чарли познакомился в Берлине годом раньше. Чаплин снова увидел Полу на благотворительном мероприятии в Голливуде, где, как он сам вспоминал, она сказала ему: «Чаарли! Почему я не получала от вас какой-нибудь весточки? Вы мне ни разу не позвонили! Разве вы не понимаете, что ради свидания с вами я приехала из самой Германии?» С момента их последней встречи английский Полы значительно улучшился. Она собиралась начать карьеру киноактрисы

в Голливуде, и поэтому желание встретиться с Чаплином никак не могло быть единственной причиной для пересечения Атлантики.

На следующее утро Пола Негри проснулась от звуков музыки — нанятые Чарли музыканты-гавайцы пели для нее серенаду. Через несколько дней она пригласила Чаплина на роскошный прием, где и начались их, как он сам выражался, «экзотические отношения». В своих мемуарах Пола описывала Чарли как терпеливого слушателя, всегда готового дать совет относительно ее стремительной карьеры. Ей нисколько не мешали его частые приступы отчужденности, когда Чаплин становился немногословным и замкнутым. Как-никак, он был артистом. Возможно также, что ее привлекали слава и богатство Чарли, а также его многочисленные связи в мире кино — последние могли оказаться полезными. Чаплин подарил

Поле браслет с бриллиантами и ониксами, и ей сказали, что это явное свидетельство его серьезных намерений, поскольку он славился своей скупостью.

Чаплин купил два с половиной гектара земли в Беверли-Хиллс рядом с владениями Дугласа Фэрбенкса и Мэри Пикфорд. Там он стал строить двухэтажный особняк в испанском стиле,

который спроектировал сам и называл «калифорнийской готикой». В доме было около 40 комнат, небольшой кинотеатр и сауна, без которой ни один дом в Голливуде не считался полноценным. Открытый бассейн имел форму шляпы-котелка, точно такого же, как у Бродяги, а в холле стоял большой орган, на котором Чаплин часто играл. Говорили, что на стройке были заняты работники студии, но они привыкли сооружать временные декорации, и в результате некоторые части дома получились непрочными, так что соседи прозвали его времянкой. Тем не менее Чаплин был счастлив и жил в доме номер 1085 на Саммит-драйв до конца своего пребывания в Голливуде.

С трех сторон особняк окружал лес, а с четвертой были зеленая лужайка, бассейн и теннисный корт. Весь дом прорезал двухэтажный холл, а на второй этаж вела винтовая лестница. Впоследствии старший сын Чаплина вспоминал, что в холле отец держал полный комплект вооружения восточного воина и бронзовый гонг. В гостиной имелся рояль Steinway. Там же на полках стояли тома словаря Уэбстера, в которые Чаплин часто заглядывал. У него была привычка запоминать значение трудных слов, которые он затем вставлял в разговор. Здесь же помещался огромный

камин, который топили углем, а не дровами — на английский манер. В спальне на ночном столике у кровати Чаплин держал заряженный пистолет 38-го калибра. Его сын вспоминал и мощный телескоп на треноге, но Чарли обычно направлял его не в небо, а на дома соседей.

После окончания строительства Пола Негри давала советы Чаплину насчет интерьера и даже заплатила 7000 долларов за посадку дубов, чтобы слышать, как ветер шелестит их листьями. Безусловно, она представляла себя хозяйкой дома, надеялась, что их союз с Чаплином затмит союз Пикфорд и Фэрбенкса, королевы и короля Голливуда.

На Рождество 1922 года Чарли подарил Поле большой бриллиант, не успев вставить камень в кольцо. Тем не менее это стало символом их помолвки. Неделю спустя, на Новый год, Чаплин пригласил ее на ужин к себе домой. В этот вечер, как выразилась сама актриса, они дошли до конца в своих отношениях. Пола описывает это так: «Он стал приближаться ко мне походкой, пародирующей соблазнение <…> его страсть выражалась в забавной пантомиме, состоявшей из закатывания глаз и взмахов рук». Как бы то ни было, Чаплин добился своего. А после этого меж-

ду ними возникли серьезные разногласия. Они ссорились. Чаплин обвинял Полу в неверности — стандартная для него жалоба на женщин, с которыми он был близок. Разумеется, сам он в то время ухаживал за другой.

Помолвка широко обсуждалась в прессе, как на первых полосах, так и в разделе сплетен. В марте 1923 года Чаплин заявил, что слишком беден, чтобы жениться. После этого Пола Негри объявила о разрыве помолвки. Газета Los Angeles Herald Examiner отреагировала на окончание их отношений заголовком: «ПОЛА НЕГРИ БРОСАЕТ ЧАПЛИНА». «С меня хватит! — якобы сказала она. — Точка! Я дошла до предела». В интервью Examiner Пола жаловалась: «…он очень темпераментный… переменчивый как ветер… все драматизирует… он экспериментирует в любви». Чарли уговаривал, Пола увиливала. Роман ни к чему не привел. Он начался и закончился иллюзией. Они жили в доме с зеркальными стенами.

Вскоре после встречи с Негри в летнем театре Голливуда Чаплин начал съемки своего первого фильма для студии United Artists, совместного предприятия Дугласа Фэрбенкса, Мэри Пикфорд, Дэвида Гриффита и его самого. Их дружба началась с турне займа свободы, но об официальной

ассоциации они серьезно задумались в 1919 году, когда требования студии относительно гонораров и режима работы превратились в неустранимую помеху. Каждый из четверых стал владельцем 20 процентов акций компании. Оставшиеся 20 процентов достались юристу. Компаньоны решили, что выгоднее вложить собственные деньги, снимать свои фильмы и самим заниматься продажей готовой продукции. Так они обретут независимость от руководства киностудий. Эта независимость стала важной вехой в истории кино.

Товарищи Чаплина по United Artists, вне всяких сомнений, ожидали очередного комедийного шедевра наподобие «Пилигрима», который значительно укрепит финансы новой компании. Однако Чаплин никогда не следовал чьим-то пожеланиям или советам. Вскоре его деловые партнеры были проинформированы, что он снимает серьезную драму о содержанке и сам в фильме не появится. Не будет ни Чарли, ни милой маленькой комедии. Он устал от образа Бродяги, разочаровался в нем и решил на какое-то время от него отказаться.

Чаплин выбрал название «Судьба» и на протяжении нескольких недель в своей работе

полагался лишь на вдохновение. Сюжет был у него в голове. Никаких письменных заметок не требовалось. «Парижанка» (A Woman of Paris), как в конечном счете был назван фильм, — это история о женщине, которую бросил молодой любовник. Она приезжает в Париж и становится содержанкой богатого аристократа. Молодой любовник на свою беду тоже приезжает в столицу и после череды несчастий стреляется, не в силах вынести разлуку. С точки зрения фабулы это обычная мелодрама, но Чаплин на ее основе создал запоминающийся и в некоторых отношениях изумительный фильм.

Он хотел, чтобы главную роль в картине сыграла Эдна Первиэнс. Ее карьера как комедийной актрисы, похоже, подходила к концу. Эдна сильно поправилась и, хуже того, пила, но Чаплин верил, что роль Мари Сен-Клер может превратить ее в серьезную актрису. Аристократа Пьера Ревеля сыграл Адольф Менжу. После этого фильма он стал специализироваться на амплуа богатых и чудаковатых французов. Впоследствии Адольф говорил, что Чаплин дал ему больше, чем любой другой режиссер. «Не переигрывай, — говорил Чарли. — Помни, что на тебя смотрят». Он не хотел, чтобы его актеры играли в привычном

смысле этого слова. Чаплину требовалось, чтобы они оставались такими же непринужденными и естественными, как в реальной жизни. Зрители находятся очень близко, буквально вплотную, и любое преувеличение будет мгновенно распознано. В понимании этого факта Чаплин был впереди своих современников, многие из которых все еще предпочитали более театральную игру первых кинозвезд. «Вживитесь в сцену, — говорил Чарли Менжу. — Мне все равно, что вы делаете с вашими руками или ногами. Если вы вжились в сцену, все будет в порядке». Разумеется, это был его собственный метод. Больше всего Чаплин ценил в актере простоту и сдержанность. Сам немой фильм прекрасно передает упрощенные чувства с помощью взгляда, жеста или такого простого действия, как прикуривание сигареты. В одном эпизоде действие передается через выражение лица массажистки, которая мнет спину клиента… Чарли долго репетировал с актрисой точные движения — как она поднимает бровь и поджимает губы.

Иногда он заставлял исполнителя играть так, как нужно ему. В одной из сцен полицейский сообщает матери молодого человека о смерти сына. Чаплин хотел, чтобы она оставалась абсо-

лютно невозмутимой, но актриса, Лидия Нотт, никак не могла выполнить его указания. Он снимал и переснимал короткую сцену 80 раз. Потом Лидия, по словам помощника режиссера, так разозлилась, что обругала их всех, а затем в таком настроении сыграла сцену, и все получилось. Другой короткий эпизод, когда Эдна швыряет сигарету и отказывается выходить, снимали два дня и сделали 90 дублей. Чаплин хотел достичь чистоты выражения чувств. Он проявлял большое терпение, объясняя свою точку зрения. «Не знаю, почему я прав по поводу той или иной сцены, — говорил Чарли во время съемок фильма. — Я просто знаю, что прав».

Естественность исполнителей в «Парижанке» вступала в противоречие с общей «экономией» движений и жестов. Чаплин заметил, что в самые драматические моменты в жизни мужчины и женщины скорее скрывают, чем открыто проявляют свои чувства. Это механизм самозащиты. Именно такой прием он использует в фильме, чтобы создать необыкновенно реалистичный стиль — бóльшая часть действий была непринужденной и естественной. Это стало настоящим шоком для тогдашних зрителей, которые не знали, как реагировать. Впрочем, другие режиссеры

сразу все поняли. Эрнст Любич и Майкл Пауэлл признались, что были потрясены, и начали подражать Чаплину, каждый на свой манер.

Пауэлл заметил, что внезапно появился зрелый фильм, в котором люди вели себя так, как в реальной жизни. Таким образом, можно утверждать, что Чаплин стал основоположником нового кино об общественных нравах, а также новой манеры игры. Сам Менжу говорил, что в Голливуде настороженно относятся к слову «гений», но если речь идет о Чаплине, это всегда говорится искренне. Если Голливуд когда-либо рождал гения, то это, несомненно, Чаплин.

Новизна фильма и отсутствие среди главных героев самого Чарли (он снялся в эпизоде) стали причиной того, что «Парижанка» не имела такого коммерческого успеха, как его первые комедии. Тонкость и оригинальность картины не нашли понимания у публики того времени. Чаплин расстроился из-за невысокой популярности фильма, как можно скорее изъял его из проката и хранил в личной коллекции. Эдна Первиэнс появилась еще в двух фильмах, после чего перестала сниматься в кино. В интервью, данном через неделю после выхода «Парижанки», Чаплин признался: «Если мои чувства серьезно не изменятся, я вер-

нусь к комедии».

12. «Почему бы тебе не прыгнуть?»

Осенью 1923 года Фэрбенкс и Пикфорд пригласили Чаплина на завтрак, чтобы после относительной неудачи «Парижанки» обсудить его следующий фильм для United Artists. После кофе он стал просматривать стереографические снимки, на одном из которых была изображена длинная цепочка золотоискателей, бредущих по Чилкутской тропе на Клондайке во время золотой лихорадки 1898 года.

Эта картинка дала пищу его воображению, и вскоре Чаплин прочитал книгу о бедствиях иммигрантов в Америке в середине XIX века. Они оказались на занесенных снегом безлюдных просторах Сьерра-Невады и, прежде чем нашли здесь золото, пережили много страданий.

Так зарождался шедевр «Золотая лихорадка» (The Gold Rush). Чаплин работал над первым наброском сценария приблизительно два месяца. В начале декабря он заявил об авторских правах на пьесу в двух актах, действие которой разворачивается в Кордильерах, с рабочим назва-

нием «Неожиданная удача». Таким образом, это единственная немая комедия Чаплина, снятая по заранее написанному сценарию.

Сам Чарли, разумеется, вернулся к знакомой роли маленького человека. Опыт с «Парижанкой» был в этом смысле полезен — Чаплин понял, что не может отказаться от образа Бродяги, если хочет оставаться популярным. Впрочем, теперь его герой попадает совсем в другой мир. Он бродит не по улицам города, а среди снега и ледников горного хребта. Современники вспоминали, что Чаплин твердил себе: «Следующий фильм должен быть грандиозным! Величайшим!» Если маленький человек будет вынужден противостоять могучим силам природы, а также таким сильным человеческим чувствам, как алчность и отчаяние, то сможет развиваться в совершенно неожиданном направлении. Чарли хотел создать абсолютно новый тип комедии. Не исключено, что таким образом он желал превзойти своих современников, в первую очередь Бастера Китона и Гарольда Ллойда. Мрачное обаяние Китона и смелые гимнастические трюки Ллойда были такой же неотъемлемой составляющей немой комедии, как пантомима самого Чаплина. Тем не менее он хотел добиться превосходства.

Была проблема. Предстояло найти новую героиню — Эдна Первиэнс уже не подходила для этой роли. Чаплин начал съемки фильма 8 февраля 1924 года, и три недели спустя взял на главную роль Лиллиту Макмюрей — ту самую Литу Грей, которую четыре года назад снял в эпизоде сна в «Малыше». Его уже тогда, несмотря на юность Литы — или благодаря ей, — неудержимо влекло к девушке. Разница в возрасте делала ее еще более желанной. При подписании контракта Лита Грей сказала присутствующим журналистам: «Я была тверда в своем желании сниматься в кино, но чувствовала, что не хочу работать ни с кем, кроме мистера Чаплина. Мое терпение вознаграждено». Студия заявила, что девушке 19 лет, хотя на самом деле ей было всего 16.

Несчастливый отряд иммигрантов снежная буря застала в горах Сьерра-Невады в окрестностях города Траки, поэтому Чаплин выбрал для натурных съемок именно эту местность. Вместе с Литой Грей, которую сопровождала мать, и съемочной группой они поездом отправились на север. Лита вспоминала жуткий холод и тот факт, что Чаплин подхватил грипп и четыре дня пролежал в постели.

На съемках он начал оказывать девушке зна-

ки внимания. Очень скоро они стали более чем понятными… По словам Литы, однажды Чаплин просто набросился на нее и остановился лишь тогда, когда ему показалось, что за дверями спальни раздались какие-то звуки. Он небрежно сказал, что, как только «позволят время и место», они займутся любовью. Это желание реализовалось несколько недель спустя в особняке в Беверли-Хиллс… Уместно ли здесь будет заметить, что бытует мнение, будто «Лолита» Владимира Набокова отчасти основана на истории Чарли и Литы Грей?

Одновременно Чаплин состоял в связи с Ребеккой Уэст, любовницей Г. Дж. Уэллса, которую он встретил и соблазнил в Англии. Уэст рассказывала сестре, что он захотел близости с ней потому, что внезапно испугался импотенции и пожелал убедиться, что все в порядке. В этом же году Чарли часто видели в обществе Мэрион Дэвис, возлюбленной медиамагната Уильяма Рэндольфа Херста. Ведущий раздела светской хроники в нью-йоркской газете Daily News писал: «Чарли Чаплин продолжает проявлять пристальное внимание к Мэрион Дэвис… В тот вечер выступал милый молодой танцовщик. Чарли аплодировал, но повернувшись к нему спиной. Он не отрывал

глаз от белокурой красавицы Мэрион».

Съемочная группа «Золотой лихорадки» провела несколько дней в Траки и вернулась на студию. В апреле они снова отправились на снег и лед, чтобы начать съемки в тех местах, которые выбрал Чаплин. Были построены декорации лагеря золотоискателей. Профессиональные прыгуны с трамплина проложили тропу по снегу, для чего пришлось вырубать ступени на обледеневшем склоне горы Линкольн. Для первой сцены поезд привез из Сакраменто группу из 500 настоящих бродяг. Они выстроились цепочкой, карабкаясь вверх по засыпанному снегом склону. Впечатляющий эпизод, как в фильмах Демилля или Гриффита… Все натурные съемки Чаплин сделал в горах, но в законченном фильме решил оставить лишь несколько сцен. В том числе знаменитые первые кадры.

С мая по сентябрь 1924 года пейзажи для «Золотой лихорадки» были воссозданы в студии — горы и ледники сооружали с помощью тонн соли и штукатурки, а также сотен мешков муки. Здесь был построен поселок золотоискателей, где герой Чаплина влюбляется в певицу из салуна, но она его отвергает. Чарли и его компаньон голодают и едва не сходят с ума. В этих сценах глаза Бродяги

обвели темными кругами, чтобы подчеркнуть его страдания и сделать еще больше похожим на персонаж *commedia dell'arte*. В самом знаменитом эпизоде фильма Чарли варит башмак, и они с товарищем, измученные голодом, съедают его, словно деликатес за ужином в отеле Ritz. Голод, от которого так страдал в детстве Чаплин, стал в фильме источником черного юмора. На съемках башмак изготавливали из лакрицы, и дублей с самыми разными башмаками было снято так много, что Чаплин и Мак Суэй, игравший его компаньона, несколько дней страдали от расстройства желудка.

В конце сентября, когда работа над этими сценами заканчивалась, Лита Грей объявила, что беременна от Чаплина. Ее родные, естественно, были возмущены. Чтобы избежать обвинений в связи с несовершеннолетней — это преступление каралось 13-летним тюремным заключением, Чаплин уступил их требованиям и женился на девушке. Повторялась история его отношений с предыдущей супругой, Милдред Харрис, однако строить какие-либо предположения об этом странном совпадении нет смысла. Страсть не признает логики. Не обращает внимания на мораль и закон. Иногда желание Чаплина ни в чем

себе не отказывать соперничало с его непостоянством, а упорство с непредсказуемостью. Он знал, чего хотел, и добивался этого любой ценой. Желание брало верх над здравым смыслом.

По всей видимости, он предложил Лите сделать аборт. Этому воспротивилась мать девушки, набожная католичка. Затем Чарли сказал, что попробует найти молодого человека, который женится на Лите и получит 20 тысяч долларов. Этот вариант также был отвергнут. Впоследствии Чаплин вспоминал: «Я был потрясен и готов покончить с собой, когда [Лита] сказала, что не любит меня, но мы должны пожениться». И прибавил: «Ее мать намеренно и постоянно подсовывала мне Литу». Гораздо позже Чарли признался друзьям, что Лита Грей говорила ему: «Ты на мне женишься. Удовольствия с тобой я никогда не получала, но ты на мне женишься!»

Таков контекст этой странной истории, которая послужила основой нескольких книг и одного фильма. В ноябре Уильям Херст пригласил нескольких знакомых на свою яхту Oneida. Среди гостей были продюсер Томас Инс и сам Чаплин, который в то время сильно увлекся любовницей Херста Мэрион Дэвис. На следующий день в Сан-Диего Инса вынесли с яхты на носилках

— сказали, что у него случился сердечный приступ. Вскоре он умер. Противоречивые рассказы о вечеринке на Oneida и отсутствие полицейского расследования породили в Голливуде, известном своим пристрастием к слухам, разного рода подозрения. Поговаривали, что Херст застрелил Инса, застав его с Мэрион. Затем появились предположения, что Инс стал жертвой ошибки — его перепутали с Чаплином. Со спины Инс действительно был похож на знаменитого комика. Правду мы уже никогда не узнаем, но, возможно, не случайно через неделю после происшествия на яхте Чаплин согласился жениться на Лите Грей. Что, если этот брак должен был убедить медиамагната — Чаплин больше не претендует на его возлюбленную.

Бракосочетание условились держать в глубокой тайне, и жених с невестой поехали на поезде в Мексику. Если кто-то спросит о цели путешествия, они должны были отвечать, что Чаплин ищет натуру для съемок «Золотой лихорадки». Несколько журналистов последовали за ними в город Гуаймас, но Чаплин сумел скрыться от них, прыгнув в машину и умчавшись в дом местного судьи. Церемония была короткой. Потом Лита вспоминала, что Чарли все время нервно курил.

Когда все закончилось, он попрощался и отправился… на рыбалку.

Чаплин не скрывал своего презрения к невесте и ее семье. Он называл Литу маленькой шлюхой. В своей первой автобиографии она передает слова Чарли, сказанные вскоре после того, как судья назвал их мужем и женой. «Суть маленького человека состоит в том, что, независимо от того, сколько раз он шлепается на задницу, насколько успешно его рвут на части шакалы, он не теряет достоинства. Он все равно смотрит свысока на тебя и на твою проклятую шайку жадных до денег ничтожеств». Возможно, Лита не совсем точно вспомнила эти слова, но проступавшие в них горечь и обида очевидны.

На обратном пути в поезде Чаплин якобы сказал своим спутникам: «Все-таки лучше тюремного заключения… Но это ненадолго».

Когда они остались вдвоем в купе, Лита попросила принести воды. «А ты не боишься, — спросил ее муж, — что я могу тебя отравить?» Затем он предложил подышать ей воздухом на открытой платформе. Когда Лита стояла там, к ней подошел Чаплин. «Самое подходящее время положить конец твоим несчастьям, — сказал он. — Почему бы тебе не прыгнуть?» Здесь мы можем поло-

житься только на память самой Литы, но этот эпизод явно поразил ее, если по прошествии стольких лет она его хорошо помнила. Рассказы Литы выглядят правдивыми и по большей части повторяются в ее второй автобиографии.

По возвращении в Беверли-Хиллс новобрачных встретили представители прессы. Чаплин сердито бросил: «Я пытался этого избежать! Это ужасно!»

16-летняя Лита Чаплин стала хозяйкой большого особняка и целого штата прислуги. Однако школьный совет Лос-Анджелеса обязал ее продолжить образование, поэтому Чаплин нанял жене преподавателя. Американский юморист Уилл Роджерс заметил, что этой девочке не нужна школа. Особа, у которой хватило ума выйти за Чарли Чаплина, должна читать лекции в престижном женском колледже Вассара на тему «как не упустить свой шанс».

Чаплин закончил малоприятные дела, связанные с женитьбой, и снова с головой погрузился в работу над «Золотой лихорадкой». Беременность Литы вскоре стала заметна, и ему пришлось искать новую актрису на главную роль. Они сделали заявление, что миссис Чаплин желает всецело посвятить себя семейным обязанностям

и решила отказаться от карьеры актрисы. О том, что миссис Чаплин беременна, не упоминалось. К счастью, Чарли успел снять лишь несколько сцен с участием Литы. Его новая героиня, 19-летняя Джорджия Хейл, уже была опытной актрисой. Она вспоминала, как Чарли вел себя во время съемок: «…он сжимал губы, стискивал выпрямленные руки между коленей и раскачивался взад-вперед, издавая тихие звуки, как ребенок, одобрительные или насмешливые».

Впоследствии Хейл призналась, что влюбилась в Чарли, хотя один из самых близких его друзей, Генри Бергман, ее предупреждал: «Не вздумай втрескаться в Чаплина, Джорджия. Он разбивает сердца». Как-то раз во время съемок Чарли сказал ей: «Я о вас слишком много думал, даже за пределами студии. А вы обо мне думали?» Джорджия ответила, что думала, немного. «Это все, — сказал Чаплин, — что я хотел услышать». Тем не менее у Хейл хватило ума, чтобы держаться подальше от женатого мужчины.

Сложности в семейной жизни Чарли усиливались. Сидни пытался успокоить Литу, объяснял ей, что младший брат по природе своей хороший. Просто он сам себя плохо знает. Позже в своих мемуарах она написала, что ее муж был настоящей

секс-машиной: он мог заниматься любовью по шесть раз за ночь, нисколько не уставая. Чаплин был страстным любовником, и его сексуальный аппетит заставлял Литу подозревать, что супруг изменяет ей при любой возможности.

В начале мая 1925 года у Чаплиных родился сын. После свадьбы прошло всего шесть месяцев, поэтому этот факт решили не афишировать. Молодую мать и ребенка спрятали от любопытных журналистов. Их отвезли в бунгало в горах Сан-Бернардино, а затем в дом в Редондо-Бич в округе Лос-Анджелес. Чарли ни разу не взял младенца на руки.

Врачу, принимавшему роды, заплатили за то, чтобы он подделал дату в свидетельстве о рождении, так что по официальным документам Чарльз Чаплин-младший появился на свет 28 июня. Таким образом, роды могли считаться преждевременными. Поначалу Чарли возражал против того, чтобы сына назвали Чарльзом, утверждая, что это ему будет мешать. Сам Чаплин-младший считал, что отец, будучи страшным эгоистом, не хотел, чтобы в семье были два Чарли Чаплина.

Монтаж «Золотой лихорадки» закончили в начале июля. Работа над фильмом заняла 17 месяцев, для него потребовалось 170 съемочных

дней. Эта самая дорогая комедия эпохи немого кино обошлась почти в 1 миллион долларов, но оказалась необыкновенно успешной, принеся 6 миллионов прибыли.

В конце месяца Чаплин поехал на премьеру в Нью-Йорк. Незадолго до торжественного мероприятия он стал первым актером, портрет которого поместили на обложке журнала Time, но это было всего лишь начало. Премьера «Золотой лихорадки» состоялась 16 августа в театре Strand. В книге «Моя биография» Чарли вспоминал, что крики и аплодисменты зрителей раздались сразу же, как только он появился на экране: маленький человек непринужденной походкой идет по краю пропасти, а его преследует медведь. Это было идеальное сочетание смешного и страшного, воплощение одного из принципов чаплиновского юмора. Смех ослабляет внутреннее напряжение, которое мы испытываем, боясь за Чарли.

Образ Бродяги уже навечно отпечатался в воображении зрителей. Его желания теперь были так же материальны, как котелок и трость. Ему нужны еда, деньги и любовь — именно в таком порядке. В этом отношении его судьба неотделима от судьбы простого человека. В «Золотой лихорадке» и всех последующих фильмах в герое

Чарли непостижимым образом соединяются униженность и достоинство и очень ярко видна непобедимая сила духа. Перед камерой он держится прямо, иногда даже с военной выправкой. Самая известная фотография Чаплина в образе Бродяги — голодный и дрожащий от холода, он сидит в засыпанной снегом хижине и смотрит прямо на зрителей. В его глазах печаль и… непреклонность. Когда Чаплин впоследствии озвучил фильм и сам читал текст за кадром, он называл своего героя в третьем лице — бедный паренек.

Успех фильма был мгновенным и долгим. «Золотая лихорадка» всегда оставалась самой популярной из всех картин Чаплина и считается самой цельной и продуманной. Чарли много раз говорил, что хотел бы, чтобы его запомнили по «Золотой лихорадке»… Кто-то из обозревателей заметил, что Чаплин в роли Бродяги обладал уникальной возможностью саморазвития. «Мы не видим конца. Когда мы знакомимся с ним, то отправляемся в путешествие, которое может быть долгим, но нисколько не утомительным и необыкновенно разнообразным. Такие люди — редкость».

После торжественной церемонии Чаплин вернулся в свой гостиничный номер, и ему стало

плохо. По всей видимости, это было нервное истощение. Врач посоветовал ему немедленно уехать из

Нью-Йорка, и Чарли сел на поезд до Брайтон-Бич. Впоследствии он вспоминал, что плакал без всяких на то причин. Он поселился в отеле на берегу океана. В первый же день, когда Чаплин сидел у окна, глубоко вдыхая морской воздух, внизу начала собираться толпа, из которой доносились приветственные крики. Пришлось отступить в глубину комнаты. Вскоре Чарли вернулся в Нью-Йорк и пробыл там еще два месяца. О жене и новорожденном сыне он, похоже, не вспоминал.

Чаплин наслаждался своей славой, причем не только среди богемы и интеллектуалов, но и у светских львиц. Он снял номер в Ambassadors Hotel и завел интрижку с молодой актрисой Луизой Брукс, которая называла его самым загадочным и сложным мужчиной из всех, когда-либо живших на Земле. Он очень боялся венерических заболеваний, и Брукс сделала своему биографу пикантное признание: «Чаплин изучал эту проблему и был твердо убежден, что йод является надежным средством профилактики таких болезней. Обычно он ограничивался одним

небольшим участком, но однажды вечером… решил намазать йодом все интимные части…»

И вновь началась нескончаемая череда обедов, вечеринок с коктейлями, званых приемов и посещений театров. Где бы ни появлялся Чаплин, его окружала толпа. «Это не любовь, — говорил он кому-то из сопровождавших его людей. — Это эгоизм. Всем им на меня наплевать. Но это меня не смущает. Они думают о себе и чувствуют себя значительнее, потому что видели меня и могут пойти и похвастаться этим».

В Нью-Йорке он развлекал друзей и знакомых бесконечными рассказами и пародиями. Луиза Брукс вспоминала, что Чарли все время кому-то подражал. Чаплин танцевал, как Айседора Дункан, но среди лент туалетной бумаги… Он пародировал Джона Берримора, который, будучи легендарным исполнителем шекспировских ролей на сцене и ярчайшей звездой немого кино, вошел в историю еще и как олицетворение формулы «гений и беспутство». Однажды вечером он обратился к Луизе: «Отгадай, кого я имитирую?» На сей раз это была сама Луиза…

За Чаплином было интересно наблюдать во время разговора. Английский режиссер Энтони Асквит как-то раз пошутил, что его лицо испол-

няло самопроизвольный, импровизированный танец. Другой знакомый Чаплина, Старк Янг, вспоминал: «Когда вы говорите с ним, то с самого начала чувствуете желание, чтобы между вами установилась непосредственная живая связь». Янг также очень точно подметил: «…он не подражает мне, но берет от меня то, что ему нужно, чтобы я его понял. Он говорит то, в чем желает меня убедить, и в то же время я вижу, что через меня он сам хочет в это поверить. Его прямота и убедительность искренни, но один из его секретов состоит в том, что это невозможно сделать без вас».

Немецкий философ, композитор и теоретик музыки Теодор Адорно был убежден, что своей мощной, взрывной и стремительной энергией Чаплин напоминает хищника, готового к прыжку. Наряду с этим Адорно отмечал: «Он непрерывно актерствует… Любое проведенное с ним время — это нескончаемый спектакль. Немногие осмеливаются с ним заговорить, причем не из смущения перед его славой… а скорее из страха разрушить магию спектакля».

Больше всего Чаплин любил пародию, причем она получалась у него ярче и живее поведения прототипа. Асквит пишет: «Дело не во внешнем

сходстве или вербальных признаках — это был акт творения. Он сам исчезал, оставляя некую эктоплазму, из которой материализовались люди, обстановка, события». Чаплин мог превратиться в двух домохозяек, сплетничающих в трущобах Ламбета. Он мог стать популярным политиком или известным преступником. Один из его друзей, Роберт Пейн, заметил, что, если дать Чарли кружевную шаль, он может превратиться в старую вдову, сеньориту или русскую аристократку. Он *становился* вдовой и вместе с ней приносил атмосферу, в которой она жила, склад ее ума, ее подпрыгивающую походку и манеру кончиками пальцев осторожно дотрагиваться до мебели в комнате.

О темпераменте и логике Чаплина также свидетельствует случай, произошедший во время обсуждения сценария на съемках «Золотой лихорадки». Вокруг него летала муха. Насекомое жужжало, и Чарли попросил мухобойку. Он сделал несколько неудачных попыток убить муху. Через несколько секунд она села на стол прямо перед ним. Чаплин поднял мухобойку для последнего удара, а затем опустил свое оружие. На вопрос, почему он передумал, Чарли ответил: «Это другая муха».

«Радуйтесь любому Чарли Чаплину, с которым вы встретились благодаря удаче или случайности, — говорил один из его друзей, Макс Истмен. — Только не пытайтесь связать их с тем, что вы в состоянии понять. Их слишком много». Сэм Голдвин, хорошо знавший молодого Чаплина, пришел к выводу, что тот любил власть и ненавидел все, что мешало его личной свободе. Он мог принять предложение, а затем не прийти на прием или ужин, куда его пригласили. Он мог забыть о встрече или сильно опоздать, а однажды пообещал быть шафером на свадьбе друга, но так и не появился на церемонии. Чаплин сходился с людьми, а затем бросал их. Торики Коно говорил, что он не тот человек, на которого всегда можно рассчитывать… Он скрывает презрение к людям с помощью неотразимого шарма. Он прячет недоверие к большинству людей за обезоруживающей улыбкой.

Ошеломляющее впечатление производили отчужденность или безразличие Чаплина, вероятно связанные с его погруженностью в себя. В 1925 году он признался кинокритику Мордонту Холлу: «Мне всегда казалось, что я наблюдаю за собой в каком-то спектакле». Позже Чарли откровенничал: «Я очень высокого мнения о себе.

Я сужу обо всем в сравнении с собой. Я стандарт совершенства». Даже старший сын считал его эгоцентристом. На экране важны только его персонаж и его действия. Чаплин всегда в центре кадра. Как утверждал он сам: «Я особенный, и мне не нужны никакие ракурсы».

Один из работников United Artists, Луис Берг, признавался, что считал Чаплина холодным, высокомерным и абсолютно безразличным к своим сотрудникам… «Улыбался он редко и кисло и казался полной противоположностью своего экранного персонажа. У него была репутация жесткого и неуступчивого руководителя. Люди явно его боялись. А его «нет» было самым холодным и резким, какое мне только приходилось слышать в жизни». Для Берга и многих других проблема была в том, что Чаплин не такой дружелюбный, не такой скромный, не такой сердечный, как маленький человек на экране.

Какими же были взаимоотношения Чарльза Чаплина и Бродяги? По мере того как в реальной жизни Чаплин приобретал все большее влияние, Бродяга терял уверенность в себе и становился все более зависимым. Чаплина осуждали за то, что он волочился за женщинами, а Бродяга становился все менее сексапильным. Чаплин стал

миллионером, а Бродяга всегда оставался беден. Чаплин был преданным своему делу и высокопрофессиональным кинорежиссером, тогда как Бродяга перепробовал множество профессий, но не смог ни на чем остановиться.

И тем не менее Бродяга стал тенью Чаплина, его вторым я. Между артистом и его персонажем было много общего. Чаплин точно так же, как Бродяга, опирался на интуицию и импровизацию. Чаплин ненавидел бедность, и Бродяга всегда стремился найти еду и деньги. Чаплин был ярым индивидуалистом, не переносившим малейших попыток социальных ограничений, и Бродяга стал настоящим символом подобных взглядов.

Погруженность Чаплина в себя тоже нашла отражение в его герое, абстрагирующемся от мира и в то же время таком уязвимом. Бродягу отличают самодостаточность и эгоизм, настолько сильные, что их ничто не может поколебать. Он способен опереться локтем в колени мужчины или тростью подтащить к себе девушку, а во многих ранних фильмах люди зачастую выступают объектами его неудовольствия, а женщины еще и похоти. Ему нет дела до чужих чувств. Остальной мир должен приспосабливаться к его потребностям и желаниям. Он не желает участвовать в

жизни других людей. Подобно самому Чаплину, Бродяга одновременно игрив и отстранен.

Однако герой Чаплина всегда окружен тайной. Откуда он пришел? Куда идет? Сам Чарли говорил: «Даже теперь я не знаю все, что нужно о нем знать».

13. На грани безумия

В октябре 1925 года после триумфа в Нью-Йорке Чаплин вернулся в Лос-Анджелес, где его ждала новость. Лита снова была беременна. Это вызвало скорее смятение, чем радость: он с самого начала видел их совместную жизнь непродолжительной, а теперь она грозила затянуться. Чаплин все больше отдалялся от жены. В это время в его поведении впервые появились странности. Впоследствии Лита Чаплин вспоминала, что ее муж принимал душ семь или восемь раз в день. Он страдал от бессонницы и по ночам мог обходить дом с пистолетом в руке. В его студии техники установили подслушивающее устройство, подключенное к диктофону в спальне жены. У Чарли была интрижка с лучшей подругой Литы, Мирной Кеннеди, которую он недавно пригласил на главную роль в новом, уже задуманном им фильме.

Весь день и бóльшую часть ночи он проводил у себя на студии. Однажды вечером Чарли неожиданно рано вернулся домой и обнаружил, что жена устроила для своих друзей импровизиро-

ванную вечеринку. Его реакция, как вспоминает Лита, оказалась предсказуемой. «Немедленно выгони из моего дома этих проклятых пьяниц! Немедленно! — крикнул он, а затем обратился к гостям: — Вы шайка шлюх и сутенеров, и я не позволю вам забираться друг на друга на моей мебели. Это не ее дом. Это мой дом! — Потом он снова повернулся к жене: — Вышвырни эти отбросы! И убирайся вместе с ними, если ты думаешь, что сможешь и дальше доить меня!»

Их второй ребенок, Сидни, родился 31 марта 1926 года, но Чаплин сомневался, что он на самом деле отец мальчика. *Она* говорила, что в этот период его угрозы и оскорбления усилились. *Он* жаловался, что Лита стала курить и пить. *Он* также утверждал, что *она* стала всем подряд рассказывать о нем клеветнические истории.

В конце ноября Лита Чаплин забрала с собой детей и покинула дом на Саммит-драйв.

В этот период семейных ссор Чаплин обдумывал следующий после «Золотой лихорадки» фильм. Он стал работать над картиной вскоре после возвращения из Нью-Йорка, однако подготовка к ней началась гораздо раньше. За четыре года до этого Чарли признался: «Мое самое большое желание — сделать фильм о клоуне».

Этим фильмом стал «Цирк» (The Circus). Чаплин пригласил нового помощника, Гарри Крокера, и повез его на выходные в Дель-Монте, роскошный курорт к востоку от Монтерея, где они могли обсудить новый проект. Чаплин и Крокер проговорили 48 часов почти без перерыва.

Вне всяких сомнений, он обсуждал с молодым коллегой планы, которыми в этот период делился и с другими знакомыми. Ему хотелось сыграть… Иисуса Христа или Наполеона. Чаплин всю жизнь был буквально одержим Наполеоном — возможно, его завораживала мысль о маленьком человеке, покорившем мир. На многих фотографиях он изображен в характерной позе корсиканца, с рукой за отворотом пиджака. Тем не менее Чарли хотел показать французского генерала в непривычном виде — как молчаливого человека, почти угрюмого, которого постоянно обижали члены его семьи. Чаплин также хотел сыграть Христа, постоянно окруженного толпой. «Толпа скапливается вокруг него, чтобы почувствовать его магнетизм. Он не печальный, благочестивый и сдержанный человек, а одинокий, которого никто не понимает». Где тут кончается Христос и начинается Чаплин?

Когда Крокер впервые пришел на студию, ему

сказали: «Если ты не дурак, то скоро поймешь, что Чаплин сукин сын. Он не всегда такой, но может им быть». Наряду с этим Гарри услышал, что у Чарли есть склонность к тому, чтобы унижать людей. По неизвестной причине — или причинам — Чаплин уже уволил ведущую актрису, Джорджию Хейл, и взял на ее место Мирну Кеннеди. Мирна не обладала актерским талантом, но она была близкой подругой Литы Чаплин. Возможно, это добавило «перцу» их последовавшему роману.

Как всегда, Чарли начал с короткого описания персонажей «Цирка» и сюжета, который должен был естественным путем развиваться в процессе съемок. Маленький человек волею случая становится клоуном, но терпит полную неудачу, когда от него требуют исполнения стандартных цирковых трюков. Возможно, это намек на карьеру самого Чаплина как комика в кино, когда он попытался выйти за рамки привычного репертуара. Бродяга никак не может примириться с правилами и жесткой регламентацией, он всегда должен иметь свободу выражения своей идеалистичной и непостоянной натуры. Затем герой влюбляется в дочь владельца цирка, однако девушка отдает предпочтение молодому красивому гимнасту,

трюки которого пытается повторить клоун. Хозяин цирка изображен властным и безжалостным грубияном — его поведение, вполне возможно, походило на поведение самого Чаплина.

Фильм словно притягивал проблемы и несчастья… Перед самым началом съемок, в декабре 1925 года, сильная буря повалила цирковой шатер, установленный на съемочной площадке. Работу пришлось отложить. Чарли решил, что для центрального эпизода картины должен научиться ходить по канату. Ему приснился сон, что он идет по канату, и в это время на него нападают две обезьяны. Возможно, это был туманный образ его семейной жизни… Чаплин тренировался в добровольно выбранном и очень сложном искусстве канатоходца до тех пор, пока не овладел им в совершенстве. Через три недели сцена была снята, но затем выяснилось, что на всех дублях пленка испорчена царапинами. Материал оказался никуда не годным. Чаплин пришел в ярость и уволил всех техников лаборатории. Пришлось снимать еще раз, но часть первоначальной живости и энергии, естественно, исчезла.

Осенью 1926 года на съемочной площадке вспыхнул сильный пожар, уничтоживший шатер цирка и бóльшую часть реквизита. Чарли

был еще более мрачным и подавленным, чем обычно, еще и потому, что налоговое управление США начало расследование, подозревая его в недоплате и возможном мошенничестве. Он забросил работу и уединился в доме, построенном в северной части территории студии. Чарли отказывался принимать кого-либо, за исключением нескольких близких друзей. Говорили, что он парализован страхом и нерешительностью, боится ареста имущества и тюремного заключения.

9 января 1927 года Чаплин тайно сел на поезд и уехал в Нью-Йорк. На следующий день Лита подала на развод. Ее заявление занимало 52 страницы. Миссис Чаплин обвиняла мужа в том, что он называл ее охотницей за деньгами и шантажисткой. Он якобы говорил ей, что если бы она не была эгоисткой и любила его, то избавилась бы от ребенка — сначала одного, а потом второго, как поступали ради него другие женщины. В частности, Чаплин говорил ей, что одна актриса ради него сделала два аборта. Имя этой женщины не называлось, но все предполагали, что речь идет об Эдне Первиэнс. Лита Чаплин также обвинила мужа в том, что он наставлял на нее пистолет и угрожал ей, что в ее отсутствие он сменил замки в доме, а также настаивал, чтобы она сопровождала

его во время визитов в дом некой киноактрисы. Возможно, речь шла о Мэрион Дэвис — Чаплин хотел вызвать ревность у молодой жены.

Но самые скандальные и опасные откровения были еще впереди. Лита заявляла, что на протяжении всей семейной жизни во время вышеупомянутых вечеринок, а также в других случаях, слишком многочисленных, чтобы их указывать конкретно, супруг просьбами, уговорами и требованиями добивался у нее согласия совершать действия и поступки для удовлетворения своих ненормальных, неестественных, извращенных и низменных сексуальных желаний, слишком отвратительных, недостойных и аморальных, чтобы подробно описывать их в данном исковом заявлении. Приводилась лишь ссылка на статью 288 Уголовного кодекса штата Калифорния, запрещавшую — даже супругам — содомию и оральный секс. Чаплин якобы говорил ей: «Все женатые люди этим занимаются. Ты моя жена и должна делать то, что я хочу».

Эти 52 страницы очень скоро стали известны падкой до «клубнички» и сенсаций публике: «Иск Литы» (The Complaint of Lita) продавался на всех перекрестках Лос-Анджелеса по 25 центов за экземпляр. По пути в Нью-Йорк Чаплин выступил с

заявлением: «Я осознаю, что временно оказался в тяжелом положении, но те, кто меня знает и любит, не будут обращать внимания на обвинения, поскольку им известно, что это неправда».

16 января врач Чаплина объявил, что его пациент переживает серьезный нервный срыв. На кадрах кинохроники того времени Чарли не похож на себя, его лицо дергается. Шофер Чаплина Торики Коно рассказывал Ролли Тотеро, что хозяин пытался выпрыгнуть из окна спальни своего гостиничного номера в Нью-Йорке. После этого Коно четыре дня и четыре ночи не спускал с него глаз. Врач запретил доставлять пациенту газеты, но Чаплин настаивал, что должен видеть статьи, касающиеся его бракоразводного процесса. Коно считал, что хозяин получает своего рода своеобразное удовольствие от нападок на него. Пола Негри тоже заметила, что ему нравилась ее резкая критика. Чаплин всегда считал, что ему угрожают враги, замышляющие его уничтожить, но на самом деле главной причиной его несчастий был он сам.

Так или иначе, Чарли сумел преодолеть психологический кризис и стал ненадолго покидать свой номер в отеле. Через нанятых адвокатов он добился предварительного — временного — со-

глашения с налоговым управлением. Наконец было готово и соглашение о разводе. Миссис Чаплин угрожала обнародовать имена шести актрис, с которыми ее супруг имел близкие отношения, будучи женатым на ней. Одной из этих женщин являлась Мэрион Дэвис… Разумеется, подобное разоблачение было просто немыслимым, и Чарли прислушался к совету юриста — тот рекомендовал как можно скорее уладить дело. Таким образом, 22 августа Лите Чаплин присудили 625 тысяч долларов, а ее сыновья были защищены трастовым фондом, размер которого составил 200 тысяч долларов. На тот момент это была самая крупная сумма в истории Америки, выплаченная при разводе, но репутация Чаплина оказалась безнадежно испорчена.

Чарли вернулся к работе над «Цирком» в конце августа, после восьмимесячного перерыва. Сотрудники студии обратили внимание на то, что после всех своих семейных и налоговых неприятностей он совсем поседел. Тем не менее Чаплин был полон решимости закончить картину. Он верил в свою работоспособность и творческое воображение. Финальную сцену, в которой его герой один стоит на том месте, где раньше возвышался цирковой шатер, снимали в Сотеле — в те

времена пригороде Лос-Анджелеса. Чарли снова и снова переснимал этот эпизод. 10 октября в три часа утра он просматривал дубли с самим собой. Комментарии были такие: «Он должен сделать это значительно лучше», «Он неубедителен», «Он слишком низко надвинул котелок на глаза», «Они сожгли его лицо этими серебряными отражателями». Нужно было все снимать еще раз. Чаплин всегда говорил, что его метод работы заключается в упорстве на грани безумия. Фильм вышел три месяца спустя.

Чаплин редко обсуждал «Цирк» — вне всяких сомнений, он не хотел вспоминать личные неприятности, которые сопровождали съемки этой картины. Тем не менее «Цирк» — одна из самых живых и увлекательных его работ… Первые кадры, в которых герой Чарли попадает в цирк и невольно веселит публику, не менее изобретательны, чем все его предыдущие трюки. Преследуемый полицейскими, он попадает в зеркальный лабиринт. Он случайно вмешивается в номер фокусника. Наконец, он заходит в клетку со львом и не может из нее выйти. Все эти сцены сами по себе являются триумфом комедийного искусства, шедеврами, доказывающими, что самая веселая комедия может произрастать из

самых печальных обстоятельств.

В финальном эпизоде «Цирка» Чарли словно не принадлежит этому миру. Он отклоняет приглашение вернуться в цирковую труппу, держится отчужденно и безразлично. Его интересуют и иногда даже волнуют страсти других людей, но участвовать в них он отказывается. Сцену специально снимали ранним утром, чтобы морщины на лице Чаплина было лучше видны. Он остается один, а цирк едет дальше. Бродяге никто не нужен.

14. Красота молчания

Еще до премьеры «Цирка», в начале 1928 года, Чаплин приступил к работе над следующим фильмом. Ему так не терпелось начать «Огни большого города» (City Lights), чтобы наверстать время, потерянное в минувшем году! Однако кино в это время радикально изменилось. Осенью 1927 года фильм «Певец джаза» (The Jazz Singer) продемонстрировал возможности синхронизированного звука, а в следующем году «Огни Нью-Йорка» (Lights of New York) стали первой картиной с полноценной звуковой дорожкой. К концу 1929 года 8000 кинотеатров были оснащены оборудованием для воспроизведения звука, и зрительская аудитория нового звукового кино значительно расширилась.

Чаплин был категорически против внедрения звука. Он утверждал, что это означает смерть *его* искусства. В интервью, данном в начале 1929 года, Чарли жаловался: «…они портят самое древнее искусство в мире — искусство пантомимы. Они разрушают великую красоту молчания. Они уничтожают значение экрана. Что касается коме-

дии, это будет смертельно». Чаплин был гением пантомимы, а мимы по определению не говорят.

Приход звука нанес Чарли двойной удар, поскольку теперь публика могла решить, что Чаплин вышел из моды, а его великое искусство — явление временное или преходящее. Но разве может его герой разговаривать? Какой голос ему дать? Бродяга стал воплощением простого человека, где бы он ни жил, символом человечества, поэтому у него не может быть родного языка. Если он заговорит по-английски, это помешает его восприятию зарубежными зрителями, которые лишатся прямого и непосредственного контакта с фигурой на экране. Чаплин объяснял: «Китайские дети, японские дети, индусы, готтентоты — все меня понимают. Я сомневаюсь, поймут ли они мой китайский или мой хинди».

Опасения Чарли имели не только эстетическую, но и финансовую компоненту. Продажа прав на его фильм в одной только Японии покрывала затраты на производство. Использование звукового оборудования на съемочной площадке в любом случае требовало полного изменения природы зрелища и производственного процесса. Чаплин в своем искусстве был традиционалистом и так и не привык к изменениям в кинематографиче-

ском искусстве и технических приемах.

В другом интервью он говорил: «Много лет я специализировался на одной разновидности комедии — исключительно пантомиме. Я препарировал ее, оценивал, изучал. Я мог установить точные правила, позволяющие управлять ее воздействием на зрителя. Это ритм и темп. Диалог, на мой взгляд, всегда замедляет действие, потому что действие должно ждать слов». Он действительно верил, что звуковые фильмы были временным явлением и кино вернется к красоте молчания.

Весной 1928 года главные актеры киностудии United Artists — Мэри Пикфорд, Дуглас Фэрбенкс и сам Чаплин, к которым теперь присоединились Джон Берримор и Норма Толмадж, — приняли участие в радиопередаче, чтобы публика могла услышать их голоса. Корреспондент журнала Variety, разговаривавший с Чарли сразу после ее окончания, сказал, что тот едва не умер от страха перед микрофоном и очень волновался, хорошо ли у него получилось. Чаплин также заявил режиссеру студии, что от переживаний во время трансляции похудел на 2 килограмма. Этот опыт не добавил ему симпатий к новому средству массовой информации.

Позже Чарли предложили больше 500 тысяч долларов за 26 радиопередач длительностью 15 минут каждая. Он отказался под надуманным предлогом: «Я должен оставаться немного далеким и загадочным. Они должны меня романтизировать. Я потеряю больше на кассовых сборах, если с помощью радио сделаю себя реальным и близким».

Как бы то ни было, Чаплин на несколько недель приостановил подготовительные работы к съемкам «Огней большого города», чтобы обдумать проблему со всех сторон. Он пытался представить, как можно улучшить сцены при помощи диалога, и пришел к выводу, что звук только все испортит. Он принял решение, и никакая сила не могла это изменить. Чаплин продолжал подготовку к съемкам своего последнего немого фильма, когда вокруг него говорили актеры и играли оркестры. Одному английскому журналисту он объяснил свой выбор так: «Почему я отказался разговаривать в «Огнях большого города»? Думаю, вопрос нужно сформулировать иначе. Зачем мне разговаривать?» Потом Чарли признался: «Я чувствовал себя как ребенок на горящей палубе, когда все уже убежали. Да, я волновался, но никогда не сомневался».

Чаплин начал делать заметки и прорабатывать сюжетные линии еще до премьеры «Цирка» в Нью-Йорке, но, прежде чем начались съемки «Огней большого города», прошел почти год. Главными персонажами фильма стали сам Чарли, слепая цветочница и миллионер. Пьяный миллионер относится к Чарли как к лучшему другу, а трезвый не узнает его. Бродяге становится известно, что операция в глазной клинике в Вене может вернуть девушке зрение. Чтобы заработать на это денег, он подметает улицы и боксирует на ринге, но потом снова случайно встречает миллионера, пьяного, а потому неслыханно щедрого. Бродяга отдает деньги слепой цветочнице, которая считает своего обходительного благодетеля не только добрым, но и красивым.

Комический потенциал возможных ситуаций был очевиден Чаплину с самого начала, а любовь маленького человека к несчастной девушке позволила ему в привычной для себя манере объединить жалость и комизм. При этом в «Огнях большого города» он добивается максимальной экспрессии. Чаплин хотел подчеркнуть тот факт, что в искусстве передачи человеческих чувств немой фильм не знает себе равных.

Летом 1928 года, во время подготовки к съемкам

фильма, умерла Ханна Чаплин. У нее началось воспаление желчного пузыря. Ханну поместили в больницу Глендейл. Похоже, Чарли навещал мать каждый день и старался поддержать ее дух, но Ханна страдала от сильных болей. Во время его последнего визита она впала в кому. Получив известие о ее смерти, Чаплин тут же приехал в больницу. Мать все еще лежала в своей палате… В интервью журналисту он признался: «Я не мог… Я не мог к ней прикоснуться. Нет, я не мог до нее дотронуться». На похоронах все ждали, что Чарли подойдет и попрощается с ней, прежде чем закроют крышку гроба, но он сказал: «Нет, я не могу».

Работа над «Огнями большого города» продолжалась. На роль слепой цветочницы Чаплин выбрал Вирджинию Черрилл, молодую женщину, которую он увидел в первом ряду зрителей боксерского матча. У нее не было актерского опыта, но Чарли посчитал это преимуществом. Он мог лепить из нее все, что пожелает. Вирджиния Черрилл была светской девушкой, но, подчинившись внезапному порыву, согласилась сняться в кино. Еще одним преимуществом Вирджинии он посчитал плохое зрение. Чаплин советовал ей смотреть внутрь и не видеть его героя.

Съемки этого фильма продолжались около трех лет. Первую сцену героев вместе, когда Чарли покупает цветок и понимает, что девушка слепа, снимали 342 раза. Впоследствии Чаплин рассказывал: «Она вела себя как-то неправильно. Линия. Линия… Я сразу замечаю неправильный контур. Она говорила: «Цветок, сэр?» А я видел: «Посмотрите!» Никто так не произносит *цветок*. Она была новенькой… Я сразу же понимал, когда она отвлекалась, когда колебалась, когда поднимала взгляд слишком рано или слишком поздно… Или опаздывала на секунду. Я сразу это понимал». Когда Вирджиния спросила, почему в немом фильме так важно ее произношение, Чарли ответил, что он просит лишь одного — это было произнесено громко и медленно, как будто он обращался к человеку, который плохо слышит, а не плохо видит, — чтобы она делала то, что он говорит. Разве это так трудно? Чаплин также требовал довести до совершенства жест, которым героиня протягивает цветок Бродяге. «Когда ты предлагаешь цветы, согни руку; движение должно быть изящным, а не угрожающим». Был даже снят короткометражный фильм о том, как Чаплин режиссировал эту сцену. Напряженно выпрямившись, он сидит на парусиновом стуле и

машет руками. Он резок и недоволен. Сама сцена снята в декорациях, необыкновенно похожих на улицу и ограду у церкви Святого Марка на Кеннингтон-Парк-роуд, и это сходство не случайно. Чарли в очередной раз обращается к образам своего детства, в которых черпает вдохновение.

Чаплин признавался Алистеру Куку, что в тот период был просто ужасен. Им внезапно овладевали сильные приступы ярости. Он отказывался от еды. Он среди ночи звонил помощникам и приказывал явиться к нему на совещание. Писатель и литературный критик Уолдо Фрэнк составил портрет Чарли того периода. Он писал: «Голубые глаза Чаплина настолько темные, что кажутся фиолетовыми. Это печальные глаза; из них на мир изливается жалость и горечь. Они скрытные; в то время как сам он непрерывно двигается с неотразимым очарованием, его глаза застывают в угрожающем одиночестве. Никому, кто видит глаза Чаплина, не хочется смеяться». Фрэнк приходит к выводу, что Чарли не желает отдавать себя какому-либо чувству, ситуации, любым проявлениям жизни.

Если знать о взвинченном состоянии Чаплина, становятся понятными споры и бурные сцены, то и дело возникавшие между ним и Вирджинией.

Однажды она прервала работу — сказала, что ей нужно к парикмахеру. Чаплин так разозлился, что остановил съемки. Он несколько дней не вставал с постели. Потом он все-таки уволил Вирджинию, не понимая, что ее просто некем заменить. Они никогда не любили и не понимали друг друга, и после съемок «Огней большого города» их пути разошлись. Вероятно, 20-летняя девушка была слишком стара для него.

Вирджиния Черрилл вспоминала проведенные на студии дни так: «Чарли даже следил за тем, что мы ели. Иногда нам давали только овощи, а в другой раз он захотел, чтобы мы всю неделю жили на сыре и фруктах». По поводу его режиссерских методов

Вирджиния заметила: «Понимаете, Чарли показывал, как должна быть сыграна каждая роль — каждый взгляд, каждое движение. И начинало казаться, что он — это ты и что он тот человек, которым он тебя хочет видеть. Это было нелегко». Много лет спустя в телевизионном интервью она сказала, что Чарли всегда играл. Он всегда был «включен».

В конце февраля Чаплин заболел — сначала пищевое отравление, потом грипп — и пропустил весь март, восстанавливая здоровье. Тем не

менее съемочная группа каждый день являлась в студию, на случай его внезапного появления. Возможно, физическое недомогание было одной из причин его чрезвычайной нервозности и раздражительности во время съемок фильма. Чарли вернулся в студию 1 апреля и настоял на дальнейшей работе над сценой, где герой и героиня впервые встречаются. Он снова работал по шесть, а то и семь дней в неделю, с утра до позднего вечера — снимал и снимался, редактировал и монтировал, вносил поправки в сценарий. «Я делал все сам, — говорил Чаплин в одном из интервью, — что редко происходит в наши дни. Понимаете, теперь никто не делает все… Вот почему я был так измучен».

Впрочем, крайняя усталость не мешала ему развлекать гостей. Съемочную площадку посетил Уинстон Черчилль. Частым гостем дома на Саммит-драйв был испанский режиссер Луис Бунюэль. Впоследствии он вспоминал, что хозяин студии пытался устроить для него настоящую оргию… У Чарли также гостил Сергей Эйзенштейн. Он писал одному из друзей: «Мы часто ездим домой к Чаплину играть в теннис. Он очень мил. И чрезвычайно несчастен (в личной жизни)». Более определенно Эйзенштейн отзывался о

Чаплине как об актере, а не как о личности. Он сказал: «Настоящий, пробуждающий все лучшее, «богоизбранный человек», о котором мечтал Вагнер, — это не Парсифаль, склонившийся перед Граалем в Байройте, а Чарли Чаплин среди мусорных баков Ист-Сайда».

Англичанин Айвор Монтегю, который в то время был помощником продюсера на студии Paramount, вспоминал чаепитие в саду на Саммит-драйв: «…там все было невероятно живописно и напоминало английское графство». Чаплин играл в теннис с гостями на собственном корте, проявляя необыкновенный азарт и волю к победе. Монтегю говорил: «Чарли был очень хорошим теннисистом. Похоже, он мог научиться любому навыку, который ему нравился».

Съемки «Огней большого города» закончились осенью 1930 года, но это не означало окончание работы в целом. Чарли решил, что должен написать музыкальное сопровождение к картине. Возможно, эта музыка была навеяна песенкой «Жимолость и пчела», которую он однажды вечером услышал в Лондоне и потом помнил всю жизнь. Таким образом, музыкальный ряд включает мелодии викторианского театра, однако они отличаются изяществом и простотой, точно

совпадая с настроением на экране. В целом музыка Чаплина временами веселая, а временами лиричная. В ней слышны и энергичные духовые инструменты, и пронзительные скрипки. Одни пассажи написаны в ритме вальса и танго, другие напоминают приятные мелодии оркестров, которые обычно играют на набережной. Музыка Чаплина может быть волнующей, милой, игривой и меланхоличной.

В интервью на радио Чаплин сказал, что первые пьесы Karno Company, в которых появились «комедийные бродяги», сопровождались красивой камерной музыкой, чем-то из XVIII века, очень «цветистой» и очень торжественной, а также чрезвычайно смешной в качестве контрапункта. «В этом смысле я многое позаимствовал у мистера Фреда Карно», — добавил Чарли. Его музыкальные сочинения еще более примечательны в свете того, что он никогда не учился музыке. Чаплин напевал мелодию, а кто-то из музыкантов записывал ноты. При этом музыка всегда жила в его душе. Во всех следующих фильмах Чарли много музыки его собственного сочинения.

Премьера «Огней большого города» состоялась в конце января 1931 года в Лос-Анджелесе. Чаплин очень волновался, не зная, как примут

фильм. Он сказал Генри Бергману: «Я сомневаюсь насчет этой картины. Я не уверен». По пути в кинотеатр он бормотал: «Не думаю, что все пройдет хорошо. Им не понравится… Нет, я это чувствую». И действительно, это был большой риск — немой фильм в новую эру звукового кино.

После просмотра зрители устроили фильму овацию. Несколько дней спустя на премьере в Нью-Йорке «Огни большого города» были встречены с не меньшим воодушевлением и восторгом. На следующее утро заведующий рекламой Чаплина вошел к нему в спальню в номере гостинице со словами: «Все в порядке! Потрясающий успех! С десяти утра выстроилась очередь на весь квартал, даже машины не могут проехать. С десяток полицейских пытаются навести порядок. Люди рвутся в зал. И вы бы послушали, как они кричат!» По общему признанию это был шедевр старого искусства, напоминавший зрителям о том, что было утеряно при переходе к звуковому кино.

Фильм, снабженный подзаголовком «Комедийный роман в пантомиме», — это выдающееся произведение, ошеломляющее диапазоном и разнообразием эмоций. Чаплин высмеивает чувство жалости и одновременно поддается ему. Ни разу

не жертвуя психологическим настроем повествования, он вводит в сюжет несколько комических сцен, например нелепый боксерский поединок.

Картина вышла на экраны в самом начале Великой депрессии, периода отчаяния и нищеты, когда фигура голодного и бездомного Бродяги стала еще более уместной. Чаплин не проводил никаких параллелей с национальным бедствием, но разразившийся в стране кризис стал контекстом для взаимоотношений между Бродягой и бедной цветочницей. И эмоции у зрителей были глубже, возникали быстрее.

Финальная сцена фильма, наверное, может считаться величайшим триумфом чаплиновского искусства. Слепая цветочница вылечилась и открыла свой магазин, но она еще не видела своего благодетеля. Бродяга, даже более жалкий, чем прежде, случайно оказывается около ее магазинчика. Девушка, протягивая ему монету, касается его руки и узнает его. «Теперь вы видите?» — спрашивает Бродяга. «Да, теперь я вижу», — отвечает цветочница. Этим и заканчивается фильм — на лице Бродяги выражение радости и ужаса. Критик Джеймс Эйджи писал: «От этой картины сжимается сердце. Это величайший образец актерской игры и наивысшее

достижение в кинематографии». Сам Чаплин очень любил «Огни большого города».

Через день после премьеры Чарли уехал из Лос-Анджелеса, чтобы присутствовать на первом показе в Нью-Йорке, но эта поездка стала началом более длительного путешествия. Пробыв неделю в Нью-Йорке, он вместе с Торики Коно и своим пресс-секретарем Карлайлом Робинсоном поднялся на борт парохода Mauretania, направлявшегося в Лондон. Репортеру Чаплин сказал: «Мне не терпится еще раз увидеть места своего детства, проверить, есть ли еще там продавец горячих колбасок и лепешек со своим колокольчиком». Кроме того, Чарли хотел отдохнуть. Во время перехода в Европу он почти не выходил из каюты и не общался с другими пассажирами. После успеха «Огней большого города» Чаплин впал в депрессию. «Что я буду делать дальше?» — спрашивал он у друзей.

В Лондоне Чарли ждал еще более восторженный прием, чем десятью годами раньше. В Плимуте Большая западная железная дорога предоставила в его распоряжение экскурсионный вагон, который сразу окружили почитатели. Журналист The Times, описывавший прибытие Чарли на Паддингтонский вокзал, отмечал: «Дик-

кенс кое-что знал о популярности, но если бы он мог увидеть, сколько людей собралось… ради мистера Чаплина, то в изумлении стал бы тереть глаза». По словам газетчика, Чарли был взволнован аплодисментами толпы. Он ловко взобрался на крышу автомобиля, размахивая шляпой и отвечая на приветственные крики, и медленно и торжественно отъехал от вокзала.

Премьера «Огней большого города» состоялась в театре Domi-nion на Тоттенхем-Кортроуд. Чаплину пришлось воспользоваться боковым входом из переулка за час до начала сеанса, чтобы скрыться от толпы. Впрочем, по окончании просмотра он появился в окне верхнего этажа, где его фигуру осветили прожекторы.

Сразу после прибытия Чарли в город началась череда визитов, продолжавшихся две недели. Он гостил у Уинстона Черчилля в Чартвелле и несколько раз виделся с Гербертом Уэллсом. Он ужинал в Чекерсе с премьер-министром Рамсеем Макдональдом и даже попытался обсудить с ним экономические проблемы. Макдональд при этом просто кивнул, сохраняя на лице загадочное выражение. Он заговорил с Дэвидом Ллойд Джорджем, 1-м графом Дуйвором и близким другом Черчилля, о безработице, но, по своему

собственному признанию, не мог не заметить сдерживаемый зевок. У Чаплина была масса идей в области финансов — сократить численность правительства, контролировать цены, процентные ставки и прибыль, отказаться от золотого стандарта, однако экономические теории актера никого не интересовали.

В доме Нэнси Астор, первой женщины, ставшей депутатом палаты общин, Чаплин обсуждал вопросы политики с экономистом Джоном Кейнсом и писателем Бернардом Шоу. Переступив порог гостиной особняка леди Астор на Сент-Джеймс-сквер, он заметил, что словно оказался в зале славы у мадам Тюссо. И тем не менее Чаплин не мог поверить в реальность газетных заголовков, которые сообщали, что все по-прежнему любят Чарли.

Он также совершил одно глубоко личное путешествие, в одиночестве, — посетил приют для сирот и брошенных детей в Хэну-элле, куда его поместили в семилетнем возрасте. Чарли приехал туда без сопровождающих. Он никого не предупредил о своем визите, однако о его присутствии вскоре стало известно учителям, а также детям, которым велели собраться в столовой. Корреспондент газеты Daily Express, впоследствии

беседовавший с теми, кто видел Чаплина, записал, что он вошел в столовую, где четыре сотни мальчиков и девочек громко закричали, увидев его, — и вошел эффектно. Он хотел приподнять шляпу, а она словно по волшебству подпрыгнула и повисла в воздухе. Он взмахнул тростью и ударил себя по ноге. Он вывернул ноги и прошелся своей неподражаемой походкой. Это был Чарли! Крики! Радостный визг! Снова крики!

Карлайл Робертсон вспоминал, что Чаплин плакал, когда вернулся в отель. Сам Чарли рассказывал писателю Томасу Берку, что это было самое сильное эмоциональное потрясение в его жизни. Он говорил: «…присутствие среди этих строений и соприкосновение со всем — страданием и чем-то другим… Это был шок. Понимаете, я до конца не верил, что это *то самое* место. Когда такси свернуло в переулок, я вдруг все узнал. О, это было то самое место — оно ничуть не изменилось с тех пор, как я его покинул. Такого момента я не переживал никогда в жизни. Мне в буквальном смысле слова стало плохо от переполнявших меня чувств». Когда Берк начал его укорять за необдуманное возвращение к прошлым страданиям, Чаплин ответил: «Мне нравится страдать. Мне это полезно, я извлекаю

из этого выгоду». Инстинкт, подобный тому, что гонит лосося на нерест в родные места, заставил его посетить старые мюзик-холлы английской столицы, в том числе Star в Бермондси, Royal в Стратфорде, Paragon на Майл-Энд-роуд и Seebright на Хакни-роуд. Чарли остановился у барной стойки в Elephant and Castle, в нескольких ярдах от дома, где жил в детстве, и заказал тушеного угря.

Грустил Чаплин недолго. Он обещал детям из приюта, что вернется на следующей неделе и привезет в подарок кинопроектор. Однако в назначенный день Чаплин обедал с Нэнси Астор и пребывал в отнюдь не ностальгическом настроении. Чарли попросил доставить проектор в Хэнуэлл Робинсона и Карно — к огромному разочарованию детей, а также толпы, которая собралась, чтобы посмотреть на него. Это свидетельство, как минимум, переменчивого и непредсказуемого характера Чаплина. Позже он извинился, признавшись, что просто не отважился еще раз погрузиться в болезненные воспоминания.

Из Лондона Чарли отправился в Берлин, а оттуда в Вену, где его ждал, наверное, самый восторженный прием в жизни. Кадры кинохроники запечатлели, как его несут над головами толпы

от железнодорожной станции в отель. С таким же восторгом Чаплина встречали в Париже и в Венеции. После всего этого он решил как следует отдохнуть и поехал на юг, на Французскую Ривьеру.

В Каннах Чаплин познакомился с чешкой Мицци Мюллер, известной также под именем Мэй Ривз, которая на какое-то время стала его любовницей. Это была обычная история страсти и веселья вперемешку с ревностью и холодностью. Мицци уже предупредили, что Чарли «душит» личность всех, кто к нему приближается. В своих мемуарах она вспоминала, что блистательного Чаплина заслонял другой Чаплин, который был его нервным двойником, раздражительным и угрюмым. По словам Мицци, он также бывал психически неуравновешенным и проявлял садистские наклонности. Она отметила, что его настроение могло мгновенно меняться, от радости до депрессии.

Любая ситуация могла стать для него причиной драмы. В разговоре Чаплин мог бесконечно повторять: «Если однажды я лишусь всех моих денег…» Этот страх бедности, возможно, был причиной его нежелания расставаться с наличными. Время от времени он отправлялся с Мицци по ма-

газинам и возвращался, вообще ничего не купив. Похоже, Чаплин любил смотреть на свое отражение в зеркале и, как вспоминала Мицци, говорил: «Для своего возраста я еще хорошо сохранился» или «Тебе не кажется, что я в очень хорошей форме?» «Мне на все наплевать, — заявил он, отказавшись прийти на банкет в его честь. — Я мировая знаменитость». Возможно, он следовал примеру Сидни, который постоянно повторял эту фразу, только в третьем лице, чтобы оправдать странности в поведении своего брата.

В обществе Мицци Чаплин провел осень в Лондоне. Он очутился в центре скандала, отказавшись выйти на сцену во время ежегодного королевского эстрадного представления. Это расценили как оскорбление Георга V. Молодому партнеру по теннису Чаплин объяснял: «Говорят, что у меня есть долг перед Англией. Хотелось бы знать, в чем он состоит. Семнадцать лет назад я был никому не нужен в Англии, и всем было на меня наплевать. Мне пришлось уехать в Америку, чтобы получить шанс, и я его не упустил». Потом он прибавил, что патриотизм — величайшее безумие из всех, от которых страдал мир. К сожалению, партнер по теннису оказался журналистом, и актер с удивлением и раздражением

прочел заголовок в газете: «Чарли Чаплин не патриот». Однако свои взгляды он никогда не менял.

В Лондоне Чаплин продолжил встречаться с богатыми, влиятельными и знаменитыми людьми. Он часто бывал в обществе принца Уэльского, ужинал с аристократами, а в один из вечеров посетил Махатму Ганди, который жил на Ист-Индиа-Докроуд. Чарли также поехал на север Англии, чтобы еще раз увидеть места, где в начале века он гастролировал со спектаклем «Шерлок Холмс». Его по-прежнему занимали приключения собственной юности. Назвав Манчестер — в три часа пополудни в воскресенье — вымершим, Чарли отправился в Блэкберн. Там он заглянул в паб, около которого когда-то снимал комнату за 14 шиллингов в неделю. Чаплин заказал себе выпивку, а затем ушел неузнанным.

Конечно, отпуск стал для него потерянным временем. Без возможности работать Чаплин был жив только наполовину — расстраивался без причины и все время сомневался в своем будущем как актера. Теперь он точно знал, что уже не сможет вернуться к полностью немым фильмам. Но что должно прийти им на смену? Чарли твердо решил вернуться в Калифорнию через

Нью-Йорк, и тут пришла телеграмма от Фэрбенкса. Дуглас остановился в Санкт-Морице и просил друга приехать к нему. Чаплин вместе с Мицци присоединились к Фэрбенксу и его компании. Все вместе они развлекались несколько недель.

С ними был Сидни, и по его предложению Чарли решил возвращаться в Соединенные Штаты через Италию и Японию. Сидни смог организовать премьеру «Огней большого города» в Токио. Было очевидно, что после Италии Мицци не продолжит путешествие вместе с братьями, и в марте 1932 года она осталась на пристани Неаполя, с которой отплыл Чаплин. Больше они не виделись.

Сначала братья направились в Сингапур. Там Чаплин заболел лихорадкой. После его выздоровления они поехали на Бали, отчасти с намерением поглазеть на полуобнаженных островитянок. Чем не развлечение для двух мужчин среднего возраста?

На Бали Сидни и Чарли познакомились с американским художником Элом Гиршфельдом, который жил в деревне Ден-Пасар. Слуги Гиршфельда не узнали Чаплина, поскольку в этой местности не было кинотеатра, и тот, по словам хозяина, захотел провести эксперимент. Чарли

решил ненадолго стать Бродягой и в отсутствие котелка воспользовался тропическим шлемом. Гиршфельд вспоминал: «Чарли надел шлем на голову, и тот подпрыгнул вверх, словно живой. Нисколько не обескураженный, он с невозмутимым видом снова надел головной убор. И шлем опять соскочил у него с головы». Это был старый трюк, практиковавшийся в мюзик-холлах, но аборигены заходились от смеха, думая, что у Чаплина волшебный шлем. Он не мог не попытаться пленить аудиторию, даже самую маленькую и непритязательную.

С Бали братья отплыли в Японию. В Токио Чаплина через восторженную толпу вел полицейский. По поводу чайной церемонии Чарли заметил, что западному человеку она может показаться слишком затейливой или тривиальной. «Но, если мы согласимся считать высшей целью жизни поиски прекрасного, то что может быть рациональнее, чем снабдить прекрасным обыденное?» — добавил он. Театр кабуки произвел на Чаплина огромное впечатление. Он посетил несколько спектаклей. Его интересовали сложный грим и формализованные движения исполнителей. Это напоминало суть его собственного искусства. Актер театра кабуки мог принять

стилизованную позу, чтобы в полной мере передать свой характер, а Чаплин для создания образа маленького человека точно так же «опирался» на позы и движения. Японские актеры накладывали на лицо толстый слой белого грима, приготовленного из рисовой пудры, а лицо Чаплина в фильмах было таким неправдоподобно белым, что напоминало маску. Он инстинктивно нащупал приемы, которые в Стране восходящего солнца использовали уже сотни лет.

В Токио Чарли невольно оказался в центре политического заговора. В середине мая, на следующий день после его прибытия, группа армейских и флотских офицеров убила премьер-министра Японии. Эти люди также намеревались убить… Чарли. Один из заговорщиков был допрошен в суде.

Судья. Какой был смысл в убийстве Чаплина?

Заговорщик. Чаплин — очень популярная личность в Соединенных Штатах, и к тому же его весьма ценят в капиталистических кругах. Мы рассчитывали, что его убийство вызовет войну с Америкой и что таким образом нам удастся одним выстрелом убить двух зайцев.

Точно не известно, понравилось ли Чаплину

утверждение, что «его очень ценят в капиталистических кругах».

В начале июня братья отплыли из Иокогамы в Сиэтл. Мировое турне Чарли Чаплина подошло к концу. Он видел много такого, что подействовало на него угнетающе, но тяжелее всего ему было смотреть на толпы безработных. Безработица стала настоящим бедствием для человечества. Говорили, что скоро ручной труд будет настолько дешев, что людей повсеместно заменят машины… Чаплин называл это ужасной жестокостью. Над этой проблемой он будет размышлять при подготовке к следующему фильму. Чарли был готов начать работу над «Новыми временами» (Modern Times).

15. Бродяга уходит

Чаплин начал делать заметки для фильма «Новые времена» на борту судна, когда возвращался в Соединенные Штаты. Он также разработал «экономическое решение» финансовых проблем, причем не своих собственных — их у Чарли не было, а всего мира. Впрочем, в определенной степени это решение повлияло на фильм. Теория была не очень убедительной, поскольку в ее основе лежала идея создания международной валюты, однако это свидетельствует, насколько серьезно Чаплин размышлял о состоянии современного ему индустриального общества.

Чарли опять не знал, как начать фильм. Он испытывал то, что французы называют дежавю, — вернувшись, Чаплин увидел, что Голливуд сильно изменился. Звезды немого кино, которые не смогли перейти к звуку, ушли. Их тут же заменили другие. Чарли считал, что студии превратились в промышленные предприятия, сковывающие, как он выражался, свободный дух кино. Новые камеры были слоноподобными, звуковое оборудование громоздким и неудобным,

а актерам приходилось лавировать среди бесконечных проводов и переключателей. Чаплин, по его словам, стал серьезно задумываться, не продать ли ему все свое движимое и недвижимое и не уехать ли в Китай. Это был еще один элемент замысла «Новых времен».

Чарли предстояла очередная битва с бывшей женой Литой Грей, на сей раз последняя. Летом он подал иск в суд с требованием запретить его сыновьям работать в киноиндустрии. Он не хотел, чтобы эксплуатировали самих мальчиков. Или имя Чаплина? Так или иначе, ему удалось настоять на своем. Чарльзу Чаплину-младшему исполнилось семь, а Сидни Чаплин был на год младше. Теперь, когда дети достигли возраста, когда с ними стало интересно общаться, Чаплин регулярно виделся с сыновьями. Чарли-младший вспоминал, что отец показывал им свои первые фильмы в комнате для просмотров, которая была оборудована в его доме. «Вот, сейчас появится маленький человек, — говорил он, потирая руки в радостном предвкушении. — Да, вот он, рядом с большим парнем с перебинтованной ногой. Это означает неприятности. Смотрите, мальчики!» Иногда отец ходил с сыновьями в приморский парк развлечений. Он говорил, что атмосфера

балагана и ярмарки всегда волновала его и доставляла удовольствие. Кстати, Чаплин оставлял официантам чаевые в размере 10 процентов от суммы счета, не больше и не меньше, но мог дать парикмахеру лишние 5 долларов за хорошую работу.

Чарльз также вспоминал переменчивый характер отца — он мог быть сторонником строгой дисциплины, непревзойденным лицедеем, молчальником, печальным мечтателем или дикарем с Борнео с его вспышками вулканического темперамента.

Старший сын Чаплина свидетельствует, что его отец всегда хранил даже огрызки карандашей. Чаплин читал дешевые детективные романы — рядом с его кроватью всегда лежала их стопка. Он любил английскую кухню, особенно ростбиф и печеный картофель. О себе обычно говорил в третьем лице и страдал от расстройства желудка на нервной почве. За столом Чаплин требовал от сыновей, чтобы они сидели прямо и не разговаривали, пока к ним не обратятся. Чарльз также отмечал, что сила гнева их отца всегда до такой степени не соответствовала вызвавшей его причине, что они невольно пугались.

Чаплин нашел новую актрису на роль герои-

ни. Впервые он увидел Полетт Годдар во время прогулки на яхте общего друга. Девушка показалась ему прелестным маленьким лучиком света, который он искал. В то время Годдар была мало известна. Она снялась в одном фильме Сэмюэла Голдвина и только что заключила контракт со студией Hal Roach. Чарли вспоминал ее первые слова, обращенные к нему: «Мистер Чаплин, я была замужем, и я разведена. Я хочу познакомиться и подружиться с величайшим актером Голливуда, то есть с вами». Она была хорошенькой, умной, отважной и имела склонность дурачиться, что так нравилось Чаплину. Полетт сказала, что ей 17 лет, хотя на самом деле ей уже исполнилось 22 года. Очень скоро Чаплин стал делать ей дорогие подарки — даже бриллианты — и по ее настоянию купил яхту с говорящим названием Panacea. На этой яхте он и отправился с друзьями на остров Каталина в 35 километрах от побережья Калифорнии.

Вскоре Полетт переехала к нему. Они вместе ходили в ночные клубы, на боксерские матчи, а также предавались другим удовольствиям городской жизни. Полетт Годдар быстро подружилась с сыновьями Чаплина. Мальчики с самого начала обожали ее. Они воспринимали Полетт как стар-

шую сестру, а она, в свою очередь, устраивала семейные прогулки и праздники. Полетт взяла на себя все домашние обязанности и управление делами, так что Торики Коно, 16 лет бывший слугой и шофером Чарли, попросил расчет. Он его получил — Чаплин не был сентиментален в таких делах.

Он очень хотел снова работать, но не мог начать фильм. Годдар помогла ему решить и эту проблему. Вскоре Чарли понял, что у девушки природный комедийный талант, а мальчишеские манеры сделают Полетт идеальной партнершей для Бродяги. Так и получилось. Чаплин выкупил контракт Годдар со студией Hal Roach, заставил ее вернуть свой естественный цвет волос — из блондинки Полетт превратилась в шатенку — и нанял для нее преподавателей пения и танцев.

У фильма «Новые времена» было несколько источников вдохновения. Чаплин уже много лет говорил о картине, которая станет сатирой на фабричную систему, но пока ее не снял. Он вспомнил один разговор с журналистом из Детройта. Тот, в частности, рассказал, что крупные автомобильные заводы сманивают к себе здоровых молодых фермеров, а те после нескольких лет работы на конвейере заболевают нервными

расстройствами.

Кроме того, интерес Чаплина, как он сам говорил, вызвала резиновая лента в одном из ресторанов Лос-Анджелеса, которая увозила грязную посуду на мойку. Должно быть, он увидел комедийные возможности этого механического приспособления — точно так же важным «действующим лицом» фильма «Контролер универмага» когда-то стал эскалатор. Возможно, Чарли также вспомнил случай из раннего детства, когда он устроился на работу в типографию. Его поставили к печатной машине. «Она загремела, залязгала, заворчала, словно готовилась сожрать меня», — писал он впоследствии. Именно это чуть и не произошло с героем «Новых времен». Впоследствии Чаплин говорил, что фильм начался с абстрактной идеи, с потребности что-то сказать о жизни, в которой все стандартизировано и ограничено, а люди превращены в машины.

Летом 1933 года новая работа Чаплина была анонсирована в прессе с указанием, что действие картины будет разворачиваться на окраине большого города, в котором много фабрик. Предлагались различные названия, в том числе «Народ» и «Массы», а первые наброски сценария дают основания предполагать, что интерес Чар-

ли к экономическим проблемам подталкивал его к созданию отнюдь не комедии, а серьезного фильма. На фабрике предполагали снять сцены, в которых рабочие разбивают машины. «Люди могут сговориться и сломать машину. Они поставили меня сюда ради этого, но я ничего не знал об их плане», — так считал Бродяга. Было очень важно, чтобы он оставался наивным и заблуждался.

Однако намерения Чаплина, по всей видимости, изменились. Одна из газет сообщила, что он собирается высмеять экономическую программу Рузвельта и фабричную систему, и Чарли выступил с заявлением, что является большим поклонником президента и полностью поддерживает его политику. У него не было желания восстанавливать против себя кого бы то ни было… Чаплин решил, что создаст комедийную картину без попыток комментировать либо высмеивать общественные или политические проблемы. Его дело — развлекать публику.

Полетт Годдар отводилась роль девчонки-сорванца. Чарли так описывал ее отношения с Бродягой: «…это две счастливых души, зарабатывающие на жизнь сомнительными способами. У них нет романтики в отношениях, это два товарища — сообщники, партнеры, младенцы в

джунглях».

Впрочем, весной 1934 года Чаплин все еще «нащупывал» сюжет. Его сын, Чарльз-младший, утверждает, что в тот период мрачное настроение отца стало заметнее, вспышки гнева участились. Сын считал, что причиной этого был страх неудачи. Чаплин по-прежнему не решался использовать звук, однако подготовил сценарий с диалогами и снял одну сцену с синхронизированной речью:

Бродяга. Нет… послушай, где ты живешь?
Девушка. Нигде… здесь… там… где-нибудь.
Бродяга. Где-нибудь? Это недалеко от меня.

Однако Чарли не верил в успех эксперимента и вместо голосов записал музыкальное сопровождение, которое могло использоваться для создания комедийного эффекта. Его старший сын также вспоминал, что все в Голливуде считали отца безумцем… Он больше не в состоянии снимать фильмы — об этом говорили на каждом углу.

Чаплин начал снимать «Новые времена» осенью 1934 года, и работа над фильмом заняла почти год. Декорации фабрики для первых сцен соорудили в студии — они обошлись в 50 тысяч долларов. Машину из дерева и резины, в которую

затягивает Бродягу, покрасили специальной краской, имитирующей сталь. Также был арендован участок площадью два гектара поблизости от порта Лос-Анджелеса, чтобы создать индустриальный пейзаж. Расходы оказались настолько велики, что Чарли работал с готовым сценарием. Он понимал, что любые задержки или импровизации сделают картину очень дорогостоящей. Годдар в своих воспоминаниях пишет, что в первый съемочный день появилась на студии при полном параде: «Чарли взглянул на меня, покачал головой и сказал: «Не то. Определенно не то». Он приказал мне снять туфли, сменить костюм и стереть косметику. Потом вылил на меня ведро воды». Работать с Чаплином всегда было непросто, а теперь многие актеры просто боялись его. Когда Чарли выходил из себя, будучи в костюме и гриме своего героя, он кричал и жестикулировал так, как это делал бы сам Бродяга…

Летом 1935 года Чаплин показал черновую версию фильма руководителю советского кинематографа Борису Шумяцкому, который тут же сообщил американской газете Daily Worker, что «Новые времена» будут едкой сатирой на капиталистическую систему. Шумяцкий даже утверждал, что убедил Чарли изменить концов-

ку, чтобы продемонстрировать кинозрителям необходимость активной борьбы с эксплуататорами.

В такой рекламе Чаплин нуждался меньше всего. Генеральный директор студии Альфред Ривз был вынужден выпустить заявление о том, что товарищ Шумяцкий видит глубокий социальный подтекст в сценах, которые мистер Чаплин считает смешными. Далее Ривз прибавил: «Могу заверить вас, что эта картина предназначена для развлечения, и, возможно, уместно будет также сказать, что цель мистера Чаплина, снимающего этот фильм, — сделать деньги». Другими словами, Чарли никоим образом не выступал против капиталистической системы. В маркетинговой кампании к фильму публике предлагались ботинки Чаплина, котелки Чаплина и флажки с изображением Чаплина. Нанятые двойники Чаплина стояли перед кинотеатрами с плакатами: «Я вернулся!»

Последние стадии монтажа осложнились проблемами с музыкой. В начале осени 1935 года на должность аранжировщика Чаплина пригласили 23-летнего Дэвида Раскина. Для молодого человека это стало тяжелым испытанием. Он вспоминал, что, подобно многим добившимся

успеха собственными силами автократам, Чаплин требовал от сотрудников безоговорочного подчинения. Когда Раскин осмелился не согласиться с работодателем, его тут же уволили, хотя музыкант всего-навсего сказал: «Мне кажется, мы можем это улучшить». Впрочем, Альфред Ривз убедил Чаплина снова взять Раскина.

Чарли приходил на студию с одной или двумя музыкальными фразами в голове. Раскин записывал их, и они вдвоем работали над партитурой. Чаплин говорил: «Здесь не помешало бы немного Гершвина» или «Тут нам нужна одна из мелодий Пуччини». Они часто спорили. Чаплин был еще более упрям и неуступчив, чем прежде, так что иногда Раскин не выдерживал и выходил из студии. «Я не могу вернуться, — жаловался он ассистенту. — Мне хочется стукнуть его по носу».

Чаплин ссорился и с Альфредом Ньюменом, музыкальным директором компании United Artists. Он все время требовал перезаписать звук, и иногда оркестр был вынужден играть один отрывок 20 или 30 раз. Сам Ньюмен работал по 16 часов в сутки и пять раз в неделю ночевал на студии. Когда Чаплин на репетиции обвинял оркестр в том, что музыканты халтурят или не стараются, Ньюмен швырял свою дирижерскую палочку и

заявлял, что больше никогда не будет работать с этим… этим… режиссером. Раскин становился на сторону Ньюмена, снова навлекая на себя гнев работодателя. В своем стремлении к совершенству Чаплин замучил всех.

Премьера «Новых времен» состоялась 5 февраля 1936 года в театре Rivoli в Нью-Йорке. Неделю спустя фильм показали в Голливуде, в Grauman's Chinese Theatre. Признание было мгновенным. Критик из New York Times заявил, что Чаплин вернул себе звание короля клоунов, а журналист New Masses восторгался тем, что такая картина снята и вышла на экраны. Он называл это эпохальным событием. Однако публика приняла «Новые времена» не столь восторженно, и окупить затраты фильм смог лишь после того, как его стали показывать в других странах.

Эптон Синклер, американский писатель, выпустивший более 90 книг в различных жанрах, и один из отцов разоблачительной журналистики, писал: «Эпизоды на фабрике очень интересные и очаровательные, но остальное просто повторяет старый материал Чарли». Синклер полагал, что первые сцены, оригинальные и образные, когда у Бродяги случается нервный срыв из-за бешеного темпа работы на конвейере, получились самыми

впечатляющими. Их сила объяснялась тем, что борьба маленького человека с современной технологией отражала трудности самого Чаплина в изменившемся мире кино.

Безусловно, в более широком смысле слова фабрика олицетворяла современный мир, в котором Бродяга был лишним. Это персонаж начала века, «аристократ», старающийся скрыть, что сейчас он нищий. Тем не менее некоторые из следующих сцен снова погрузили зрителей в знакомый чаплиновский мир бурлеска с убегающими преступниками и заключенными, глупыми полицейскими и неуклюжими официантами, эскалаторами и роликовыми коньками. Можно сказать, что при столкновении со сложностями современного мира он обратился к миру, который ему был знаком лучше всего.

В картине есть великолепные кадры. В одном из эпизодов Бродяга поднимает флаг, выпавший из фургона, и размахивает им, а потом вдруг обнаруживает, что возглавил демонстрацию бастующих рабочих. Стало быть, флаг был красный… В конце фильма Бродяга выходит, чтобы спеть песню. Слова он не помнит — текст записан у него на манжетах. Конечно, Бродяга их теряет и поет песню, состоящую из смеси слов, похожих

на итальянские и французские:

Ла спинаш о ла бушо

Сигаретто порто белло…

Так зрители впервые услышали голос Бродяги — Чаплин ответил на вызов, брошенный ему звуковым кино.

В самом конце, когда Бродяга и девушка идут по длинной извилистой дороге навстречу восходящему солнцу, Чарли вновь погружается в молчание. Последние титры фильма: «Не нужно унывать! Проживем».

Это было последнее появление на экране маленького человека. Возможно, именно поэтому в «Новых временах» Чаплин повторил так много знакомых сцен из своих предшествующих фильмов — так он прощался со своим персонажем.

Бродяга уходит вдаль, и становится ясно: у него никогда не будет дома, он навсегда останется странником. Когда-то он был грубым и вульгарным, затем стал мягче и изобретательнее, чуть позже превратился в символ человечности, а в конце творческого пути своего создателя он уже романтик, исполненный жалости. Но в любом воплощении Чарли не вписывается в этот мир, он тут чужой. Чаплин понял, что время Чарли

закончилось.

После премьер в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе Чарли снова захотел сбежать. В феврале 1936 года он вместе с Полетт Годдар и ее матерью отплыл в Гонолулу на пароходе Coolidge. Они отсутствовали пять месяцев, и, по словам Чаплина, во время этого путешествия он женился на Полетт. Годдар это подтверждает: «Мы поженились и посетили Бали, Индокитай, Китай и другие подобные места». Несмотря на заявления обеих сторон, никакие документы, подтверждающие этот брак, не были найдены. Возможно, сие была хитрость, предназначенная для того, чтобы усилить позиции Годдар в Голливуде. При этом нам известны сдержанные комментарии, которые дают основания предположить, что каникулы вовсе не были безоблачными.

В путешествии Чаплин не прекращал работать. У него был сюжет для фильма о бедной русской аристократке, которая тайком проникает на борт океанского лайнера, где влюбляется в американского дипломата. Этот замысел реализуется 30 годами позже в фильме «Графиня из Гонконга» (A Countess from Hong Kong). Чаплин снова стал размышлять над картиной о Наполеоне, причем играть Корсиканца собирался сам. Кроме того, он

купил права на экранизацию романа под названием «Регентство» (Regency), возможно полагая, что Полетт может сыграть отважную героиню из лондонского общества начала XIX столетия. Эти планы не были реализованы.

Годдар позже рассказывала: «Когда мы вернулись, он собирался сочинять для меня другую картину. Но вы знаете Чарли — это может занять у него вечность!» Она была слишком честолюбивой, слишком нетерпеливой, чтобы ждать его вдохновения до скончания следующего столетия. Теперь Годдар, несмотря на недовольство Чаплина, серьезно раздумывала над ролью Скарлетт О'Хара из «Унесенных ветром» по роману Маргарет Митчелл. Летом 1937 года Полетт участвовала в пробах, но режиссеру они не понравились, и роль ей не досталась. Чаплин по-прежнему искал для нее подходящий материал. Он написал три сценария, которые затем по разным причинам отверг. Годдар ждала.

Похоже, они серьезно ссорились. Один из современников вспоминал, что Чаплин превратился в настоящего затворника. Другой описывал его как нервного и ожесточенного типа… Справившись — так или иначе — с затянувшимся раздражением, Чарли со своим новым другом и партнером по

теннису Тимом Дюраном решил отправиться на морской курорт Пеббл-Бич в Калифорнии. Кстати, впоследствии Дюран стал его личным представителем в компании United Artists. Чаплин пробыл там первые месяцы 1938 года и поначалу пытался держаться особняком. Однако довольно скоро он стал своим в местном обществе, состоящем из очень богатых людей. Дюран вспоминал один вечер, когда Чаплину не хотелось ужинать ни с кем из соседей, но тем не менее они приняли приглашение. «Все собрались вокруг него — вы понимаете. И он был героем. У него были зрители, и он не мог уйти — остался до трех утра. А после этого захотел выходить в свет каждый вечер, потому что они считали его великим артистом и милым человеком», — пишет Дюран. Именно в Пеббл-Бич Чаплин начал серьезно размышлять над ролью, которая стала самой амбициозной и грандиозной во всей его творческой жизни.

16. Новый персонаж

Незадолго до этого Чарли видел вырезку из газеты, в которой сообщалось, что Адольф Гитлер запретил показывать его фильмы в Германии на основании того, что Чаплин на него похож. «Подумай, — сказал Чарли старшему сыну. — Он безумец, а я комик. Но могло быть наоборот». Чаплин не мог не знать о том, что происходит в Европе. В начале весны 1938 года Германия присоединила к своей территории Австрию. В это время Чаплин и задумался над возможностью сыграть смешного… диктатора.

Сходство между Чаплином и Гитлером действительно поражало. Оба родились в апреле 1889 года, с разницей в четыре дня. У обоих отцы пили. У обоих в семье были сумасшедшие и незаконнорожденные. Они носили одинаковые усы — Чаплин в фильмах, а Гитлер в жизни. Ходили даже слухи, что Гитлер скопировал внешность героя Чаплина, пытаясь таким образом добиться любви и преданности масс. Первое впечатление Чарли от Гитлера было таким: «Мое неудачное воплощение». Они оба представляли маленького

человека, сражающегося с силами современного общества, и обладали одинаковым даром привлекать миллионы людей при помощи почти гипнотической магии.

Оба были превосходными актерами, которых вдохновляло ощущение собственной непохожести на остальных. Оба были необыкновенно фотогеничными. Чаплин только играл Бродягу, тогда как Гитлер в 20-летнем возрасте действительно бродяжничал в Вене. Оба восхищались Наполеоном и отождествляли себя с ним. Оба любили музыку и были убеждены, что могут ее сочинять. Молодой знакомый Чаплина, Дэн Джеймс, писал: «Конечно, у него были некоторые качества, присущие Гитлеру. Он доминировал в своем мире. Он создавал свой мир. И мир Чаплина совсем не демократичен. Чаплин был настоящим диктатором». Бесчисленные свидетельства подтверждали, что на студии он вел себя как деспот. Дэвид Раскин вспоминал, что Чаплин требовал от сотрудников безоговорочного подчинения. Гитлер был похож на Чаплина склонностью искажать эпизоды собственной жизни, а также внезапными приступами апатии или лихорадочной деятельности. Все это дает основания предположить, что Чаплин обладал

уникальными данными для того, чтобы сыграть роль фюрера.

Серьезная работа над этим проектом началась осенью 1938 года. Чарли снова и снова просматривал документальные фильмы о Гитлере, изучая его манеры, запоминая каждый жест. «Этот парень великий актер, — говорил он. — Нет, величайший актер из всех нас». Один из его ассистентов вспоминал, как Чаплин кричал изображению Гитлера на экране: «Ты подонок, сукин сын, свинья! Я знаю, что у тебя на уме!» Решено, он сыграет роль Аденоида Хин-келя, диктатора Томэнии.

Права на предварительный сценарий под названием «Диктатор» (The Dictator) были зарегистрированы в ноябре. Как указывалось в анонсе, это была история о маленькой рыбке в океане, кишащем акулами, — явный намек на еврея-цирюльника, которого тоже сыграл Чаплин. Студия возражала против названия — они уже сняли одного «Диктатора». Чаплин изменил название на «Великий диктатор» (The Great Dictator). Сценарий объемом 300 страниц он закончил к сентябрю 1939 года. Это был первый фильм, к которому Чаплин готовился так тщательно.

Съемки начались без промедления. Чарли

волновался, как воспримет эту тему публика, поэтому работа шла в обстановке строгой секретности. Картину называли «Проект 6». Чаплин решил, что Ролли Тотеро, с которым он сотрудничал много лет, не справится со звуковым фильмом, и Тотеро перевели на должность помощника оператора у Карла Страсса. Сам Страсс пребывал в шоке — Чаплин ничего не знал об углах съемки, а его фильмы были полностью театральными. Работать с ним было очень скучно — оператор ставил камеру и включал ее, а Чарли и остальные актеры играли перед ней.

Чаплина нервировало, что во время съемок звукового фильма требуется соблюдать тишину. Он привык к слабому жужжанию и периодическим щелчкам старого оборудования, по ритму которых и ориентировался. Чарли не хватало смеха рабочих сцены. Его раздражало присутствие «посторонних» на съемочной площадке. «Кто все эти люди? — спрашивал Чаплин. — Они нам не нужны! Зачем мне гример? Я гримировал свое лицо задолго до его рождения!» Сотрудник, составлявший расписание съемок на день, отмечал, что это расписание могло быть пересмотрено в любой момент из-за того, что Ч.Ч., как его иногда называли, был недоволен отснятым материалом.

И по любой другой причине тоже.

От присутствующих не укрылось также, что, когда Чаплин впервые появился на съемочной площадке в военном мундире, в образе диктатора, он явно был более краток и резок, чем обычно. Надев костюм своего нового персонажа, он тут же перевоплотился в него. Чаплин импровизировал, когда произносил речи Хинкеля — бессмысленный набор слов, очень похожий на немецкую речь, но на самом деле ей не являвшийся. «Просто не выключайте камеры», — говорил он и разражался потоком резких гортанных звуков. Это был его старый трюк — имитировать звучание и ритм разных языков без всякого смысла.

Один из помощников Чаплина вспоминал: «Температура в студии была под 40 °С, но он работал без остановки, а в перерывах между дублями развлекал массовку сценами из «Шерлока Холмса» или забавными падениями. В конце дня он бывал серым, взмокшим от пота, измотанным, с полотенцем на шее». Осенью 1939 года, когда Чаплин снимал сцены в еврейском гетто, в одном из эпизодов большая дверь внезапно захлопнулась и придавила ему палец. Он, сопровождаемый Полетт Годдар, бросился в больницу, но на них там демонстративно не обращали внимания. «Когда

я увидел вас обоих, в гриме, — потом объяснил врач, — то подумал, что это парочка шутников из Голливуда решила немного поразвлечься».

Между тем в мире было очень неспокойно. Газета New York Times сообщала, что после вторжения немцев в Польшу в начале сентября 1939 года появились признаки, что Чаплин отложит съемки «Великого диктатора» до тех пор, пока будущее не станет более определенным. Однако маловероятно, что Чаплин мог добровольно отказаться от проекта. Зимой того же года и в первые месяцы 1940-го он снял сцены во дворце диктатора, а также натурные батальные сцены. Материала уже было много.

С апреля по июнь Чарли снимал финальный эпизод — кульминацию — с речью диктатора. Ее произносил сам Чаплин от лица цирюльника. Происходило это в то время, когда немцы оккупировали Бельгию и вторглись во Францию. По слухам, некоторые руководители United Artists говорили, что в сложившихся обстоятельствах фильм станет катастрофой, но Чаплин настаивал на том, чтобы выступить с таким заявлением: «Известие, что я прервал работу над фильмом, не имеет под собой никаких оснований. В настоящее время я занимаюсь монтажом, и картина будет

выпущена сразу после синхронизации звука. Теперь мир еще больше, чем прежде, нуждается в смехе». Тем не менее результатом своей работы Чаплин был не очень доволен. В сентябре 1940 года, за месяц до премьеры, он распорядился переснять сцены в гетто, снова наняв актеров. Чарли добивался совершенства. Он хотел сам написать музыку к фильму, но к концу съемок был так измучен, что даже не попытался. Съемки продолжались 559 дней и обошлись более чем в 2 миллиона долларов. Так много Чаплин еще не тратил ни на одну картину.

В роли безымянного цирюльника-еврея он предстает гораздо более смиренным и мягким, чем когда-либо был Бродяга, а вся его необузданная энергия перешла на роль диктатора Хинкеля. Можно даже сказать, что Хинкель олицетворяет анархическую и демоническую сторону характера Бродяги. На роль Бенито Муссолини — в фильме это Бензино Напалони — Чарли пригласил американского комедийного актера Джека Оуки. «Послушай, — возразил ему Джек, — во мне течет шотландская и ирландская кровь. Тебе нужно найти актера-итальянца». Ответ Чарли был обескураживающим: «А что смешного в итальянце в роли Муссолини?»

Разумеется, главную героиню играла Полетт Годдар, как и обещал ей Чаплин. Ей снова досталась роль сорванца, смелой и предприимчивой девушки из гетто, которая дает отпор немецкой солдатне. Чаплин просил Годдар приезжать на съемочную площадку ежедневно в 8.30, чтобы он мог сам сделать ей прическу. Ему вообще нравилось стричь жен и других женщин, с которыми он был близок.

У Полетт не вызывали восторга режиссерские методы Чаплина, включавшие разного рода угрозы и оскорбления. Его наставления по актерскому мастерству задевали самолюбие Годдар. Однажды Чаплин сказал своему старшему сыну: «Твоя мачеха сегодня очень много работала, но мне пришлось рассказать ей кое-что об актерской игре». Услышав это, Полетт заплакала.

Премьера «Великого диктатора» состоялась в Нью-Йорке 15 октября 1940 года. Обозреватель New York Times отметил, что ни одно событие в истории кинематографа не ждали с такой надеждой и волнением, как выход на экраны этого фильма, и ни одна лента еще не обещала таких грандиозных последствий. В рекламном буклете к фильму говорилось: «Этой картине еще не было равных по части ожиданий. Эта картина — поис-

тине общенациональное событие».

Конечно, буклет до некоторой степени преувеличивает, однако в то время факт, что самый известный в мире комик собрался пародировать самого ненавидимого из мировых лидеров, выглядел удивительным и безусловно был беспрецедентным. Как оказалось, у зрителей фильм имел бóльший успех, чем у критиков. Особенное одобрение он вызвал в Англии, страдавшей от последствий налетов немецкой авиации. Сборы были выше, чем от предыдущего фильма Чаплина. Бернард Шоу писал: «Чаплин больше чем гений. Он имя нарицательное, идол миллионов людей всех рас и вероисповеданий, любимец униженных и угнетенных. В эпоху, когда мир тяжело болен, маленький человек со смешными усиками становится кем-то вроде спасителя». Томас Манн подобного восторга не испытывал. Одному из друзей он сказал: «Мы увидели довольно слабую, но местами забавную пародию Чаплина на диктаторов».

В своем первом полноценном звуковом фильме с диалогами Чарли уже был в определенном смысле старомоден. В кульминационные моменты он обращается к фарсу, и этот стиль явно не соответствует содержанию. Немецкие штурмо-

вики, например, напоминают осовремененных кистонских полицейских. Разумеется, Чаплину не была известна вся правда о немецкой тайной полиции. Позже он признался: «Знай я тогда о подлинных ужасах немецких концлагерей, не смог бы сделать «Великого диктатора»…»

Между тем старая комедия не соответствовала новой ситуации. Она выглядела то блестящей, то глупой, с вкраплениями низкопробного фарса. Вербальные шутки в фильме плоские. Тем не менее визуальный юмор Чаплина, как всегда, острее бритвы. В самых ярких сценах фильма вообще нет слов. Известнейшая из них — та, в которой очарованный мечтой о мировом владычестве диктатор танцует «в паре» с глобусом (вернее, с воздушным шаром в виде глобуса) под звуки увертюры к опере Рихарда Вагнера «Лоэнгрин». За этим балетным шедевром следует сцена, когда цирюльник бреет клиента под звуки «Венгерского танца № 5» Иоганна Брамса. Оба эпизода — свидетельство кинематографического гения Чаплина, который пробивается через фальшивое и несколько сентиментальное возвращение к гротеску.

Речь в конце фильма, в которой Чаплин снимает маску и говорит от себя, с художественной

точки зрения, возможно, была ошибкой. Он, например, заявляет: «…ненависть людская преходяща, диктаторы погибнут, а власть, которую они отняли у народа, вернется к народу». Фильм не должен заканчиваться напыщенным повторением того, что можно назвать банальным.

Вот показательный случай из жизни Чаплина. Однажды они с Бастером Китоном пили пиво на кухне у Китона. «Что я хочу, — сказал Чаплин, — так это чтобы у каждого ребенка были еда, башмаки на ногах и крыша над головой!» — «Но, Чарли, — удивился Китон, — разве ты знаешь кого-нибудь, кто этого не хочет?» Возможно, это лучший ответ на финальную речь в «Великом диктаторе».

Гильдия кинокритиков Нью-Йорка присудила Чаплину премию как лучшему актеру, однако он отказался получать ее. Ч.Ч. считал, что актерская игра — всего лишь маленькая часть его достижений в «Великом диктаторе». Его агент по рекламе заметил: «За свою жизнь Чарли Чаплин не раз подвергался нападкам, подчас заслуженно. Но я сомневаюсь, что можно нанести ему большее оскорбление, чем назвать просто актером». В прошлом Чаплин уже отказывался от наград. Одну из них он отослал назад, сопроводив запиской:

«Не думаю, что вы компетентны для того, чтобы оценивать мою работу».

По слухам, Гитлер видел «Великого диктатора». После войны один из бывших чиновников отдела кино немецкого Министерства культуры рассказал Чаплину, что фюрер настаивал на том, что посмотрит фильм — один. Следующим вечером он снова посмотрел картину, и снова в одиночестве.

Американским кинокритикам не понравилась финальная речь, особенно призыв Чаплина: «Солдаты! Не поддавайтесь этим бестиям… Тем, кто муштрует вас, сажает вас на паек, обращается с вами как со скотом и использует вас как пушечное мясо!» Он вроде бы обращался к немецким солдатам, но эти слова могли трактоваться и гораздо шире. В эпоху изоляционизма их посчитали излишне провокационными, и журналист Эд Салливан, который вел авторскую колонку в одной из газет, обвинил Чаплина в том, что он «тыкал коммунистическим пальцем», чтобы взбудоражить зрителей. Возможно, в словах Салливана была доля правды. В Англии компартия выпустила речь из фильма в виде памфлета. Кинокритик Daily Worker, ежедневной газеты коммунистов, описывал ее как красноречивый

призыв к миру и выпад против рузвельтов, черчиллей и всех маленьких гитлеров мира, которые поддерживали войну.

Чаплин приехал на премьеру фильма в Нью-Йорк. Он снял квартиру с видом на Ист-Ривер и обдумывал здесь планы на будущее. Говорили, что Чарли задумал картину о беженце в Нью-Йорке или о пьянице, который влюбляется в хористку. Обе идеи впоследствии были реализованы, но в другой форме.

Когда Чарли вернулся в Голливуд, Полетт Годдар уже уехала из его дома. Развелись они только через два года, но это был окончательный разрыв. Полетт надоели попытки Чаплина полностью подчинить ее. Она решила сама делать карьеру, без его опеки. И без его критики. «Мы с вашей мачехой, — сказал Чарли сыновьям, — разошлись во взглядах».

В этот период он был очень угрюмым и подавленным. Чаплин признался одному из сыновей, что всегда хотел стать скрипачом в оркестре, и жаловался окружающим, что все его фильмы в той или иной степени неудачны. Во время одного интервью журналист обратил внимание на его улыбку. Она казалась заискивающей, но, если сидеть сбоку и видеть ее, обращенную к

кому-то другому, можно заметить, что губы растягиваются механически, а взгляд у Чаплина отсутствующий. Между тем одна из самых больших катастроф в личной жизни Чарли была уже не за горами.

17. «Давайте работать и сражаться!»

Чаплин недолго оставался один. После расставания с Полетт Годдар он встречался со многими женщинами, и одна из них привлекла его особое внимание. 22-летняя Джоан Берри приехала в Голливуд из Бруклина тремя годами раньше с намерением стать киноактрисой. Вполне обычное желание для девушки, отличавшейся необыкновенной красотой, но Берри повезло, если так можно выразиться, — она познакомилась с Джоном Полом Гетти, американским промышленником, одним из первых в истории долларовых миллиардеров. Тот представил Джоан своим друзьям, и каким-то образом девушка оказалась в числе приглашенных на теннисный корт Чаплина. Так или иначе, вскоре они стали любовниками.

Впоследствии Чарли заявлял, что она явно преследовала его и он в каком-то смысле слова стал невольной или по крайней мере невинной жертвой честолюбия этой женщины. В 1941 году Чаплину исполнилось 52 года, и назвать

его неопытным было никак нельзя. Он мог бы устоять перед попытками сближения, если бы хотел. Однако Чаплин убедил себя, что у Джоан есть способности актрисы, и организовал для нее пробы. Незадолго до этого он приобрел права на экранизацию пьесы Артура Копита «Призрак и действительность» (Shadow and Substance) и теперь видел Джоан в роли главной героини. К концу 1941-го с мисс Берри заключили контракт. «Я могу сделать вывод, что у тебя есть талант, — говорил ей Чаплин, — просто поговорив с тобой». Они условились, что Берри будет посещать актерские курсы.

По словам Джоан, на близкие отношения с Чаплином она согласилась только после этого. До того их отношения ограничивались тем, что Чаплин, как сказала Джоан, ее лапал и тискал. Все остальное произошло в доме Чаплина, и, по словам Берри, своим успехом он был обязан собственному таланту убеждать. Она также отмечала, что Чарли очень гордился своими успехами у женщин *в этом смысле.*

Как-то раз они на яхте Чаплина отправились на уик-энд на остров Каталина. Там Берри и заявила, что любит его. Чарли, между тем, уже говорил ей, что с его стороны не может быть речи о любви.

Он хотел заняться сценарием к фильму по пьесе «Призрак и действительность», но никак не мог сосредоточиться. В книге «Моя биография» Чаплин вспоминает, как Берри приезжала в своей машине, у нее был «кадиллак», пьяная, ночью, и ему приходилось будить шофера, чтобы тот отвез ее домой. Однажды Джоан разбила свой автомобиль на подъездной дорожке к его дому. В конце концов Чаплин перестал открывать ей дверь. Тогда она начала бить стекла.

Чарли узнал, что Джоан не посещает актерские курсы, которые он оплачивал. Он сказал ей об этом, и девушка ответила, что не собирается становиться актрисой. И вообще ей нужны 5 тысяч долларов, чтобы вместе с матерью вернуться в Нью-Йорк. Получив деньги, она разорвет контракт. Чаплин, теперь считавший ее неуравновешенной и даже опасной, согласился. Сама Берри рассказывала совсем другую историю. К тому времени выяснилось, что она беременна. Чарли договорился с врачом в Нью-Йорке, чтобы ей сделали аборт, хотя в то время это было запрещено законом. Именно поэтому она поехала в Нью-Йорк. Но, прибыв на место, Берри передумала.

Через несколько недель она вернулась в Бе-

верли-Хиллс и сказала, что решила оставить ребенка. Берри вспоминала, как Чаплин кричал ей: «Ради всего святого, ты должна что-то с этим сделать!» Он позвонил Тиму Дюрану, и тот сумел договориться об аборте в Лос-Анджелесе. Берри рассказывала интервьюеру, что хотела оставить все как есть и родить ребенка, а Чаплин и Дюран заставляли ее согласиться на операцию. В конечном счете они сумели это сделать.

Свои политические взгляды, завесу над которыми Чаплин приоткрыл в «Великом диктаторе», он теперь стал высказывать публично, уже более ясно и определенно. Весной 1942 года Чарли предложили выступить в Сан-Франциско на митинге, организованном комитетом помощи СССР в войне. Он всегда волновался, обращаясь к толпе, но в данном случае воодушевление помогло побороть страх. Свою речь перед 9-тысячной аудиторией Чаплин начал обращением: «Товарищи!», и зал разразился бурными криками. Как раз в это время был заключен англо-советский договор, устанавливавший военное и политическое сотрудничество между Британской империей и Советским Союзом.

Когда крики утихли, Чаплин прибавил: «Именно так я и хотел сказать — товарищи! Надеюсь,

что сегодня в этом зале много русских, и, зная, как сражаются и умирают в эту минуту ваши соотечественники, я считаю за высокую честь для себя назвать вас товарищами». Он не остановился перед критикой соотечественников, заявив: «Мне говорили, что у союзников на севере Ирландии томятся без дела два миллиона солдат, в то время как русские одни противостоят двумстам дивизиям нацистов». Закончил свою речь Чаплин призывом отправить президенту Рузвельту 10 тысяч телеграмм с требованием открыть в Европе, в западной части континента, второй фронт против немцев, чтобы ослабить давление Гитлера на Советский Союз.

После другой речи на эту же тему, произнесенной в Лос-Андже-лесе, аудитория запела, прославляя победы Красной армии. Чаплину начинала нравиться роль публичного оратора — она тешила его самолюбие и позволяла проявлять актерские способности.

Два месяца спустя ему предложили обратиться по радио к профсоюзному митингу на Мэдисон-сквер-гарден в Нью-Йорке. Рассказывали, что огромная толпа, которую заранее предупредили, чтобы не прерывала оратора аплодисментами, затихла и вслушивалась в каждое его слово.

Чаплин снова призвал открыть второй фронт и заявил, что союзники должны стремиться к победе весной 1943 года. «Рабочие на заводах, фермеры на полях, граждане мира, давайте работать и сражаться ради этой цели!» — призвал он.

По сути, Чаплин еще раз пересказал суть своей финальной речи в «Великом диктаторе». Возможно, публичные выступления стали для него продолжением роли, сыгранной в фильме. Другими словами, он по-прежнему лицедействовал. Дуглас Фэрбенкс-младший считал, что та речь на Мэдисон-сквер-гарден была трагедией Чаплина и его жутким позором.

Осенью того же года Чарли принял предложение выступить на собрании «Артисты за победу в войне» в Carnegie Hall в Нью-Йорке, в котором участвовали такие знаменитости, как Орсон Уэллс и Перл Бак. В своей речи Чаплин отверг опасения, что после войны коммунистическая система распространится на весь мир, и заявил о собственной непритязательности. «Я могу, — сказал он, — жить на двадцать пять тысяч долларов в год». В это верилось с трудом.

Чаплин написал приветствие митингу «Да здравствует наш советский союзник», который проводился в Чикаго, а затем выступил в Нью-

Йорке на благотворительном ужине «Искусство для России», где в своей речи объявил гостям, что «русские чистки» были замечательной вещью, и прибавил: «…этими чистками коммунисты избавились от своих квислингов и лавалей… единственные люди, которые выступают против коммунизма и которые используют его в качестве пугала, — это нацистские агенты в этой стране». Старший сын Чаплина вспоминал, что в тот период в некоторых кругах отца принимали уже не так радушно, как раньше. Его больше не приглашали на уик-энд в загородные дома богатых и знаменитых американцев.

Чаплин произнес речь, которую должны были передать по радио в СССР, и записал другую — для английской аудитории, в которой сказал: «Я помню улицы Ламбета, Нью-Кат и Ламбет-уок, Воксхолл-роуд. Это были жестокие улицы, и никто не может сказать, что они вымощены золотом. Но люди, которые там жили, были сделаны из благородного металла».

В конце 1942 года журналист Вествуд Пеглер заметил: «Недавно Чаплин сказал, что он настроен прокоммунистически, а это значит, что антиамерикански». Пеглер обвинил Чаплина в том, что тот скрывал свои политические взгляды, пока не

заработал достаточно денег, чтобы защитить собственные коммерческие интересы. Журналист задал вопрос, на который через несколько лет Чаплину все-таки пришлось ответить, причем не частному лицу, а более чем серьезной структуре: «Как и многие американцы, я хотел бы знать, почему Чарли Чаплину позволили больше сорока лет жить в Америке, не принимая гражданства?»

Чаплин всегда утверждал, что он не коммунист, хотя и выражал восхищение советским режимом. В 1943 году он еще раз бурно аплодировал СССР как смелому новому миру, который дает надежду и который манит простого человека. В этом мире, говорил Чарли, стремление к справедливости и свободе все больше расцветает с каждым годом. «Теперь, когда родовые муки подошли к концу, эта красота сохранится навек».

В начале XXI века сказанные им слова могут показаться фальшивыми, но тогда подобные чувства разделяли многие. Среди друзей и знакомых Чаплина в Голливуде были несгибаемые левые радикалы, например писатели Дональд Стюарт и Клиффорд Одетс. Он также подружился с бежавшими из Европы Бертольтом Брехтом и Фрицем Лангом, образовавшими эмигрантскую общину, атмосфера в которой была пропитана гневом и

горечью. Голливуд стал убежищем для многих еврейских артистов и писателей, спасшихся от нацистов. Особенно сблизился Чарли с композитором Гансом Эйслером, хотя того и подозревали в шпионаже на СССР. Дружбу с Эйслером впоследствии Чаплину поставят в вину.

Поверить в то, что Чарли действительно был предан идее коммунизма, трудно. Он зарабатывал и продолжал зарабатывать большие деньги на фондовой бирже, и его с полным основанием можно было назвать олицетворением человека, который всего добился собственным трудом. Друзья считали его, как выражались в те времена, салонным социалистом или либералом в лимузине, готовым принять социалистические убеждения без какой-либо попытки воплотить их в жизнь.

В то же время Чаплин искренне ненавидел несправедливость и угнетение. Всю свою жизнь он боролся против авторитарного контроля и власти. Однажды Чарли признался: «Я знаю, что такое унижение, а унижение — такая штука, которую не забудешь никогда». Этот урок он усвоил в детстве. Правильнее было бы сказать, что Чаплин был приверженцем свободы со склонностью к анархизму. Но свободы он требовал для *себя* и

добился ее *сам*. Он не желал знать, к примеру, какой сегодня день недели, и никогда не носил часов. Этот неистовый индивидуализм и стал основой его политических взглядов.

Возможно и более простое объяснение, поскольку, как сказал Тим Дюран, в глубине души Чарли тщеславный человек, и он это признает. Ему нужно удивить людей, вызвать к себе интерес.

В конце 1942 года в жизнь Чаплина снова вошла Джоан Берри, хотя, если быть точными, она из нее никуда и не уходила. Об их непростых отношениях рассказывают разное. Берри была в Нью-Йорке, когда Чарли выступал на собрании в Carnegie Hall, и скорее всего билет на поезд из Калифорнии ей оплатил именно он. Впоследствии Джоан утверждала, что у них были интимные отношения и в то время. Возможно, она сделала еще один аборт. Возможно, снова были пьяные сцены в доме на Саммит-драйв и рядом с ним. В любом случае эта непростая и в каком-то смысле загадочная история лишь подчеркивает, каким непредсказуемым и деспотичным был Чаплин в личной жизни.

Вечером 23 декабря 1942 года Берри неожиданно явилась на Саммит-драйв. Чаплин то ли

отказался открыть ей дверь, то ли предложил подождать. Джоан вскарабкалась по садовой лестнице на второй этаж и все-таки проникла в дом. В руках у нее был пистолет. Берри направила его на Чаплина, но угрожала покончить с собой. В это время, в половине третьего ночи, к дому подъехали сыновья Чарли. Они увидели лестницу, приставленную к окну отцовской спальни. На траве лежали пара женских туфель, шелковые чулки и сумочка. Парни поняли: что-то случилось.

Они бросились в комнату. Чарли жестом остановил сыновей и спросил, что они тут делают. Похоже, Чаплин забыл, что Чарльз и Сидни здесь живут… Потом сказал, чтобы они шли к себе, и опять обратил свой взор к Берри, которая не выпускала из рук пистолет. Они проговорили около полутора часов, после чего решили, что пора спать. Джоан положила оружие на ночной столик. Потом Чаплин шутил, что никогда раньше не занимался любовью с заряженным пистолетом у головы. «Он сказал, — утверждала Берри, — что это нечто новенькое».

Второй раз Джоан пришла на Саммит-драйв неделю спустя и пробыла у Чаплина около часа. Затем он предложил отвезти ее домой, но по

дороге они снова поссорились. Тогда Чаплин «доставил» Берри в ближайший полицейский участок и оставил там. Эта женщина опять стала для него серьезной проблемой. На следующий вечер охранник увидел, как она с пистолетом в руке крадется по саду у дома на Саммит-драйв. Оружие секьюрити отобрал, а сама Джоан сбежала.

Берри добралась до дома подруги, которая позвонила в полицию Беверли-Хиллс и в редакцию газеты Los Angeles Herald Examiner. Она сообщила, что Чарльз Чаплин избил Джоан и та угрожает покончить с собой. Через несколько часов Берри обнаружили на переднем сиденье автомобиля якобы без сознания. В полицейском рапорте сообщалось, что она приняла большую дозу снотворного. Вызвали врача. Тот констатировал симулирование попытки самоубийства. После этого Джоан обвинили в бродяжничестве. На следующий день ее приговорили к 90 дням тюремного заключения и запретили в течение двух лет появляться в Лос-Анджелесе.

Конечно, Берри вернулась раньше. В начале мая 1943 года она опять явилась на Саммит-драйв, чтобы сообщить Чаплину, что снова беременна. Джоан проникла в дом через черный ход и поднялась по лестнице в спальню Чарли. Она

рывком открыла дверь и увидела в его постели обнаженную женщину. Сам Чаплин, полностью одетый, сидел на краю кровати.

Картина вызвала у Берри истерику. Она сбежала вниз. Чаплин последовал за ней и попросил подождать у бассейна. Он пообещал выйти и поговорить с ней. Джоан ждала 20 минут, а затем, разозленная его долгим отсутствием, разбила пепельницу и безуспешно пыталась перерезать осколками запястья. Дворецкий Чаплина отвез ее в гостиницу.

Берри начала использовать другие средства для атаки на Чаплина. Следующим утром она отправилась домой к Гедде Хоппер, американской актрисе и обозревательнице светской хроники, специализировавшейся на слухах о мире кинематографа и жизни его звезд. Джоан сообщила, что Ч.Ч. обещал сделать ее актрисой, а потом соблазнил. Теперь она беременна от него, а Чарли не желает ее знать. Хоппер отправила Берри к своему врачу, который подтвердил — женщина ждет ребенка. Гедда почуяла сенсацию, но нужно было проверить факты и выяснить подробности.

Обнаженная девушка в постели Чаплина была Уной О'Нил, дочерью знаменитого драматурга Юджина О'Нила. Они познакомились в 1942 году.

Уне было 17 лет, и Чарли ее предложили как кандидатку на роль Бриджет в экранизации пьесы «Призрак и действительность», хотя эта роль изначально предназначалась Джоан Берри. Уна О'Нил привыкла к жизни среди богатых и знаменитых. Она сменила несколько частных школ и сама стала, что называется, лицом Нью-Йорка. Светские хроникеры называли Уну знаменитостью в мире завсегдатаев кафе, а весной 1942-го она была удостоена звания «дебютантка года». Именно тогда Уна решила бросить учебу в колледже Вассара и стать киноактрисой.

Агент по найму киноактеров Минна Уоллис решила, что это и ее шанс, и связалась с Чаплином. Он пришел домой к Уоллис и чуть ли не на пороге был сражен красотой и самообладанием девушки. Через несколько дней после этой встречи Уна О'Нил появилась у ворот студии Чаплина. Альфред Ривз и Ролли Тотеро совсем не обрадовались очередной юной красавице в жизни Чаплина. Видимо, они пытались отговорить его от опрометчивых действий.

Минна Уоллис еще раз позвонила Чарли и сообщила, что ее клиенткой заинтересовалась студия Fox. Это известие подтолкнуло его к немедленным действиям, и контракт был заключен.

Чаплин решил, что будет сам давать Уне уроки актерского мастерства. Естественно, это предполагало, что они довольно много времени будут проводить вдвоем на Саммит-драйв. Потом Уна О'Нил вообще там поселилась, хотя Чаплин, помня о недавних событиях, колебался гораздо больше, чем раньше, и никак не мог решиться на этот шаг. Разница в возрасте между ними составляла 36 лет, но влечение к этой девушке пересилило все доводы рассудка.

Сыновья Чаплина, похоже, сразу смирились с присутствием в их доме новой красотки. Основания для этого были. Чарльз впоследствии вспоминал, что Уна обожала их отца, жадно ловила каждое его слово, неважно о чем — о последнем сценарии, о погоде или о смысле бытия.

Джоан Берри предприняла еще одну попытку поговорить с Чаплином. Он отказался выходить к ней. Джоан ждала его в машине, а Чарли, глядя на нее, шептал Тиму Дюрану: «Боюсь, она меня пристрелит». Потом он набрался смелости и… подошел к двери. Чаплин крикнул: «Грязная шантажистка! Убирайся отсюда! На этот раз я не шучу… Если не уберешься, окажешься в тюрьме!» Его дворецкий вспоминает: «Она выглядела молоденькой… Мне не нравится, когда

так разговаривают с людьми, даже с самыми плохими…» Вызвали полицию. Берри приговорили к 30-дневному заключению за нарушение условий досрочного освобождения. Ее поместили под круглосуточный надзор с целью предотвращения самоубийства. В тюремной больнице подтвердили, что Джоан на пятом месяце беременности.

В середине мая Чаплин решил объявить о своей помолвке с Уной О'Нил. Ей только что исполнилось 18 лет, и этот брак уже считался законным. Сама Уна писала матери: «…если я не выйду за Чарльза… то не выйду ни за кого. Это любовь всей моей жизни».

Однако Джоан Берри все еще не избавилась от иллюзии, что Чаплин любит ее. После освобождения она снова позвонила Чарли. Это было в начале июня. Чаплин согласился с ней встретиться. Он пытался добиться ее молчания. «Ты должна подумать обо мне, Джоан, — якобы говорил ей Чаплин. — Мне нужен покой. Джоан, если ты подашь в суд, то знаешь, как это будет. За тобой станут охотиться газеты, тебя будут снимать фоторепортеры». Потом Чарли заявил, что, даже если его признают отцом, его репутация будет испорчена, так что лучше ей не подавать иск.

Впрочем, замять скандал не удалось. В начале

июня в разделах светской хроники появились сообщения, что мать Джоан считает: было бы чудесно — в ожидании ребенка, — если бы ее дочь и Чаплин поженились. На следующий день Гертруда Берри подала иск с требованием признать Чаплина отцом еще неродившегося ребенка с выплатой 10 тысяч долларов на медицинское обслуживание ее беременной дочери Джоан и ежемесячного пособия в размере 2500 долларов на содержание малыша, когда он родится. Чаплин отрицал отцовство и отказался подписать досудебное соглашение. Шестеренки судебной машины вращались медленно. В процессе расследования окружному прокурору стало известно, что Чаплина могут обвинить в склонении к незаконным абортам. К делу подключилось ФБР. Его директору Джону Эдгару Гуверу была направлена записка «Информация, касающаяся Чарльза Чаплина». Если Чаплин оплатил Берри билет на поезд до Нью-Йорка и там у них были близкие отношения, то его могли обвинить в нарушении закона Манна, запрещавшего перевозить «жертву сексуального домогательства» через границы штатов.

Чаплин укрылся в доме друзей в западной части Лос-Анджелеса. Там его часто навещала Уна

О’Нил. Ее самая близкая подруга Кэрол Маттау вспоминает: «Уна чувствовала то, к чему всегда стремилась, но чего у нее никогда не было, — безопасность. Он не только был старше и к тому же великим человеком; он ее защищал, и она знала, что так будет всю жизнь». Однако Кэрол также признала: в обмен ее подруга должна была оставить какие-то грани своей личности дремлющими… До определенной степени она всегда должна была оставаться маленькой девочкой. Маленькой девочкой Чарли. Всегда быть единственной. До встречи с Чаплином Уна О’Нил была энергичной и независимой, и никто не мог сказать, сумеет ли она сдерживать себя достаточно долго.

Они поженились 16 июня 1943 года, через шесть недель после того, как Джоан Берри публично заявила, что беременна от Чаплина. Уна и Чарли выехали из Голливуда рано утром и прибыли в Санта-Барбару к открытию мэрии. Это был четвертый брак Чарли, если считать Полетт Годдар, и все предыдущие закончились катастрофой. Когда Чаплин должен был поставить подпись в книге регистрации, его пальцы дрожали так сильно, что он с трудом удерживал ручку.

Новобрачные остались на шесть недель в

Санта-Барбаре, где их, как это ни странно, не преследовала пресса. Они сняли дом, из которого не выходили целый день, а вечером отправлялись на неспешную прогулку по сельской местности. По словам Чаплина, они старались, чтобы их не увидели и не узнали. В этот период, который должен был быть заполнен безоблачным счастьем, Чарли впал в депрессию. Он боялся, что американская публика теперь отвернется от него и его карьера в кино закончится.

Тем не менее вскоре супруги обосновались на Саммит-драйв. Уна Чаплин оправдала все ожидания мужа. Она начала печатать сценарий следующего фильма и следила за тем, чтобы жизнь Чарли была по возможности спокойной. Их общая знакомая, Флоренс Вагнер, отмечала: «…зеркало ее трюмо увешано его фотографиями, и, вероятно, в этом доме наконец поселилось счастье». В письме к подруге, написанном летом того же года, Уна Чаплин писала: «Я теперь так счастлива — Чарли замечательный человек». Но это счастье подверглось суровому испытанию.

18. «Начинайте избиение»

Узнав о том, что Чаплин женился на Уне О'Нил, Джоан Берри погрузилась в опасное для нее самой и окружающих состояние истерии. На фотографии того периода она выглядит почти обезумевшей. Джоан жаждала мести. По всей видимости, в ожидании судебного разбирательства по обвинению в аморальном поведении Чаплин пытался найти свидетелей, которые бы заявили, что тоже состояли в интимных отношениях с Берри, вызвав сомнения в том, что отцом будущего ребенка является он. Вероятно, в этих поисках ему помогла чековая книжка.

В начале октября 1943 года Джоан Берри родила девочку. В феврале следующего года Чаплина обвинили в нарушении закона Манна (якобы он перевез Джоан через границу штата с аморальными целями), а также в сговоре с полицией Лос-Анджелеса, чтобы поместить ее в тюрьму за бродяжничество. Выносить приговор по всем статьям обвинения должен был суд присяжных. В случае признания виновным Чарли грозило тюремное заключение сроком до 20 лет, но он

сохранял веру в свою способность выстоять и преодолеть все трудности. Источником этой уверенности была вся его жизнь, но в первую очередь трудное детство.

Судебное заседание состоялось 21 марта. Сотни людей заполнили коридоры здания суда, чтобы взглянуть на Чаплина, когда он там появится, а фоторепортеров допустили в комнату, где у него снимали отпечатки пальцев. Это был грандиозный спектакль, и Чарли, возможно, втайне наслаждался им. Он даже шутил с журналистами. Тем не менее Чаплин рисковал лишением свободы. Его адвокат Джерри Гизлер спросил присяжных, считают ли они вероятным, что его клиент оплатил Берри 4828-километровое путешествие до Нью-Йорка, когда она и так отдавала ему свое тело в любое время и в любом месте, а затем прибавил, что доказательств нарушения закона Манна не больше, чем доказательств убийства.

Сама Берри дала свидетельские показания и подтвердила свое заявление о том, что в Нью-Йорке у них были интимные отношения. За ней последовали агенты бюро путешествий, персонал железной дороги и служащие отелей. Джон Пол Гетти тоже поднялся на трибуну для свидетелей

и подтвердил, что Берри после посещения Нью-Йорка приезжала к нему в Талсу. Эти показания снова поставили вопрос об отношениях Джоан с другими мужчинами.

Последним выступал обвиняемый. Чаплин опровергал утверждения Берри. В своих мемуарах Гизлер вспоминал, что Чарли оказался лучшим свидетелем, которого ему когда-либо доводилось видеть в зале судебных заседаний. «Он был убедителен, даже когда не подвергался перекрестному допросу, а просто сидел, одинокий и несчастный, в дальнем конце нашего стола. Он такой маленький, что пола касались лишь носки его туфель…» — пишет адвокат. Помните, что однажды заметила Вирджиния Черрилл? Чаплин всегда лицедействовал, всегда был «включен».

4 апреля под крики и шум в зале судебных заседаний Чаплин был оправдан по всем пунктам обвинения. Один из присяжных с улыбкой сказал ему: «Все в порядке, Чарли. Эта страна пока еще остается свободной». Когда Уна Чаплин услышала новость по радио, она упала в обморок… Тем не менее урон репутации Чаплина уже был нанесен, и сам Гизлер говорил, что суд над его клиентом проходил в такой атмосфере общественного осуждения, с какой ему еще не

приходилось сталкиваться.

Чаплин ждал решения суда о признании отцовства, которое должно было быть вынесено в конце года. К свидетельским показаниям, прозвучавшим в предыдущем суде, добавить было почти нечего, разве что свидетельства в его пользу. По результатам анализа крови три врача признали, что Чарльз Чаплин никак не может быть отцом ребенка Джоан Берри. В этот момент ее адвокат Джозеф Скотт решил воззвать к чувствам присяжных, правда очень некорректно. Он назвал Чарли седовласым старым хрычом, карликом, подчиняющим других своей воле, дебоширом и похотливым кобелем, который всегда лжет. Оскорбленный Чаплин повернулся к судье. «Ваша честь, — сказал он. — Я не совершил никакого преступления. Я честный человек, но он пытается сделать из меня чудовище». Скотт свернул свою атаку. Адвокат сказал присяжным: «Все эти годы не находилось человека, который положил бы конец развратному поведению Чаплина, — надежда только на вас. Жены и матери всей страны хотят увидеть, как вы остановите его раз и навсегда. Вы сможете спокойно спать ночью, когда вернете ребенку законное имя, — когда покажете, что это касается его так же, как

бродяг из трущоб». Нападки глубоко оскорбили Чаплина. Он снова вспомнил унижения и стыд, испытанные в детстве.

Это выступление не помогло Джоан. Присяжные не смогли вынести никакого решения. Судебный процесс перенесли на весну следующего года.

Чаплин отказался появляться на нем в качестве свидетеля. На этот раз, несмотря на мнение врачей, что он не может быть отцом ребенка, десять присяжных из двенадцати пришли к противоположному выводу. Репутация Чаплина в Соединенных Штатах была безнадежно испорчена. Реабилитироваться в глазах американцев ему удалось лишь в последние годы жизни.

Судья постановил, что новорожденная девочка, Кэрол Энн, должна получать от отца содержание — 75 долларов в неделю. Кроме того, она имела право взять фамилию Чаплин. Джоан Берри не получила никакой выгоды от вынесенного в ее пользу решения. Впоследствии она вышла замуж, но скоро рассталась с супругом и порхала по жизни, пока в 1953 году не впала в полубезумное состояние. Берри поместили в психиатрическую больницу, потом выписали, и после этого ее следы теряются. Маленькую дочь воспитывали

родственники Джоан, и она продолжала получать выплаты от Чаплина.

Между двумя судебными процессами по установлению отцовства Чарли пытался закончить сценарий к фильму под рабочим названием «Убийца дам» (The Lady Killer). Тремя годами раньше Орсон Уэллс высказал предположение, что история Анри Дезире Ландрю — французского серийного убийцы по прозвищу Синяя Борода из Гамбе — может стать сюжетом увлекательного фильма. Чаплина заинтересовала эта идея, вне всяких сомнений вызвавшая ассоциации с его тогдашними непростыми отношениями с женщинами. Впоследствии Уэллс утверждал, что сам написал сценарий будущей картины, и вполне возможно, Чаплин позаимствовал у него идеи и темы.

Чарли всегда испытывал острый интерес к насилию и смерти. Его любимым занятием дома было чтение журнала True Detective, известного своей склонностью к трагическим сенсациям. Дело Ландрю обладало всеми необходимыми для этого элементами, поскольку преступник расчленял тела жертв, а затем сжигал. Чаплин решил превратить криминальную историю в «комедию убийств» и даже фарс в фильме, который был

назван «Месье Верду» (Monsieur Verdoux).

В последние два года, во время пароксизмов того, что можно назвать юридической и общественной травлей, Чарли периодически возвращался к сценарию. Горечь и гнев, которые он испытывал, теперь выражались в цинизме Верду по отношению к традиционным святыням современного общества. Некоторые из первых заметок Чаплина к фильму свидетельствуют о его психологическом состоянии. Он писал, например, что, когда весь мир обращается против человека, он становится святым… Он говорил, что о репутации заботятся только кухарки и дворецкие. В одной из последних сцен картины герой, вернее антигерой, подвергается жестоким нападкам в зале судебных заседаний, подобным обвинениям Джозефа Скотта против самого Чаплина. В фильме также чувствуется явный оттенок женоненавистничества — женщины в нем часто изображаются грубыми, шумными или глупыми. Однако месье Верду движет не столько ненависть к женщинам, сколько любовь к самому себе.

Чаплин начал снимать этот фильм 21 мая 1946 года, а закончил 12 недель спустя. Это сам по себе был рекорд скорости. В прошлом он мог тратить столько же времени на съемки одной-единствен-

ной сцены. Чарли ясно видел сюжетные ходы и свою роль щеголеватого и даже утонченного серийного убийцы. Для этого образа он полтора месяца растил настоящие усы — накладные вызвали бы неуместные воспоминания о Бродяге. Когда на премьере фильма в Нью-Йорке дети побежали за Чаплином с криками: «Чарли! Чарли!» — он сказал им, что это новый Чарли. Однако индивидуализм Бродяги и его безразличие к нравственным нормам перешли к Верду и разрослись до смертельно опасной величины. Или сие было отражением личности самого Чаплина?

Для съемок он набрал сильный актерский ансамбль на роли второго плана. Среди приглашенных была знаменитая американская комическая актриса Марта Рэй, чей хриплый смех и эксцентричные манеры могли соперничать с игрой самого Чаплина. Потом Марта признавалась, что в первый день ей было дурно от страха при мысли, что придется работать с ним, однако она сумела собраться с духом, и Чарли терпеливо учил ее курить и ходить так, как полагалось ее героине. «Я сколькому у него научилась! — признавалась Марта. — Мы подружились, и, если он приказывал прыгать… я прыгала». Чаплин распорядился, чтобы Рэй сняла серьги, потому что они

отвлекали внимание зрителей от ее уникальных смешных гримас. Он сам придумал для нее костюм и прическу. Рэй приняла и то, что Чарли мог прервать съемки одной сцены и перейти к другой, — в зависимости от настроения.

Чаплин взял на работу помощника режиссера Роберта Флори, который на практике выполнял обязанности режиссера, хотя и неофициально. В очерке, опубликованном несколько лет спустя, Флори вспоминал процесс съемок. Он отмечал, что Чаплин твердо придерживался старомодных методов. Чарли любил, чтобы камера оставалась неподвижной, а сам предпочитал находиться в центре кадра. Его не интересовали крупные планы других актеров, поскольку люди приходят посмотреть на него. Любая попытка изменить угол или фокус отвергалась им как «голливудские новомодные штучки». Он постоянно сердился на оператора за так называемые технические трюки. По всей видимости, Чарли также доставляло удовольствие оставлять те или иные несоответствия или ошибки, на которые ему указывали специалисты, — на том основании, что внимание зрителей все равно полностью приковано к нему. Однажды Чаплин спросил мнение коллеги относительно четырех дублей одной и той же

сцены. Актер одобрил первый и четвертый. Чарли поинтересовался, что было не так в третьем. «Дело в том, что там виден электрик», — ответил артист. Камера действительно на мгновение отклонилась в сторону, и в кадр попал электрик с фонарем. Чаплин удивился: «Зачем вы на него смотрите? Вы должны смотреть на меня».

Флори также записал ремарки Чарли по поводу несчастных, присутствовавших на съемочной площадке. «Нет, нет, нет… заткнись, глупый ублюдок… ради всего святого… мы переходим к Анабелле… ты ничего не понимаешь в кино… я знаю, что делаю… да, именно так, я занимаюсь этим делом уже двадцать… тридцать лет… считаешь меня чокнутым… заткнулся бы ты… Боже, Боже…» Наряду с этим Роберт отметил: «Чаплин внезапно выходил из себя и так же внезапно успокаивался, словно буря в конце лета». Подобно многим другим, Флори пришел к выводу, что в Чарли уживаются две разные личности. Одна — гениальный комик и душа общества, а другая — жестокий, авторитарный, злобный и деспотичный тиран, человек, занятый только самим собой.

А вот Бернард Неделл, игравший роль полицейского, который разыскивал Анри Верду,

рассказывал, что актеры любили Чаплина, хотя его и отличала более чем необычная смесь вспыльчивости и огромного терпения. Актер часто вспоминал случай, когда Чарли, измученный и почти больной от переутомления, бесконечно повторял сцену с одной из актрис, пока они не добились нужного ему эффекта.

Премьера «Месье Верду» состоялась в Нью-Йорке в Broadway Theatre весной 1947 года. Чаплин впервые встречался со своими зрителями после всех судов и неприятностей трех последних лет… Как рассказывали очевидцы, к концу фильма в зале слышались свист и недовольные возгласы. Это был дурной знак.

В последних сценах, перед тем как отправиться на гильотину, Анри Верду обвиняет капиталистическую и милитаристскую систему в преступлениях, которые гораздо ужаснее совершенных им. Месье Верду говорит, что войны и конфликты — это бизнес: «Убийство одного человека делает вас преступником, убийство миллионов — героем». Вполне возможно, Чаплин верил, что публика будет симпатизировать серийному убийце или, по крайней мере, согласится с его обличением лицемерия общества, однако он недооценил воздействие сюжета на психику людей. Верду не

мог стать героем. В телеграмме, которую продюсер отправил «главной сплетнице Голливуда» Гедде Хоппер, он утверждал, что присутствовал при историческом событии: «Я видел последний фильм Чаплина».

Критики встретили картину так же прохладно, как первые зрители. Говард Барнс из New York Herald Tribune заметил: «Чарльз Чаплин создал фильм, который сам определил как «комедию убийств», с прискорбным отсутствием юмора, понимания сути мелодрамы и театрального вкуса». Обозреватель журнала New Yorker ругал режиссера за попытку оправдать убийства на том основании, что к ним подтолкнули перекосы в экономике современного мира. Несомненно, однако, что такой прием, оказанный фильму, был прямым следствием испорченной репутации Чарли в американском обществе. Уна Чаплин писала близкой подруге, что картина получила много плохих — действительно плохих — отзывов и даже хорошие были не очень хорошими… «Это сильный удар по Чарли… и, естественно, по мне тоже… Бедный Чарли так расстроен и подавлен… такого с ним еще не случалось… Это ужасное испытание».

14 апреля, через три дня после премьеры,

Чаплин созвал пресс-конференцию. Один из сотрудников отдела рекламы компании United Artists разослал служебную записку: «Чарльз Чаплин требует встречи с прессой… Я организую эту встречу в понедельник, 14 апреля. Чаплин ожидает, что она будет неоднозначной и понимает, что мы ничего не сможем сделать, чтобы защитить его или фильм, когда начнутся вопросы».

Орсон Уэллс назвал эту пресс-конференцию худшим линчеванием критиками, которое только можно представить. Радиожур-налист, записывавший всю пресс-конференцию, отметил, что зал был забит буквально до отказа. Все места были заняты. Люди стояли в дверях и проходах. «Благодарю вас, дамы и господа, — начал Чаплин. — Я не намерен впустую тратить ваше время и поэтому скажу так — начинайте избиение. Я готов ответить на все ваши вопросы. Выкладывайте, что у вас есть».

Начался форменный допрос, атмосферу которого характеризуют приведенные ниже фрагменты:

Вопрос. В прошлом вас не раз обвиняли в сочувствии и симпатиях к коммунистам. Вы не могли бы рассказать о своих политических взглядах, сэр?

Ответ. Мне кажется, что в наше время это сделать не так просто, определить свою политическую принадлежность… У меня нет никаких политических взглядов. Я никогда в жизни не был членом политической партии и никогда не голосовал. Это ответ на ваш вопрос?

Вопрос. Вы можете сказать прямо? Вы коммунист?

Ответ. Я не коммунист.

Вопрос. Вас спрашивали, сочувствуете ли вы коммунистам.

Ответ. Сочувствую ли коммунистам? Это опять требует уточнения… Во время войны я сочувствовал СССР, полагая, что эта страна сдерживает врага.

Чаплина спрашивали, почему он отверг патриотизм и национализм и объявил себя гражданином мира. Ему говорили, что это оскорбляет американских солдат, совсем недавно сражавшихся на фронте.

Ответ. Вы обвиняете меня в том, что я отвергаю патриотизм. Таких взглядов я придерживался с раннего детства. И ничего не могу с этим поделать. Я путешествовал по всему миру, и мой патриотизм не ограничивается одним классом

общества. Он охватывает весь мир.

Допрос продолжался.

Вопрос. Мистер Чаплин, из Голливуда сообщают, что вы близкий друг композитора Ганса Эйслера. Это правда?

Ответ. Да. И я этим очень горжусь.

Вопрос. Вам известно, что его брат — советский агент, как утверждает…

Ответ. Я ничего не знаю о его брате!

Вопрос. Как вы думаете, мистер Эйслер коммунист?

Ответ. Я ничего об этом не знаю. Мне неизвестно, коммунист он или нет. Я знаю, что он прекрасный артист, великий музыкант и очень хороший друг.

Вопрос. Будь он коммунистом, ваше отношение к нему изменилось бы?

Ответ. Нет, не изменилось бы.

Вопрос. А будь он советским агентом, в чем его обвиняли?

Ответ. Мне неизвестно то, что знаете вы. Советский агент? Не знаю… Я не… Давайте проясним. Вы хотите сказать, шпион?

Вопрос.

Да. *Ответ*. Конечно, изменилось бы. Если он

шпион, это совсем другое дело.

Далее разговор пошел о самом фильме.

Вопрос. Как вы отреагировали на отзывы нью-йоркской прессы на вашу картину?

Ответ. Оптимизм вызывает то, что они были разными.

Вопрос. Мне кажется, вы перестали быть хорошим комиком, когда стали вкладывать в свои фильмы определенные послания… если можно так выразиться.

Ответ. Да это ваше право. Я хочу сказать… Я что-то делаю, а затем, как говорится, бросаю на съедение волкам. Так что это ваше право.

Чаплин надеялся дать отпор своим критикам, но попытка оказалась неудачной. Уклончивые ответы относительно симпатий к коммунистам и политических взглядов Ганса Эйслера значительно ослабили его позицию.

Кассовые сборы в Нью-Йорке оказались такими скромными, что через пять недель фильм исчез с экранов кинотеатров. Чарли тут же снял его с проката, но в начале осени снова представил, с новым слоганом: «Чаплин меняется! А вы можете?» Зрители не ответили на брошенный им вызов. Впервые за всю творческую карьеру

Чаплина его фильм не окупился. Но Чарли не сдавался. Он продолжал расписывать достоинства своей картины, хотя тон немного сбавил. В одном из интервью Чаплин говорил, что в «Месье Верду» есть удачные диалоги, хотя теперь ему кажется, что фильм слишком интеллектуальный. Следовало сделать его более живым. «Если вы хотите что-то сказать, лучше это делать через действие, а не через слова — по крайней мере, для меня лучше», — добавил он. Можно лишь пожалеть, что в следующих картинах Чаплин не последовал собственному совету.

Тем не менее фильм «Месье Верду» оказался более успешным, чем можно было ожидать по первой, довольно холодной реакции. В нем много по-настоящему драматичных эпизодов, а роль самого Чаплина открывает возможности для тонкого и оригинального юмора. Он превосходно передает брезгливость Анри Верду и его презрение к людям. Это притча, или сатира, на манер Джонатана Свифта. В каких-то аспектах слишком явная и открытая, назидательная, однако в картине есть необыкновенно сильные сцены. В одной из них Верду передумывает убивать проститутку. «Жизнь выше всякого понимания, — говорит ему девушка. — Нужно жить.

Хотя бы затем, чтобы свершилась ваша судьба». «*Моя* судьба!» — восклицает он с неподражаемой интонацией.

Чаплин не мог сидеть без дела и в этот нелегкий период находил время и силы работать с маленькой театральной труппой под названием Circle Theatre. Ее основал Дженни Эпштейн, приятель его младшего сына, а сам Сидни Чаплин часто исполнял в спектаклях главные роли. Чарли приходил на представления и вскоре стал вести себя активнее — сначала давал советы, затем продюсировал. Лилиан Росс, знакомая Чаплина, оставила дословную запись его разговора с молодыми актерами. «Вы не должны играть. У зрителей должно складываться впечатление, что вы только что прочли сценарий… Это фальшиво… Так не говорят… Просто произнеси… Дай зрителям почувствовать, что они подглядывают в замочную скважину». Потом Чарли заговорил о движениях — они должны быть как можно проще. Необходимо избавиться от чрезмерной жестикуляции. «Хороший вход и выход. Вот в чем суть театра. И интонация. Это все».

Джулиан Людвиг, один из членов труппы Circle Theatre, рассказывал, что Чаплин помнил каждое слово и каждую сцену из спектакля «Шерлок

Холмс», в котором играл 44 года назад. Однако в практических делах память его была не столь совершенна. По словам Людвига, мистер Чаплин не помнил номер своего телефона, забывал имена.

В 1947 году Чарли подвергался прямому и непрекращавшемуся давлению со стороны американских властей. Через два месяца после той самой пресс-конференции один из конгрессменов потребовал депортировать его из страны на том основании, что он подрывает моральные основы Америки. В июле Чаплин узнал, что в отношении его заведено дело в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Он отправил им телеграмму. «Полагаю, вы внимательно посмотрели мой последний фильм «Месье Верду». Он направлен против войны и против бесполезного убийства наших юношей. Уверен, вы не посчитаете это гуманное послание неподобающим. И пока вы готовите официальный вызов, я сообщу вам то, что вас интересует. Я не коммунист. Я сторонник мира». Чаплина не тронули. Он сказал сыну: «Меня не вызвали потому, что у них на меня ничего нет».

Безусловно, все это было очень опасным. Комиссия, которой руководил Джозеф Маккарти, жестоко преследовала каждого, на кого падало

подозрение в нелояльности или подрывной деятельности. Для большинства жертв это означало остракизм и потерю работы. В 1947 году комиссия занялась выявлением коммунистов в киноиндустрии, в результате чего 300 человек попали в черные списки или стали жертвами бойкота со стороны киностудий. Только 30 из них впоследствии продолжили работу в Голливуде. Это были тяжелые времена, даже для Чаплина.

Весной 1948 года на Саммит-драйв пришел чиновник из службы иммиграции и натурализации в сопровождении сотрудника ФБР и стенографиста. Чаплин планировал короткую поездку в Лондон и обратился за разрешением на повторный въезд в США. Чиновник принялся расспрашивать Чарли о его связях с коммунистами и разными организациями левого толка. Чаплин старался давать уклончивые ответы. «Я ни разу в жизни не вступал ни в какие организации… Хотя нет, возможно, вступал… Кажется, для того, чтобы работать, я должен быть членом гильдии актеров… Думаю, я один раз с ними встречался». О близкой дружбе с Гансом Эйслером он сказал следующее: «Я познакомился с ним в компании. Через других людей». Когда его спросили, развлекал ли он сотрудников советского посольства,

Чаплин ответил: «Не помню. Видите ли, мы принимаем у себя много людей».

Вопрос. Вы когда-нибудь делали пожертвования коммунистической партии?

Ответ. Уверен, что никогда не делал, насколько… Да, я уверен.

Чиновник из службы иммиграции и натурализации сказал Чаплину, что ему дадут разрешение на повторный въезд, если он подпишет стенограмму. Адвокат Чаплина, присутствовавший при разговоре, порекомендовал этого не делать. Он имел основания полагать, что его клиент говорит не всю правду и его можно будет обвинить в лжесвидетельстве. Чарли последовал его совету, отказался подписывать стенограмму и отменил поездку в Великобри-танию.

19 Без возврата

Чаплин был разозлен унижениями, которые ему приходилось терпеть. В конце 1947 года в статье для английской газеты Reynolds News он написал, что решил объявить войну, раз и навсегда, Голливуду и его обитателям. «Я, Чарли Чаплин, заявляю, что Голливуд умирает», — добавил при этом Ч. Ч. Он также сообщил, что вскоре, наверное, покинет Соединенные Штаты. В начале следующего года Чаплин начал подготовку к своему следующему фильму. Это будет последняя картина, которую он снимет в стране, где прожил так много лет…

Осенью 1948 года в документах его студии появились записи о проекте «Рампа» (Footlights), хотя в то время это была скорее повесть, чем фильм. Чаплин записывал на диктофон отрывки, которые затем расшифровывал секретарь. Одновременно он подбирал на пианино разные мелодии, призванные помочь ему воссоздать атмосферу Лондона в канун Первой мировой войны. Чарли снова обращался к прошлому. Несколько месяцев он провел на Саммит-драйв,

черпая вдохновение в воспоминаниях о мире мюзик-холла. К осени 1950 года появился сценарий под названием «Огни рампы» (Limelight).

В повести, составлявшей основу сценария, насчитывалось около 100 тысяч слов. В какой-то степени она была автобиографична. Главный ее герой — клоун Кальверо, который когда-то мечтал стать актером романтического амплуа, но этому помешал слишком маленький рост. К тому же его речь была слишком грубой. Кальверо пришлось выступать на сцене мюзик-холла конца Викторианской эпохи, но он стал известным комиком, чье имя на афишах писали выше имен других артистов. На первой странице рукописи Чаплин сделал пометку, что Кальверо презирает комедию, поскольку этот жанр требует определенной близости со зрителями, которой он сам никогда не чувствовал. Герой был рассудителен, склонен к самоанализу и пытался разобраться в себе, постигая других.

Не все в повести перешло в сценарий фильма. Чаплин писал, что Кальверо ненавидел буржуазное общество из-за того, что детство провел в бедности, что он был очень взвинченным и нервным, эмоциональным и эгоистичным. В самой картине на старом плакате, висящем в

его маленькой квартирке, написано: «Кальверо, смешной бродяга», а над каминной доской прибита фотография Чаплина, сделанная в 20-е годы. Зрителям предлагали увидеть историю самого Чарли через всплеск и падение популярности Кальверо.

В фильме много других воспоминаний и фантазий. Кальверо, как и мистер Чарльз Спенсер Чаплин-старший, движется от успеха к провалу на сцене мюзик-холла и в конечном счете умирает от пьянства. Подобно отцу Чаплина, Кальверо был несчастлив в браке. Жена Ева изменяла ему, движимая жаждой сексуального наслаждения, ненасытной и почти патологической. Нет ли здесь намека на отношения Ханны Чаплин с мужем?

Однако в самом фильме «Огни рампы» Кальверо вознагражден любовью юной балерины Терри, которую он спас от самоубийства. Кальверо и Терри хорошо понимают друг друга, что вполне могло отражать то, что испытывали друг к другу Чаплин и его молодая жена. Актриса, которую он выбрал на эту роль, была очень похожа на Уну Чаплин. В картине столько аллюзий и совпадений, что она, безусловно, становится отражением воспоминаний и желаний самого Чаплина…

В газетах было размещено объявление: «Комику, которого считают величайшим в мире, требуется молодая девушка на главную женскую роль». С начала 1951 года Чаплин в течение семи месяцев экзаменовал многочисленных претенденток и в конце концов после долгих размышлений выбрал 22-летнюю англичанку Клер Блум.

В своих мемуарах «Огни рампы и не только» (Limelight and After) Клер писала, что Чаплин начал обсуждать сюжет фильма сразу же, как только встретил ее с матерью в аэропорту Нью-Йорка. Он сказал, что действие происходит в Лондоне его детства. Совершенно очевидно, что первые театральные воспоминания помогли Чарли представить гримерные, конторы агентов, меблированные комнаты и их хозяек времен короля Эдуарда. Чаплин также получал явное удовольствие от воссоздания атмосферы освещенного газовыми фонарями мюзик-холла, которую он знал с детства. Затейливые песенки, льстивые взгляды, скороговорки и двусмысленности, пародия на героический монолог и слишком яркие костюмы — все это составные части «Огней рампы». Интересно, что, выбирая одежду и аксессуары для проб Клер, Чаплин

неизменно отмечал, что его мать носила похожее платье или предпочитала такую шаль.

Тут нужно помнить о том, что в то время он стал еще более одиноким. В ресторанах некоторые посетители громко возмущались его предполагаемыми политическими взглядами. Многие старые знакомые больше не приезжали к нему домой, опасаясь обвинений в соучастии. Прежние друзья сторонились его.

В сентябре 1951 года Клер Блум получила роль и прилетела в Голливуд. Она сразу включилась в жесткий график подготовки к съемкам. Сначала занятия в гимнастическом зале, потом пять часов репетиций, потом балетный класс… Снимать фильм начали в ноябре. Чаплин, как всегда, следил за всеми мелочами. Он первым приходил на съемочную площадку, еще до девяти утра, а уходил последним, после шести вечера.

Сыновьям Чарли говорил, что «Огни рампы» должны стать его последним и величайшим фильмом. Возможно, именно поэтому он решил запечатлеть на пленке всех членов семьи, которая после женитьбы на Уне значительно увеличилась. Они комфортно и счастливо жили в Беверли-Хиллс. Уна прекрасно справлялась с ролью жены и хозяйки дома. Вскоре пошли дети:

летом 1944 года родилась Джеральдина, весной 1946-го — Майкл, весной 1949-го — Джозефина. Виктория появилась на свет за несколько месяцев до начала съемок «Огней рампы».

Джеральдину, Майкла и Джозефину мы видим в первой сцене фильма. Сводный брат Чарли Уилер Драйден, незаконнорожденный сын Ханны, получил две роли — клоуна и врача. Сама Уна Чаплин дублировала Клер Блум в двух коротких эпизодах. Два старших сына Чаплина также вошли в состав актерской труппы. Сидни играл романтического героя, а Чарльз получил эпизодическую роль. Чарльз вспоминал, что они с Сидни стали объектами отцовского стремления к совершенству. Он беспрерывно поучал их.

Сидни Чаплин отмечал волнение и необыкновенную чувствительность отца на съемочной площадке. Его замечания разным актерам были записаны дословно. «Давай, Сид! Что это с тобой, черт возьми?! <…> Господи Исусе, просто веди себя как человек! <…> Ты работаешь на Чарли Чаплина, а не на Шекспира!» Последняя реплика была адресована Клер Блум.

Ч. Ч. мог прийти в ярость, если кто-нибудь из персонала студии выглядел уставшим или, не приведи господи, скучающим. Увидев, что кто-то

из техников смотрит для него без интереса, Чаплин крикнул: «Быстро! Уберите это лицо отсюда!» Иногда это походило на паранойю — если хоть с чем-нибудь возникала проблема, он винил в этом «врагов». Чарли пребывал в убеждении, что один из техников носит перстень Американского легиона — организации, которая выступала против него, но затем выяснилось, что это кольцо с эмблемой колледжа. Ролли Тотеро по-прежнему исполнял обязанности помощника оператора. Он единственный иногда мог подойти к Чаплину и сказать: «Держи голову выше, дорогой. Слишком много подбородков».

В одной из сцен у Блум никак не получалось убедительно заплакать. Чарли раздражался все сильнее, пока не обрушился на нее с гневной тирадой, после чего Клер не расплакалась — разревелась. Операторы тут же включили камеру, отсняв сцену за один дубль. Чаплин заставил актрису заплакать по-настоящему.

Корреспондент газеты New York Times попросил Чарли охарактеризовать новый фильм. «Это смешная картина, — быстро ответил тот. — Я надеюсь».

Во многих отношениях «Огни рампы» — фильм в равной степени театральный и кинематогра-

фичный, многослойный. Кальверо иногда бывает напыщенным, а Терри постоянно плачет. В одной из сцен Кальверо обвиняет публику, что она чудовище без головы, которое никогда не знает, куда повернет, и которое можно подтолкнуть в любом направлении. Похоже, это явный намек на отношение самого Чаплина к прессе и публике. Он также жалуется, что, когда человек стареет, к нему приходит чувство печального достоинства, что для комика смертельно. В эпизоде, где Терри возражает против их фиктивного брака, Кальверо пожимает плечами: «Я уже пять раз был женат. Одним разом больше, одним меньше — разницы никакой». Сам Чаплин, похоже, понимал, что здесь слишком много философствований. В какой-то момент Терри поворачивается к Кальверо и говорит: «Послушать тебя, так никогда не скажешь, что ты комик».

Безусловно, в конце своей великой карьеры Чаплин в значительной степени опирается на собственные эмоции и ностальгию, играет самого себя. Фильм лучше всего рассматривать как дань уважения его гению в атмосфере утонченной меланхолии сумерек, как выразился Кальверо. Грустный клоун даже умирает на сцене, что может рассматриваться как квинтэссенция по-

творствования своим желаниям или жалости к самому себе.

Это относится не столько к Кальверо, сколько к самому Чаплину. Глубина его поглощенностью собой заметна на всех уровнях картины. Все фотографии и афиши в квартирах — это отражение его карьеры. Когда Терри после нескольких месяцев разлуки признается, что по-прежнему любит его, Кальверо отвечает: «Конечно, любишь. И всегда будешь любить». Он говорит в основном о себе, утверждая свой артистизм и свою гениальность. Он относится к себе очень серьезно, даже когда делает вид, что шутит. В целом фильм оставляет скорее гнетущее впечатление.

Конечно, в картине есть яркие моменты. Необыкновенно точен, например, портрет квартирной хозяйки Кальверо, похотливой и вульгарной. Одна из самых удачных интерлюдий фильма — музыкальный дуэт Чаплина и Бастера Китона. Струны порваны… Аккорды яростны… Кто-то из ассистентов, присутствовавший на съемочной площадке, отметил: «…между ними была заметна некоторая ревность, поскольку каждый хотел отхватить лучший кусок пирога… каждый стремился завладеть вниманием зрителей». Наверное, поэтому Чаплин сказал партнеру:

«О, Бастер, похоже, это уже слишком! Тебе не кажется?» Впоследствии Китон говорил, что на самом деле именно *за работой* Чарли наименее смешон, если можно так выразиться.

Весной 1952 года, после завершения основных съемок «Огней рампы» Чаплин занялся своими финансами. Он спрятал бóльшую часть документов в банковский сейф, ключ от которого отдал жене. Акции компании United Artists тоже были переписаны на Уну. Она получила доступ к банковским счетам мужа и доверенность на право распоряжаться ими. Чаплин снова обратился за разрешением на повторный въезд в США, и вскоре виза была получена. Кроме того, он уладил все разногласия с налоговой службой.

Чарли твердо решил ехать в Лондон — там должна была состояться мировая премьера «Огней рампы». Он больше не мог рассчитывать на доброжелательный прием своих картин в Соединенных Штатах. И действительно, на предварительном просмотре в Нью-Йорке, устроенном для прессы, Чаплин почувствовал не только безразличие, но и враждебность аудитории. Друзьям и коллегам Чарли говорил, что просто собирается на каникулы с женой и детьми, но тот факт, что он привел в порядок свои финансовые

дела, свидетельствует: каникулы могли стать бессрочными. А может быть, он предчувствовал, что в США его больше не пустят?

17 сентября Чаплин вместе с семьей отправился в Англию на борту лайнера Queen Elizabeth. После всего двух дней плавания ему сообщили, что разрешение на повторный въезд в США аннулировано. Он не мог вернуться, не ответив на вопросы относительно своей моральной распущенности и, главное, политических симпатий. Генеральный прокурор США сказал журналистам, что, по его мнению, Чаплин сомнительная личность, и обвинил его в том, что тот делает заявления, указывающие на неприязнь и насмешки в отношении их великой страны.

Сначала Ч. Ч. возмутился. Он высказал намерение вернуться и опровергнуть все выдвигавшиеся против него обвинения. Чаплин вполне мог оправдаться. Федеральное бюро расследований несколько лет следило за всеми его выступлениями и действиями, но не обнаружило никаких доказательств неблагонадежности. Сплетни и слухи не в счет. Однако он очень боялся, что американские власти наложат арест на его финансовые активы и конфискуют имущество. Это был его самый большой страх — лишиться

богатства. Чарли всю жизнь преследовал ужас возвращения к бедности, которую он познал ребенком. Вполне вероятно, что Чаплин сильно волновался, пребывал буквально на грани паники.

В Лондоне его встретила огромная толпа, хотя многие считали, что прием был не таким восторженным, как в предыдущие годы. Чарли собирался показать молодой жене и детям весь Лондон и в первую очередь те районы, в которых он вырос. Ему хотелось привести их к источнику своего вдохновения. Из номера в отеле Savoy был виден недавно построенный мост Ватерлоо, соединяющий Вестминстер и Ламбет, но для Чаплина значение имело только то, что эта дорога вела к его детству. Они бродили по улицам Кеннингтона и Ламбета, но очарование этих районов было по большей части утрачено из-за разрушений в результате бомбардировок и нового строительства. Как бы то ни было, Чаплин вернулся. Он по-прежнему лондонец, кокни.

Однажды утром они с Клер Блум, тоже приехавшей на премьеру, решили прогуляться по рынку Ковент-гарден, и весть о присутствии Чарли распространилась мгновенно. Впрочем, торговцы овощами и фруктами не окружили

Чаплина, а просто стояли за своими прилавками и приветствовали. Он был польщен и тронут, что его по-прежнему считают здесь своим.

Конечно, Чаплин принадлежал к миру театра, и за дни, проведенные в Лондоне, встретился с разными знаменитостями из Уэст-Энда. Они с Уной слетали в Париж на премьеру «Огней рампы», и во время этого путешествия посетили студию Пикассо. Два великих художника говорили на разных языках, поэтому Пабло просто показал Чарли картины, над которыми тогда работал. Чаплин, в свою очередь, исполнил для него знаменитый «танец булочек» из «Золотой лихорадки». Впоследствии Пикассо писал о Чаплине так: «Его тело стало другим. Время оставило на нем печать и превратило в другого человека. Теперь он заблудшая душа — просто еще один актер в поисках индивидуальности и больше не способный никого рассмешить». Такая реакция стала обычной — Чаплин уже ничем не напоминал Бродягу. Это был очень невысокий джентльмен с седыми волосами, обязанный улыбаться и сохранять бодрый вид.

Вполне допустимо предположить, что и мысли Чарли стали другими. Его младший сын, Майкл Чаплин, вспоминает: «В Лондоне я видел, как мой

отец сидит, одинокий, в большом кресле, и смотрит прямо перед собой, словно чем-то озабочен и нуждается в помощи».

17 ноября Уна полетела в Нью-Йорк, а затем в Голливуд. Она поехала спасать деньги мужа. Через два дня ей удалось получить доступ к банковскому сейфу и забрать хранившиеся там документы и ценности. Кроме того, миссис Чаплин перевела 4 миллиона долларов на зарубежные счета. После этого она распорядилась отправить мебель в Европу и заперла дом.

В ее отсутствие у Чарли случилось нечто вроде нервного срыва. Он боялся, что самолет разобьется или Уну задержат американские власти. Чаплин не мог представить себе жизнь без нее. Возможно, он также очень боялся, что ее путешествие окончится неудачей и все его деньги будут безвозвратно потеряны.

Уна узнала, что агенты ФБР допрашивали их прислугу, пытаясь добыть доказательства «моральной распущенности» хозяина. Такому же допросу подверглись друзья, адвокаты и даже вторая жена Чаплина Лита Грей, но безрезультатно. Тем не менее всем сразу стало ясно, что в Калифорнию Чаплин не вернется.

20. Тени

Чаплин с женой решили поселиться в Швейцарии. Он утверждал, что не очень любит горы, но у Швейцарии имелись определенные преимущества. В частности, очень низкие налоги. Любовь к Лондону была не настолько сильной, чтобы удержать там Чаплина. Между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами действовало соглашение об экстрадиции, которое могло быть применено против него.

В начале 1953 года семья поселилась в поместье Мануар-де-Бан в коммуне в Корсье-сюр-Веве на левом берегу Женевского озера. В трехэтажном доме было 15 комнат, а само поместье с парком и фруктовым садом занимало 15 гектаров. Но главным здесь было уединение. Чаплин объявил: «Мне нужно шесть месяцев тишины и покоя в этом доме. Мы не будем посещать многолюдные вечеринки и пышные приемы, предпочитая общество друг друга». Два или три месяца спустя он объяснял свое решение покинуть Америку так: «После окончания войны я был объектом злобной пропаганды со стороны влиятельных

реакционных групп». В письмах из Швейцарии Чарли ясно дает понять, что теперь презирает и ненавидит страну, в которой прожил столько лет. Чаплин скажет, что скучает только по одной американской вещи — шоколадному батончику Hershey.

В поместье все было устроено с обычной для Чарли рациональностью. Роскошный и вычурный интерьер дома местные жители называли «барокко Беверли-Хиллс». К большой гостиной на первом этаже примыкала терраса, с которой открывался вид на озеро и горы позади него. Другую половину занимали библиотека и малая гостиная. На втором этаже располагались две спальни хозяев и две гостевые комнаты. В подвале хранились фильмы Чаплина и документы. Пятеро детей, в том числе Юджин, родившийся летом 1953 года, устроились на третьем этаже — вместе с двумя нянями, Кей Кей и Пинни. В последующие годы родились еще трое детей — семья стала большая, почти викторианская. Чаплину пришлось нанять 12 человек прислуги, чтобы вести хозяйство, а за парком и садом ухаживали три садовника. Позже на территории поместья появились бассейн и теннисный корт.

Дети ходили в местную школу в Веве, где уро-

ки проводились на французском, и вскоре уже говорили на этом языке не хуже, чем на английском. Чаплин был убежден, что дисциплина во французских школах гораздо лучше, чем в американских. Преподавали детям в основном католические священники и монахини. Когда Джеральдина обсуждала с отцом вопрос адских мук, он сказал: «Я так счастлив, что ты веришь в Бога! Я отдал бы все, чтобы поверить самому. Это делает жизнь легче, но я не могу. Я бы хотел поверить, но не могу».

Чаплин одобрял строгую дисциплину для детей. Он полагал, что они должны готовиться к жизни, преодолевая трудности. Чарли говорил детям, что единственная защита — это образование. Им запрещалось шуметь на первом этаже, где мог работать отец. Если Чаплин слышал, как сыновья и дочери с топотом спускаются по лестнице, он мог впасть в ярость. Особенно не любил он, когда кто-нибудь открывал дверь не постучав. Его потребность в уединении была столь велика, что он начинал громко бранить непрошеного гостя.

Вскоре в семье установился удобный для всех распорядок — ужинали без четверти семь, спать ложились в девять. Дети обедали с родителями и некоторое время сидели с ними за ужином.

Чаплин писал другу: «Мы очень комфортно и счастливо живем в Швейцарии» и добавлял, что здешние официальные лица — чудесные люди, невозмутимые, надежные и относятся к ним очень доброжелательно. О своей жене он писал так: «К счастью для меня, Уна не склонна к общественной деятельности и, как ты знаешь, немного затворница… поэтому все устроилось очень хорошо». По всей видимости, она действительно была довольна своей ролью хозяйки поместья, хотя появились слухи, что Уна иногда позволяет себе лишнюю рюмку.

Вот что говорит Бетти Тетрик, близкий друг семьи: «Для Уны на первом месте был Чарли. Дети должны были это понимать. Она старалась сделать его ссылку приятной. Развлекала его за ужином — она всегда была остроумной собеседницей. И всегда старалась выглядеть как можно лучше… У него был ужасный характер, и ей приходилось это смягчать». Английская актриса Маргарет Рутерфорд отмечала, что спокойствие и мягкость Уны наполняли комнату, словно пары ароматической смеси. «Она редко говорила, но вы чувствовали, что она всегда готова уберечь мужа от любого стресса». Другой современник писал: «…приятно наблюдать за ними, когда они вместе,

и невозможно представить, что может быть по-другому». Чаплин называл жену «старушка» или «миссус», а она его по имени — Чарли.

Старший сын Чаплина, приезжавший в поместье, считал Веве слишком тихим. Он мог выдержать там четыре, максимум пять дней, в то время как Сидни жил у отца по две недели, отдыхая от городской жизни. Чаплин с женой регулярно ездили в Лондон и Париж. В его родном городе они неизменно останавливались в отеле Savoy. Их всегда сопровождали личный врач и портной.

Весной 1954 года Чаплин объявил, что намерен создать новый фильм. Сюжет — король в изгнании. Он сказал, что в Швейцарии живет много таких венценосных особ, которые могут послужить ему источником вдохновения, но самым главным является он сам.

Сразу началась суматоха подготовительного периода, и потребовалась опытная стенографистка. Чаплин остановил свой выбор на англичанке Изабель Делуз, которая была замужем за швейцарским профессором и имела опыт работы со сценариями. Делуз вспоминала, что бóльшую часть времени он пребывал в задумчивости и слонялся без дела, затем вдруг становился нервным

и раздражительным. «Меня просто обескураживали его вспышки — его первоклассная клоунада, его сомнительные манеры и совсем уж никуда не годная философия».

Изабель вменялось в обязанность следовать за Чарли повсюду, записывая его мысли и идеи. Стенографистка говорила: «…он никогда просто не диктовал мне… каждое слово было игрой. Иногда он начинал метаться, кричать во весь голос, снова и снова повторяя одно и то же предложение… или бурно жестикулировал, что-то беззвучно шепча».

Настроение у Чарли постоянно менялось, а характер портился. Когда на участке строили бассейн и теннисный корт, он ссорился с архитектором и подрядчиком. «Я строил бассейны тридцать лет», — заявил им Чаплин. Он обвинял обоих, что они его обкрадывают, и отказывался им платить. Швейцарские рабочие откладывали инструменты и наблюдали за этими сварами. По свидетельству Делуз, они стояли за спиной Чаплина, ухмылялись, перемигивались, крутили пальцем у виска и закатывали глаза. Когда он испортил покрытие теннисного корта, начав играть раньше, чем оно окончательно затвердело, то впал в ярость и приказал залить площадку

цементом. Чарли заказал гранитные плиты для «подиума» бассейна, а когда их доставили, потребовал немедленно убрать эти «надгробия». Наконец, Чаплин обвинил Делуз в сговоре с подрядчиком. Изабель не выдержала — она накричала на своего работодателя и уволилась, после чего три месяца судилась, чтобы получить причитающееся жалованье.

Сначала жители Веве отнеслись к Чаплину доброжелательно. Они устроили в честь его приезда ужин со свечами и подарили золотые швейцарские часы. Кроме того, они предложили ему участвовать в празднике урожая на одном из местных виноградников. Но прошло совсем немного времени, и Чаплин поссорился с властями коммуны. Он жаловался на звуки выстрелов в лощине неподалеку от его дома. По древнему обычаю швейцарские полицейские хранили оружие дома, а стреляли в тире, который как раз и находился в лощине. Чарли заявил, что пальба мешает ему работать. Члены городского совета попытались успокоить Чаплина, а потом оборудовали тир звукоизоляцией, но он все равно был недоволен и подал на них в суд. Выяснив, что тиром могут пользоваться все жители этой коммуны и даже соседних, Чаплин заявил, что

члены совета подкуплены. Власти ответили, что Веве получает прибыль, предоставляя тир в распоряжение других коммун. В конечном счете был найден компромисс, и Чаплин оплатил часть затрат на модернизацию тира. Его раздражали не только звуки, но и запахи. Он стал жаловаться на запах сточных вод на своем участке, а когда водопроводчики ничего не обнаружили, попросил местные власти раскопать дороги и проверить трубы.

Трудно сказать, была ли семья Чаплина счастливой. Он наказывал детей, в том числе физически, за любое нарушение установленных правил. Джеральдина впоследствии вспоминала: «Мы получали по полной программе, по заднице, перекинутые через колено отца». Им разрешалось смотреть только фильмы Чаплина, но не телевизор. Бетти Тетрик считает, что любимым ребенком Уны был Майкл, что вызывало ревность Чаплина. «Он был не слишком добр к Майклу, и малыш часто грустил». Кто-то из гостей дома вспоминал, что дети боялись отца и что он все время одергивал их. Поэтому они избегали его и по возможности старались не говорить с ним.

В своих мемуарах «Я не мог курить травку на отцовской лужайке» (I Couldn't Smoke the Grass

on My Father's Lawn) Майкл Чаплин писал об отце так: «Он был и остается, мягко говоря, никудышным отцом». «Я никогда не спорил со стариком, — добавляет он. — Не осмеливался. В любом случае, с моим отцом спорить бесполезно. Он слишком строг, упрям, слишком властен».

Каждый год в октябре семья посещала цирк братьев Кни, Рольфа и Фреди, который останавливался в окрестностях Лозанны. Чаплин очень любил клоунов, что совершенно естественно, а клоуны цирка Кни очень любили его. Однажды в башмаках и пиджаке Чарли, а также в его котелке на манеж вышел… слон. С тростью в хоботе. Зрители, увидев Чаплина, начали скандировать: «Шарло! Шарло!» — пока он не вышел на арену и не угостил слона поданной служителем буханкой хлеба. Слон взял угощение и склонил голову. Чарли поклонился ему в ответ. Кстати, после этого семья Чаплина поддерживала дружеские отношения с братьями Кни еще 20 лет.

Стоит упомянуть еще несколько любопытных фактов из жизни Чарли в Веве. Он заболел экземой и был вынужден носить белые перчатки. Сделали несколько тестов на аллергию, и в конце концов выяснилось, что у Ч.Ч. реакция на новую кинопленку. На лужайку перед домом прилетали

вороны. Чарли их не любил и придумал специальное зеркало, чтобы слепить птиц. Он также ненавидел мух и, когда обедал на веранде, брал с собой мухобойку. К радости детей, он иногда их развлекал — заходил за диван и делал вид, что спускается по лестнице в подвал, становясь на их глазах все меньше и меньше. Одним из любимых словечек Чарли было «милый». Он часто повторял: «Ты такая милая» или «Это так мило». Еще одно любимое выражение Чаплина: «Скромность не позволяет».

Первые два или три года в Веве Чарли работал над будущим фильмом о короле в изгнании. К осени 1955-го сценарий был практически завершен, и в конце весны или в начале лета следующего года начались съемки. На главную женскую роль Чаплин выбрал Доун Адамс, которой восхищался. Однажды он сказал актрисе: «Без вас я не буду делать картину». Совет, который он ей тем не менее дал, — держать голову неподвижно: «Вы должны быть точной. Движение головой — это неопределенность. Движение должно что-то означать». Роль несчастной жертвы американской кампании против «красной опасности», которая в то время достигла новых высот, досталась его младшему сыну Майклу. Чаплин хотел высмеять

все аспекты жизни в США, от телевизионной рекламы до популярных танцев, от снобизма до лицемерия. Впоследствии Майкл так отзывался о новом для себя опыте работы с отцом: «Я был счастлив, что у нас установились такие отношения, каких никогда не было раньше».

Съемки проходили в студии Shepperton в окрестностях Лондона, и вся семья поселилась в отеле Great Fosters в Эгаме. Это было довольно мрачное, хотя и величественное здание, в котором Чаплины устроились с максимально возможным комфортом. Правда, там имелась всего одна общая гостиная с телевизором, и им приходилось сидеть и смотреть то, что выбрало большинство постояльцев.

Работа над фильмом продолжалась девять недель, и неделя ушла на натурные съемки. Shepperton была непривычной для Чаплина, который до этого работал только на американских студиях, и ко всем остальным неудобствам добавлялись правила и нормы, установленные профсоюзом для работников киноиндустрии. «Если вы хотите передвинуть стул, — говорили Чарли, — попросите это сделать рабочего». В половине четвертого появлялась тележка с чаем, и съемка останавливалась. Оператор без

конца возился с прожекторами. «Я должен играть! — кричал Чаплин. — Мне плевать на ваши художественные эффекты! Зрители придут посмотреть на Чарли Чаплина, а не на ваше чертово освещение!» Уна всегда сопровождала мужа, сидела у края съемочной площадки и вышивала.

Чаплин покинул Великобританию в июле, как только закончил съемки фильма. Дольше он оставаться здесь не мог — иначе пришлось бы платить налоги.

Фильм вышел в Англии в начале осени 1957 года. В целом его приняли доброжелательно. Торжественной премьеры не было — по той причине, что Чаплин вернулся в Веве. Это была его 81-я картина, но Чарли не считал ее последней. Он говорил другу: «Фильм хорош, забавен, это моя лучшая лента. Ты со мной согласен?»

«Король в Нью-Йорке» (A King in New York) рассказывает о злоключениях лишившегося трона европейского монарха в Америке. Это отчасти фарс, отчасти сатира — точно сказать нельзя. Изгнанный из страны король Шадов — явно сам Чарли Чаплин. В аэропорту у него берут отпечатки пальцев, и эту процедуру снимают фотокорреспонденты — в такой же ситуации сам Чаплин оказался несколько лет назад. Один из

пластов фильма — резкий ответ на ненависть и унижения, которые ему пришлось пережить. Иногда его герой грубый, но чаще яркий и энергичный, а лучшие эпизоды — очаровательная комедия.

Джон Осборн из Evening Standard писал: «Для такой большой, легкой мишени большинство выстрелов не попало в цель. Что делает эту демонстрацию растраченной зря энергии интересной, так это техника уникального комедийного актера». Кеннет Тинан из The Observer согласился с этим: «В каждом кадре Чаплин высказывает свое мнение. Нельзя сказать, что это очень глубоко, но такая искренность — редкое явление». Эти два комментария отражают как достоинства, так и недостатки фильма.

Когда Чаплина спросили о негативном в целом изображении Соединенных Штатов, он ответил: «Если показывать обе стороны, то выйдет чертовски скучно». Американских критиков и журналистов на премьеру в Париже он не пригласил, однако сие не помешало некоторым из них приехать самим. Корреспондент New Yorker написал, что это, возможно, худший фильм из всех снятых знаменитым артистом, и Уна Чаплин тут же аннулировала подписку на журнал. В

Америке фильм показали только через 16 лет.

В съемочную группу «Короля в Нью-Йорке» Чаплин пригласил пианиста Эрика Джеймса, который впоследствии стал соавтором его музыки. В своих мемуарах «Как я сочинял музыку с Чарли Чаплином» (Making Music with Charlie Chaplin) Джеймс описывает их не всегда безоблачное сотрудничество. Ему приходилось терпеть нападки, и это происходило часто. Такова одна из особенностей взрывного темперамента Чарли… Когда Джеймс что-то предлагал, Чаплин мог закричать: «Не указывай мне, что делать!» Вскоре пианист понял, что в остальном он был не лучше любого другого человека, и возможно даже намного хуже многих. В частности, Эрик отмечал нечистоплотность Чаплина в денежных делах.

Чарли по-прежнему регулярно приезжал в Лондон и посещал места своей юности. Он возвращался, например, в паб Three Stags, где в последний раз видел живым отца. Однажды он вместе с Уной и одним из друзей отправился в Саутенд, куда их с Сидни когда-то возила мать. Чарли купил у лоточника мидии, как делал это в детстве. Как-то раз его застали за тем, что он пристально смотрел на витрину мясной лавки на Олд-Кентроуд. Прохожий подошел к нему и стал

рядом. «Прошу прощения. Вы Чарли Чаплин?» — «Тише! Не выдавайте меня». В другом случае кто-то видел, как он споткнулся и упал на тротуаре рядом со станцией метро «Кеннингтон». Чаплин любил рождественские утренники в лондонских театрах. Он заглядывал в окна ресторанов, чтобы понаблюдать за клиентами, садился в автобус и рассматривал людей на улицах.

Конечно, иногда ему не удавалось оставаться незамеченным. Один раз он гулял по набережной. Кто-то увидел его, закричал: «Чарли Чаплин! Чарли Чаплин!» Ч.Ч. сразу занервничал и сказал своему спутнику: «Давай уйдем отсюда». Они вскочили на туристический пароходик, который как раз отчаливал. У самого Гринвича с ними поровнялся другой кораблик. Пассажиры выстроились на палубе и стали кричать: «Чарли Чаплин! Чарли Чаплин!» Они следовали за ним с пристани на набережной…

Чаплин любил путешествовать. Вместе с семьей он ездил в Кению на сафари. Весной часто отправлялся в Ирландию, где любил рыбачить. В начале 1960 года Чарли вместе с женой и детьми поехал в мировое турне — через Аляску в Японию, оттуда на Бали и в Гонконг, а затем назад через Индию и Ближний Восток. Майкл Чаплин вспо-

минал: «Если во время путешествия мы шли в магазин, это был спектакль. Если мы шли в ресторан, то на нас глазели, как на зверей в зоопарке».

В июне 1962 года Чаплин стал почетным доктором Оксфордского университета. Это очень польстило его самолюбию. Преподаватель Оксфорда историк Хью Тревор-Ропер возражал против этого решения на том основании, что они принимают в свои ряды циркового клоуна. Чаплину сие стало известно. На церемонии он произнес короткую речь, в которой упомянул об этом. Он признался, что не считает себя ученым, но полагает, что вправе рассуждать о красоте — в отличие от науки или морали. Красоту можно найти где угодно, в розе и в мусорном ведре. «Или даже в ужимках клоуна», — прибавил он. В ответ раздались громкие аплодисменты.

В это время Чаплин начал писать автобиографию. У него была привычка читать отрывки из книги приезжавшим в Веве гостям. Актриса Лилиан Росс, навещавшая его там, вспоминает: «Я сидела вместе с ним на террасе, и он читал мне фрагменты из своей рукописи, в черепаховых очках, сползавших на кончик носа; его чтение было театральным, почти мелодраматичным, и он так увлекался, что забывал обо всем». Чаплин попро-

сил ознакомиться с рукописью Трумена Капоте, но, когда американский писатель предложил внести кое-какие поправки и дополнения, вышел из себя. Капоте вспоминал его слова: «Я просил вас ее прочесть. Хотел, чтобы вы получили удовольствие. Но ваше мнение меня не интересует». Больше они с Капоте не разговаривали.

Книга «Моя биография» вышла осенью 1964 года и вскоре получила признание во всем мире. Разумеется, это был приукрашенный рассказ, изобилующий неточностями и недомолвками. Чаплин никогда не говорил правду о своей жизни, и было бы странно ожидать, что в 75 лет он изменится. Возможно, ценность этих мемуаров заключается не в том, что в них вошло, а в том, что было опущено. Так, например, политические взгляды автора должным образом смягчены, и Чаплин не упомянул многих людей, которым был обязан своим успехом. Он не обсуждал свои фильмы, за исключением прибылей, которые они принесли, а последняя треть книги вообще больше похожа на дневник светских мероприятий.

Тем не менее в «Моей биографии» есть очень эмоциональные страницы, сильные по воздействию, особенно когда Чарли пишет о своем детстве в Лондоне. Отзывы на автобиографию

Чаплина оказались неоднозначными. Некоторые критики считали, что он скрыл собственные крайне левые политические взгляды, а браки и любовные романы упомянуты им вскользь, практически пропущены. Но ведь любой человек имеет право не свидетельствовать против себя! Один из журналистов заметил в защиту Чаплина, что его преследование во имя американского патриотизма — это скандал, от которого нашей эпохе никогда не отмыться.

Впереди был еще один фильм, 82-й. 1 ноября 1965 года на пресс-конференции в Лондоне Чарли объявил, что собирается снять картину «Графиня из Гонконга» с Марлоном Брандо и Софи Лорен в главных ролях. Журналист, присутствовавший на мероприятии, отметил, что у Чаплина ясные глаза, звучный голос и быстрая речь, а потом добавил: «Его нельзя назвать моложавым — скорее ему подходит определение «без возраста».

Съемки начались в начале следующего года на студии Pinewood в Бакингемшире, и сразу с трудностей, ведь Чаплин еще никогда не работал со звездами. Особенно нелегко ему приходилось с Брандо. Как режиссер Чарли был диктатором, а Марлон сопротивлялся желанию управлять его игрой. Кто-то из присутствовавших на съемочной

площадке писал: «…работа шла со скрипом. Мрачный Брандо все время повторял: «Ладно, ладно». Похоже, он не слушал очередные наставления Чаплина». Актер делал заранее оговоренные движения без всякого энтузиазма. Актриса немого кино Глория Свенсон, приходившая на площадку, призналась, что легко понять, почему актерам так трудно с Ч.Ч. «Это простая сцена, а он производит так много шума!» Впрочем, Софи Лорен с готовностью прислушивалась к подробным советам Чарли.

Впоследствии Брандо писал: «Чаплин был страшно жестоким человеком… вероятно, самым большим садистом, с которым мне приходилось встречаться». Он называет Чарли эгоистичным тираном и скрягой, говорит, что тот оскорблял людей, которые опаздывали, и безжалостно ругал, заставляя работать быстрее. Сразу после окончания съемок, весной 1966 года, Чаплин дал интервью, в котором, в частности, сказал: «…это такое удовольствие, и я каждую минуту что-то доказываю самому себе. Не знаю, что именно… но я доказываю, что могу это делать. Я всегда был увлечен работой. Полагаю, иногда увлечен даже больше, чем работа того заслуживала».

Осенью того же года Чарли поскользнулся на

тротуаре перед студией Pinewood и сломал лодыжку. На ногу наложили гипс, и следующие семь недель он был вынужден ковылять на костылях или пользоваться инвалидной коляской. Это не улучшало настроение Чаплина — он действительно становился все мрачнее. Чарли продолжал работать, но, когда в конце ноября гипс сняли, прежняя энергия и подвижность к нему уже не вернулись. Возможно, Чаплин также перенес микроинсульт. Это был первый признак старости, и Уна стала еще внимательнее присматривать за мужем.

Фильм «Графиня из Гонконга» вышел в начале 1967 года и сначала был принят весьма прохладно, если не сказать враждебно. Его называли статичным и старомодным. Сюжет такой. Американский дипломат завершает круиз по миру, возвращаясь в США. В Гонконге он встречает русскую аристократку, вынужденную работать танцовщицей. Они весело проводят время, и на следующее утро дипломат обнаруживает девушку в своей каюте — она тоже хочет в Америку… Картина очаровательна, с характерными чаплиновскими штрихами, но в данном случае одного очарования оказалось недостаточно. Романтические комедии, легкие и утонченные, в то

время были не в моде. Не украсила фильм и игра Брандо, которую критики назвали деревянной. Возможно, он испытывал такую неприязнь к режиссеру, что не посчитал нужным стараться в этой роли. Весь фильм Марлон выглядит слегка недовольным и скованным. А вот небольшие роли Патрика Каргилла и Маргарет Рутерфорд были эффектны.

Чаплин сказал кому-то из журналистов: «В английских рецензиях на «Графиню» меня больше всего шокировала их анонимность. Причем все выпады исключительно личные. Их интересует одно — Чаплин провалился». Брандо позвонил Лорен и сказал: «Нас просто уничтожили». Американские критики не отставали от английских. Босли Кроутер из New York Times писал: «Это фиаско, причем одно из самых обидных и ненужных, которые, насколько я знаю, случались с фильмами». Помощник, читавший Чаплину слова Кроутера, вспоминает: «Он слушал стоически, сложив руки на груди — с бесстрастным лицом. Молча. Когда я закончил, он вышел из комнаты».

К Ч.Ч. все ближе подступали тени смерти… Его старший брат Сидни умер 16 апреля 1965 года, в день рождения самого Чаплина. Летом 1967 года скончался его любимый оператор Ролли Тотеро,

с которым Чарли работал столько лет… Затем, в следующем году, умер его старший сын. Чарльзу было всего 43 года… Пережить все это Чаплину помогла преданная жена. Он ни на секунду не отпускал Уну от себя. Автор романов о супершпионе Джеймсе Бонде Иэн Флеминг после визита в Веве заметил: «…так приятно было видеть двух людей, искренне наслаждающихся взаимной любовью». Они находили удовольствие в обществе друг друга. Они постоянно держались за руки. Уна часто гладила мужа по голове и целовала.

Безусловно, эта семейная идиллия не была безоблачной. Друзья и знакомые иногда замечали нервозность и напряженность Уны. Говорили, что она пыталась снимать их спиртным. Администратор Чаплина Рейчел Форд пожимает плечами: «Уна никогда не пила втайне. Чарли знал. Она пыталась спрятаться, когда они ссорились, — запиралась на несколько дней и пила… Однажды я приехала, чтобы уладить какие-то дела, и застала его в жуткой ярости. Она убежала в свою комнату и заперла дверь. Он пытался вытащить ее оттуда… Это был настоящий ад».

В 1967 году Чаплин сказал: «…в своем возрасте я не хочу впустую тратить дни. Я хочу жить каждую минуту». В 78-й день рождения он с шутливой

злостью набросился на именинный торт. Сохранилась фотография, на которой Чарли нацелился на торт большим ножом. Чаплин по-прежнему работал и начал подготовку к съемкам следующей картины.

Он трудился над сценарием фильма, который назвал «Другая» (The Freak). Это была история о крылатой девочке, которой поклонялись в Чили, считая ангелом, спустившимся с небес, но затем ее похитили и увезли в Лондон, где ей пришлось пережить множество несчастий. Роль девочки Чарли писал для своей дочери Виктории, но из этой идеи ничего не вышло. В студии Shepperton прошли пробы, была сделана раскадровка, но на этом все и закончилось. Виктория Чаплин говорила: «Я прямо умирала от желания сняться в «Другой», но чувствовала, что фильму что-то мешает. Помню, как на Рождество 1969 года мама сказала мне, отозвав в буфетную: «Знаешь, на самом деле я не хочу, чтобы отец делал этот фильм. Если он возьмет на себя такую ношу, это его убьет… Или он будет жить, или умрет, снимая фильм». Проект был остановлен. Чаплин этого не заметил — или ему не сказали, — и еще пять лет продолжал время от времени работать над этой идеей.

Но предполагаемая героиня покинула его. Виктория Чаплин сбежала в Париж с молодым французским актером Жаном Батистом Тьере, и в 1971 году они основали собственный цирк, названный Le Cirque Imaginaire. Чаплин жаловался своему музыкальному консультанту Эрику Джеймсу: «Я любил ее, как и всех своих детей, и дал ей все, что она хотела. Почему она отплатила мне этим?»

Джеймс сказал, что Чаплин может попытаться помочь Виктории, если ей и ее другу сейчас трудно. В ответ Чарли вскочил и, в буквальном смысле слова дрожа от ярости, крикнул: «Помочь ей! Помочь ей! Она больше никогда, слышишь, никогда не переступит порог этого дома!»

Джеймс приехал в Веве для того, чтобы помочь Чаплину с новой партитурой для повторного выпуска фильма «Цирк». За всю свою творческую карьеру Чарли написал более 80 музыкальных произведений, однако теперь его воображение начало угасать… В своих мемуарах Джеймс писал: «Мне удавалось предлагать мелодии и идеи, которые были для него приемлемы». Он приводил и другие подробности жизни в Веве. Эрик вспоминал, как Чаплин все время мерз и требовал затопить печи во всех комнатах, которыми

он пользовался, как у него появилась привычка немного дремать после обеда, как дома он предпочитал простую пищу, но в ресторанах выбирал экзотические блюда, как он с удовольствием слушал, когда Джеймс наигрывал песенки из мюзик-холлов его детства, как он иногда сам исполнял эти песенки на манер Весты Тилли или Мэри Ллойд. А еще — как он ненавидел Рождество.

Произошло то, чего не могло не произойти. Чаплин удостоился звезды на голливудской Аллее славы. Это случилось в начале весны 1972 года и было лишь прелюдией к грандиозному примирению. После 20-летнего отсутствия Чарли возвращался в Америку, причем это было не просто сентиментальное путешествие. Чаплин подписал необычайно выгодный договор, связанный с прокатом некоторых его старых фильмов, и поездки в Нью-Йорк и Лос-Анджелес должны были стать лучшим рекламным туром.

В Нью-Йорк он прибыл 3 апреля 1972 года. Во время перелета Чарли был напряжен, опасаясь, что ожидавшие его в аэропорту журналисты настроены враждебно. Похоже, он даже боялся покушения и поклялся, что если увидит пикеты, направленные против него, то немедленно вер-

нется в Швейцарию. По всей вероятности, обида и подозрительность так никуда и не делись…

Чаплин присутствовал на торжественном обеде, устроенном в его честь, и пожимал руку каждому гостю. Он до такой степени устал, что обменялся рукопожатием с собственной женой, а затем с официантом, который предложил ему бокал вина. Следующим вечером во время демонстрации фильма 1921 года «Праздный класс» в зале филармонии после окончания сеанса публика встала и устроила ему овацию, крича: «Чарли! Чарли!» В ответ Чаплин сказал: «Я родился заново. В отличие от вас мне сегодня очень трудно говорить, потому что я очень волнуюсь».

Он обсуждал этот случай с репортером журнала Life. «Бог мой, — сказал Чарли. — Любовь публики. Как мило». Затем он прибавил, что зрители были словно дети, которые сожалеют о своем поступке после того, как их отшлепали. Обида прошла. «Думаю, я был готов заплакать, как ребенок. Я больше не мог сдерживать свои чувства». Однако способность к самоанализу он не утратил. «Но самое главное произошло потом, здесь, в отеле, когда все отправились по домам, и я почувствовал то, что чувствовал Гамлет. Вот я один. Я словно вернулся в начало своей

карьеры. Очень ярко. И ощутил внутри такую же грусть». Возможно, Чарли вспоминал вечер весны 1913-го в Нью-Йорке, когда он расплакался на представлении вагнеровского «Тангейзера». Его спрашивали, чувствует ли он горечь от того, как с ним обращались в 50-е годы. «Нет, нет, я ничего такого не чувствую», — ответил Чаплин.

Вместе с Уной он полетел на Западное побережье и по прибытии в Лос-Анджелес сказал встречающим: «Как приятно вернуться в Нью-Йорк!» Временами ясность мысли уже покидала Чарли… Он присутствовал на церемонии вручения премии «Оскар», в конце которой был показан документальный фильм о жизни и творчестве его самого — Чарли Чаплина. Когда экран погас и зажегся свет, он стоял на сцене. Один. Публика встретила его беспрецедентной овацией. Приветственные крики и аплодисменты не стихали несколько минут. Чаплину вручили специальный приз за бесценный вклад в то, что в этом веке кинематограф стал искусством. Зал снова аплодировал ему стоя. Чаплин был тронут до слез. Он помахал рукой и послал зрителям воздушный поцелуй. «Слова кажутся такими пустыми, — наконец сказал он, — такими ничтожными…»

Чаплин очень устал во время этой поездки. По возвращении в Веве он неудачно упал и повредил позвоночник. После этого случая Ч.Ч. редко покидал дом и не мог долго ходить без посторонней помощи. Кроме того, Чарли страдал от подагры. Он почти совсем не принимал гостей, но те, кто удостаивался такой чести, отмечали, что Чарли не отрывал глаз от тарелки и ел очень медленно. Он бесконечно перечитывал «Оливера Твиста» — вероятно, как напоминание о старом Лондоне. В последние годы Уна возила мужа по участку вокруг дома на инвалидном кресле.

Чаплина постоянно преследовал страх, что его забудут. В прошлом, когда его не узнавали, он расстраивался и даже злился. Ему всегда хотелось быть на виду. Теперь, в последние годы жизни, его беспокоило забвение в более широком смысле слова. В 1974 году он вместе с писателем Фрэнсисом Виндхэмом выпустил мемуары под названием «Моя жизнь в фотографиях» (My Life in Pictures). Виндхэм вспоминал, что Чарли требовал постоянного присутствия и заботы жены. «Он должен был все время видеть ее. Если она двигалась или ему казалось, что она собирается выйти из комнаты, он пугался». Нетрудно представить, каково приходилось Уне.

Весной 1975 года Чаплин приехал в Лондон. 4 марта королева Елизавета II посвятила его в рыцари. Как-то раз Чарли сказал, что его называют «мистер Чаплин» и он этим гордится, однако превращение в сэра Чарльза Чаплина было удовольствием совсем другого рода.

Летом он опять отправился в Великобританию. В Лондоне, в «своем» номере на пятом этаже отеля Savoy, Чаплин упал и повторно повредил спину. Пришлось возвращаться в Швейцарию. Теперь за ним круглосуточно присматривала сиделка.

Весь этот и следующий год состояние Чаплина ухудшалось. Ему стало трудно общаться с людьми. Временами он погружался в полубессознательное состояние, а однажды не смог вспомнить имя матери двух своих старших сыновей Литы Грей. В июне 1976 года Чарли сказал: «Работать — значит жить, а я люблю жить…» Уна помнит, как однажды в четыре утра ее разбудил голос мужа. Он рассуждал о своих фильмах: «Они прекрасны, но я больше никогда не буду их снимать…»

Вскоре после этого Чаплин перенес инсульт и остался частично парализованным. Он почти не узнавал людей, которых когда-то хорошо знал. Кинорежиссер Питер Богданович задумал снять

документальный фильм о легенде немого кино. Один из его коллег рассказывал, что Питер приехал в Веве и обнаружил, что Чаплин больше не Чаплин. Он практически полностью потерял память — осталось только тело, почти без разума. Он с трудом отвечал на вопросы. Можно было услышать лишь односложные слова и то неразборчиво. Младший сын Чаплина Кристофер вспоминает: «…в последний год или около того отец сделался необщительным… мое самое яркое воспоминание о нем в последний год жизни — как я сижу напротив него за обеденным столом, а он просто смотрит на меня. У него были пронзительные голубые глаза. Я часто пытался понять, о чем он думает».

Чарли погружался в себя. Майкл Чаплин вспоминал, что отец таял, медленно уходил. Складывалось впечатление, что в конечном счете Чарли обрел покой, но на самом деле он просто погрузился в безбрежный и безмолвный мир эгоизма. Жена катила инвалидную коляску к озеру, а затем вдоль берега. В последние месяцы жизни Чаплина дворецкий привозил их на машине к берегу, и они сидели и смотрели на воду. Чарли по-прежнему садился вместе со всеми за стол, и Уна помогала ему есть. Потом она ставила кресло

перед телевизором — Чаплин смотрел новостные программы и старые фильмы.

В последние три недели жизни Чарли Чаплин не выходил из спальни — ему требовался кислород. Он умер во сне на рассвете 25 декабря 1977 года. Чарли недаром всегда ненавидел Рождество…

Два дня спустя его похоронили на кладбище в Веве. Так покинул наш бренный мир великий фантазер кокни, который несколько лет был самым известным человеком на Земле.

Библиография

Anthony Barry. Chaplin's Music Hall. London, 2012.

Asplund Uno. Chaplin's Films. Newton Abbot, 1973.

Bengtson John. Silent Traces. Santa Monica, 2006.

Bessy Maurice. Charlie Chaplin. London, 1985.

Bloom Claire. Limelight and After. London, 1982.

Bowman W. D. Charlie Chaplin. London, 1931.

Brown Pam. Charlie Chaplin. Watford, 1991.

Brownlow Kevin. The Parade's Gone By. London, 1968.

Brownlow Kevin. The Search for Charlie Chaplin. London, 2010.

Chaplin Charles. My Trip Abroad. New York, 1922.

Chaplin Charles. My Autobiography. London, 1964.

Chaplin Charles. My Life in Pictures. London, 1974.

Chaplin junior Charles. My Father, Charlie Chaplin. New York, 1960.

Chaplin Lita Grey. My Life with Chaplin. New York, 1966.

Chaplin Lita Grey and Vance Jeffrey. Wife of the Life of the Party. London, 1998.

Chaplin Michael. I Couldn't Smoke the Grass on My Father's Lawn. London, 1966.

Clausius Claudia. The Gentleman Is a Tramp. New York, 1989.

Cooke Alistair. Six Men. London, 1977.

Cotes Peter and Niklaus Thelma. The Little Fellow. London, 1951.

Delluc Louis. Charlie Chaplin. London, 1922.

Epstein Jerry. Remembering Charlie. New York, 1989.

Fleischman Sid. Sir Charlie. New York, 2010.

Flom E. L. Chaplin in the Sound Era. London, 1997.

Geduld H. M. Chapliniana. Bloomington, 1987.

Geduld H. M. (ed.). Charlie Chaplin's Own Story. Indiana, 1985.

Gehring W. D. Charlie Chaplin. A Bio-Bibliography. Westport, 1983.

Gifford Denis. Chaplin. London, 1974.

Haining Peter. The Legend of Charlie Chaplin. New Jersey, 1982.

Haining Peter (ed.). Charlie Chaplin. A Centenary Celebration. London, 1989.

Hale Georgia. Charlie Chaplin. London, 1999.

Harness Kyp. The Art of Charlie Chaplin. London, 2008.

Hayes Kevin J. (ed.). Charlie Chaplin Interviews. Jackson, 2005.

Hoyt Edwin P. Sir Charlie. London, 1977.

Huff Theodore. Charlie Chaplin. New York, 1951.

Isaac Frederick. When the Moon Shone Bright on Charlie Chaplin. Melksham, 1978.

Jacobs David. Chaplin, The Movies, and Charlie. New York, 1975.

James Eric. Making Music with Charlie Chaplin. Folkestone, 2000.

Kamin Dan. Charlie Chaplin's One-Man Show. London, 1984.

Kamin Dan. The Comedy of Charlie Chaplin. Plymouth, 2008.

Kamin Dan (ed.). Chaplin: The Dictator and The Tramp. London, 2004.

Karney Robyn and Cross Robin. The Life and Times of Charlie Chaplin. London, 1992.

Kaushik Manav. Recollecting Charlie. Gurgaon, 2009.

Kerr Walter. The Silent Clowns. New York, 1975.

Kimber John. The Art of Charlie Chaplin. Sheffield, 2000.

Larcher Jérôme. Charlie Chaplin. Paris, 2011.

Louvish Simon. Chaplin. The Tramp's Odyssey. London, 2009.

Lynn Kenneth S. Charlie Chaplin and His Times. London, 1998.

Lyons Timothy J. Charles Chaplin. Boston, 1979.

McCabe John. Charlie Chaplin. London, 1978.

McCaffrey Donald (ed.). Focus on Chaplin. New Jersey, 1971.

McDonald G.D., Conway Michel and Ricci Mark (eds.). The Films of Charlie Chaplin. Secaucus, 1965.

Maland Charles J. Chaplin and American Culture. Princeton, 1989.

Manvell Roger. Chaplin. Boston, 1974.

Marriot 'A.J.' Chaplin, Stage by Stage. Hitchin, 2005.

Mast Gerald. The Comic Mind. New York, 1973.

Mellen Joan. Modern Times. London, 2006.

Milton Joyce. Tramp. New York, 1996.

Minney R. J. Chaplin. The Immortal Tramp. London, 1954. Mitchell Glenn (ed.). The Chaplin Encyclopaedia. London, 1997.

Neibaur James L. Chaplin at Essanay. London, 2008.

Okuda Ted and Maska David. Charlie Chaplin at Keystone and Essanay. New York, 2005.

Oleksy Walter. Laugh, Clown, Cry. London, 1976.

Parkinson A. F. Charlie Chaplin's South London. London, 2008.

Payne Robert. The Great God Pan. New York, 1952.

Quigly Isabel. Charlie Chaplin. Early Comedies. London, 1968.

Reeves May and Goll Claire. The Intimate Charlie Chaplin. London, 2001.

Robinson David. Chaplin. London, 1983.

Robinson David. Chaplin. His Life and Art. London, 1985.

Ross Lillian. Moments with Chaplin. New York, 1980.

Scheide Frank and Mehran Hooman (eds.). Chaplin's Limelight and the Music Hall Tradition. London, 2006.

Schikel Richard (ed.). The Essential Chaplin. Chicago, 2006.

Schroeder Alan. The Beauty of Silence. New York, 1997.

Scovell Jane. Oona. New York, 1998.

Seymour Miranda. Chaplin's Girl. London, 2009.

Smith Julian. Chaplin. London, 1984.

Smith S. P. The Charlie Chaplin Walk. Ammanford, 2010.

Sobel Raoul and Francis David. Chaplin. Genesis of a Clown. London 1977.

Turk Ruth. Charlie Chaplin. Minneapolis, 2000.

Tyler Parker. Chaplin. Last of the Clowns. New York, 1972.

Von Ulm Gerith. Charlie Chaplin. King of Tragedy. Idaho, 1940.

Vance Jeffrey. Chaplin. New York, 2003.

Weissman Stephen. Chaplin. A Life. London, 2009.

Whittemore Don and Cecchettini P. A. Passport to Hollywood. New York, 1976.

Wranovics John. Chaplin and Agee. New York, 2005.